

СОКРОВИЩА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ВОЛЬТЕР

ФИЛОСОФСКИЕ ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ, МЕМУАРЫ И
ДИАЛОГИ

II

“ А С А Д Е М І А ”

1 9 3 1

ВОЛЬТЕР

ТОМ: II

МЕМОАРЫ
И
ДИАЛОГИ

★

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. Н. ГОРЛИНА И П. К. ГУБЕРА

"АКАДЕМИА"
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

1 9 3 1

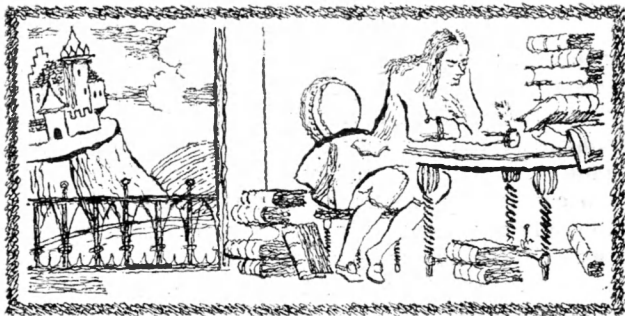
ОРНАМЕНТАЦИЯ КНИГИ
ХУД. В. М. КОНАШЕВИЧА

Ленинградский Областлит № 64831.
Тираж 5000. Зак. 8380. Гос.
тип. „Ленингр. Правда“,
Ленинград, Социали-
стическая улица,
л. № 14.

М Е М У А Р Ы
ДЛЯ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ
Г-НА ДЕ ВОЛЬТЕРА
ИМ САМИМ ПИСАННЫЕ

M É M O I R E S
POUR SERVIR À LA VIE DE M. DE VOLTAIRE,
ÉCRITS PAR LUI-MÊME

Я устал от праздной, шумной жизни Парижа, от толпы петимэтров, от множества плохих книг, напечатанных с одобрения цензуры и «с привилегией короля», от козней, чинимых литераторам, от подлостей и разбоев, царящих среди негодяев, которые бесчестят литературу. В 1733 году я встретил молодую даму, смотревшую на вещи почти так же, как я: она решила провести несколько лет в деревне, дабы предаться там, вдали от шумного света, усовершенствованию своего разума. То была маркиза дю Шатлэ, * из всех французских женщин наиболее способная ко всем наукам.

Ее отец, барон де Бретейль, научил ее латинскому языку, и она им владела не хуже, чем г-жа Дасье: она знала наизусть лучшие места из Горация, Вергилия и Лукреция. Философские произведения Цицерона также были ей хорошо знакомы. Но больше всего любила она математические науки и метафизику. Редко можно было встретить подобную ясность ума и такой вкус в соединении с такой жаждой знания. Она любила также свет и все увеселения, свойствен-

ные ее возрасту и полу. Тем не менее, она все это покинула и схоронила себя в обветшалом замке на границе Шампани и Лотарингии, в некрасивой и мало плодородной местности. Она занялась украшением этого замка и окружила его садами, довольно приятными на вид. Я присоединил к замку галерею и устроил там отличный физический кабинет. В нашем распоряжении была обширная библиотека.

Некоторые ученые приезжали пофилософствовать в наше убежище. Целых два года у нас прожил знаменитый Кениг, * который впоследствии умер в Гааге, где он был университетским профессором и библиотекарем на службе принцессы Оранской. Приезжал и Мопертюи * вместе с Жаном Бернулли. * С тех пор Мопертюи, завистливейший из смертных, избрал меня предметом этой страсти, которой он был верен всю свою жизнь.

Я начал преподавать английский язык г-же дю Шатлэ, которая по прошествии 3-х месяцев знала его не хуже меня и с одинаковой легкостью читала Локка, Ньютона и Попа. Столь же быстро выучилась она и итальянскому языку; мы вместе прочли всего Тасса и всего Ариоста, так что, когда к нам в Сирэ приехал Альгаротти с целью закончить здесь свое сочинение «*Newtonianismo per le dame*»,¹ она уже настолько знала язык, что была в состоянии давать ему весьма дельные советы, которыми он воспользовался. Альгаротти, любезный венецианец, сын богатейшего купца, путешествовал по всей Европе.

¹ „Ньютопанство, изложенное для дам“.

знал всего понемножку и всему умел сообщать особую грацию и легкость.

В нашем очаровательном убежище мы помышляли только о собственном просвещении, не стараясь узнать о том, что делается в остальном мире. Долгое время наше внимание было обращено главным образом на Лейбница и Ньютона. Г-жа дю Шатлэ занялась сначала Лейбницем и изложила часть его системы в отлично написанной книге, озаглавленной «*Institutions de physique*». Она не старалась разубрать эту философию посторонними украшениями: такая вычурность была чужда ее мужественному и правдивому нраву. Ясность, точность и изящество отличали ее слог. Если идеям Лейбница вообще можно сообщить некоторую убедительность, таковую надо искать именно в этой книге. Но в настоящее время уже мало заботятся о том, что думал Лейбниц.

Рожденная для истины, она вскоре покинула все отвлеченные системы и прилепилась к открытиям великого Ньютона. Она перевела на французский язык всю книгу математических принципов, а впоследствии, укрепив свои познания, прибавила к этой книге, доступной очень немногим, алгебраический комментарий, который, равным образом, не может быть понятен рядовому читателю. Г-н Клеро, один из наших лучших геометров, просмотрел этот комментарий. К изданию его приступлено; нашему веку делает мало чести, что оно осталось незаконченным.

Мы занимались в Сирэ всеми искусствами. Я сочинил там «Альзиру», «Меропу», «Блуд-

ного сына», «Магомета». Для г-жи дю Шатлэ я стал работать над «Опытом всеобщей истории» от Карла Великого до наших дней. Я избрал эпоху Карла, потому что на ней остановился Боссюет, и я не решился касаться того, что было описано этим великим мужем. Маркизе, однако, не нравилась «Всеобщая история», сочиненная прелатом. Она находила ее всего на всего красноречивой; она негодовала, что почти все творение Боссюета вертится вокруг столь презренной иудейской народности.

После шести лет, проведенных нами в этом убежище на лоне наук и искусств, мы были вынуждены отправиться в Брюссель, где семья дю Шатлэ уже давно вела важную тяжбу с семьей де Гонсбруков. Там я имел честь встретить председателя местной счетной палаты, приходившегося родным внуком знаменитому и несчастному великому пенсионарию де Витту. * Он обладал одной из лучших европейских библиотек, которая много послужила мне при составлении моей «Всеобщей истории». Кроме того в Брюсселе на мою долю выпало другое, более редкое и более ощутительное для меня счастье: я примирил обе тяжущиеся стороны, которые разорялись на судебные издержки в течение шестидесяти лет. Я добился того, что маркиз дю Шатлэ получил наличными деньгами двести двадцать тысяч ливров, чем все и закончилось.

Во время моего пребывания в Брюсселе в 1740 году толстый прусский король Фридрих, наименее терпеливый, самый бережливый и са-

мый богатый наличными деньгами из всех королей, умер в Берлине. Его сын, составивший себе впоследствии столь громкую репутацию, уже четыре года поддерживал со мною довольно регулярные сношения. Быть может никогда еще на свете не существовало отца и сына, менее похожих друг на друга. Отец, настоящий вандал, в течение всего своего царствования помышлял только о том, чтобы накопить побольше денег и содержать с наименьшими расходами лучшие войска в Европе. Никогда подданные не были так бедны, и никогда король не был так богат. Он скупил за низкую цену значительную часть земельных владений, принадлежавших его дворянству, которое вскоре проело ничтожные суммы, им полученные; вдобавок, половина этих денег вернулась в королевские сундуки при посредстве налогов на потребление. Все королевские земли были сданы в аренду сборщикам податей, которые в то же время были и судьями. Таким образом, если какой-нибудь земледелец не вносил своевременно платы откупщику, этот последний надевал одежду судьи и приговаривал недоимщика к уплате штрафа в двойном размере. Надо при этом заметить, что если этот самый судья в конце месяца не выплачивал того, что следовало королю, его самого присуждали к двойной уплате в следующем месяце.

Если кто-либо убивал зайца, срубал сучья с дерева по соседству с королевскими землями или совершал какой-либо другой проступок, его заставляли платить штраф. Если девушка рожала ребенка, то требовалось, чтобы мать или

отец или их родители вносили деньги королю за безчестье.

Баронесса фон Книпгаузен, богатейшая вдова в Берлине, иначе говоря — получавшая в год от семи до восьми тысяч ливров дохода, была обвинена в том, будто произвела на свет нового королевского подданного в конце второго года своего вдовства. Король собственноручно написал ей, что для спасения своей чести она должна немедленно внести тридцать тысяч ливров в его казну; баронесса была вынуждена занять эти деньги и потому разорилась.

У короля был в Гааге посланник по имени Луициус; из всех посланников коронованных особ он, конечно, меньше всего получал жалованья; этот бедный человек, чтобы добыть себе дров на зиму, был вынужден срубить несколько деревьев в саду Хорс-Лардик, принадлежавшем тогда прусскому королевскому дому; вскоре после этого он получил депешу от короля, своего повелителя, который сообщал ему, что удерживает его годовое содержание. Луициус в отчаянии перерезал себе горло своей единственной бритвой. Старый лакей прибежал на помощь и к несчастью спас ему жизнь. Я впоследствии видел его превосходительство в Гааге и подал ему милостыню у ворот дворца, называемого «Старый Двор» и принадлежавшего королю прусскому, где этот бедный посланник проживал в течение двенадцати лет.

Надо признаться, что Турция настоящая республика по сравнению с деспотизмом Фридриха Вильгельма. Подобными способами он успел за двадцать восемь лет царствования ско-

нить в погребах своего берлинского дворца около двадцати миллионов эку, старательно запрятанных в бочки с железными обручами. Он для собственного удовольствия оставил парадные покои дворца массивными серебряными вещами, в которых материал преобладал над искусством. Он подарил королеве, своей супруге, обстановку кабинета, в котором все вещи были сделаны из золота, вплоть до каминных щипцов и кочерги.

Монарх пешком выходил из этого дворца, одетый в скверный кафтан из синего сукна с медными пуговицами, достигавший ему до половины ляжек; когда же он покупал себе новый кафтан, то пришивал к нему старые пуговицы. В этом наряде его величество, вооружившись толстой сержантской палкой, каждый день делал смотр своим великанам. Этот полк был его любимой забавой и стоил ему больших денег. Первый ряд гренадерской роты состоял из людей, из которых наименее рослый был высотой до 7 футов. Он покупал их во всех странах Европы и Азии. Я еще видел кое-кого из них после его смерти. Король, его сын, любивший мужчин красивых, но не обязательно высоких, приставил великанов к королеве, своей супруге, в качестве гайдуков. Я вспоминаю, как они сопровождали старую парадную карету, высланную на встречу маркизу де Бово, который явился в ноябре 1740 года, чтобы приветствовать нового короля. Покойный король Фридрих Вильгельм, велевший когда-то распродать всю роскошную мебель своего отца, никак не мог отделаться от этой огромной кареты,

с которой слезла вся поволога. Гайдуки шли по обеим сторонам экипажа, чтобы поддерживать его в случае, если он станет валиться, и протягивали друг другу руки поверх кузова.

Закончив смотр, Фридрих Вильгельм отправлялся гулять по городу. Все разбегались как можно скорее. Если он встречал женщину, то спрашивал, зачем она тратит даром время на улице: «Убирайся во свояси, негодяйка; честная женщина должна заниматься хозяйством». И он сопровождал это увещанье или здоровой пощечиной или пинком ноги в живот, или несколькими ударами палки. Так обходился он и со служителями евангелия, если им приходила фантазия поглазеть на парад.

Можно себе представить, как был удивлен и рассержен этот вандал, видя, что у него растет сын, исполненный остроумия, грации, любезности и желанья нравиться, сын старавшийся образовать себя, занимавшийся музыкой и писавший стихи. Если он видел книгу в руках наследного принца, то бросал ее в огонь. Если принц играл на флейте, отец ломал флейту и порой третировал его королевское высочество так же, как дам и священников на параде.

Принц, которому наскучили эти знаки отцовского внимания, решил в одно прекрасное утро 1730 года бежать, сам еще не зная наверное, отправится ли он в Англию или во Францию. Родительская бережливость не позволяла ему путешествовать, как сыну главного откупщика или английского негоцианта. Он был вынужден взять займы несколько сот червонцев.

Два очень милых молодых человека по имени

Котт и Кейт должны были его сопровождать. Котт был единственным сыном храброго генерала, Кейт — зятем той самой баронессы фон Книпгаузен, которой удовольствие произвести на свет младенца стоило десять тысяч эку. День и час были назначены; но отец был обо всем предупрежден: принца арестовали одновременно с его спутниками. Король сначала полагал, что его дочь принцесса Вильгельмина, вышедшая впоследствии замуж за маркграфа Байрейтского, тоже состоит в заговоре; и так как он был очень скор на расправу, то пинками ноги выбросил ее из окна, раскрывавшегося до самого пола. Королева-мать, случайно оказавшаяся поблизости в ту самую минуту, когда Вильгельмина уже готовилась прыгнуть, на силу удержала ее за юбки. Принцесса получила ушиб пониже левого соска; этот знак сохранился у ней на всю жизнь, и она сделала мне честь однажды показать его.

У принца была любовница, или что-то в этом роде, дочь школьного учителя из Бранденбурга, проживавшая в Потсдаме. Она довольно плохо играла на клавесине, наследный принц аккомпанировал ей на флейте. Он решил, что влюблен в нее, но в этом он ошибался: прекрасный пол был не по его части. Однако, поскольку он притворялся, будто любит ее, отец заставил эту барышню прогуляться вокруг площади в Потсдаме в сопровождении палача, который сек ее на глазах у его сына.

Угостив принца этим спектаклем, король велел посадить его в Кюстринскую цитадель, лежащую посреди болота. Там он провел в за-

ключении шесть месяцев без слуг, один в тесном каземате. По прошествии шести месяцев ему дали солдата в служителя. Этот солдат, молодой, красивый, статный, игравший на флейте, весьма различными способами развлекал узника. Столь прекрасные качества обеспечили впоследствии его карьеру. Я видел его уже одновременно в звании камердинера и первого министра, при чем он проявлял всю ту наглость, которую могут сообщить человеку обе названные должности.

Принц просидел уже несколько недель в Кюстринском замке, когда старый офицер, в сопровождении четырех гренадеров, вошел в его камеру, обливаясь слезами. Фридрих не сомневался, что ему собираются перерезать горло. Но офицер, продолжая плакать, велел четырем гренадерам взять арестанта, поставить его у окна и держать в таком положении, не давая ему возможность повернуться, между тем как на эшафоте, сооруженном в виду окна, рубили голову его другу фон Котту. Принц протянул Котту руку и упал в обморок. Отец присутствовал при этом зрелище, как и при сечении девушки.

Что касается Кейта, второго наперсника, то он успел бежать в Голландию. Король послал туда солдат, чтобы арестовать его, но солдаты опоздали ровно на одну минуту, и Кейт благополучно отплыл в Португалию, где оставался до смерти милосердного Фридриха Вильгельма.

Король не желал этим ограничиться. Он питал намерение отрубить голову своему сыну. Он думал, что у него есть еще три других

мальчика, из которых ни один не пишет стихов, и что этого достаточно для величия Пруссии. Все меры были уже приняты, чтобы приговорить наследного принца к смерти, как был приговорен царевич, старший сын царя Петра I.

Из законов божеских и человеческих, как будто, и не вытекает, что молодой человек непременно должен потерять голову за то, что пожелал путешествовать. Но король нашел в Берлине судей, столь же искусных, как русские. В крайнем случае одного родительского авторитета было бы достаточно. Император Карл VI, утверждавший, что наследный принц, в качестве князя империи, может быть осужден на казнь только сеймом, послал к отцу графа фон Зеккендорфа с самыми серьезными увещаниями. Граф Зеккендорф, которого я впоследствии видел в Саксонии, где он живет в отставке, клялся мне, что ему стоило большого труда добиться, чтобы принцу не отрубили головы. Этот самый Зеккендорф впоследствии командовал войсками в Баварии. Принц, ставший королем прусским, дал ему ужасную характеристику в истории своего отца, напечатанной в тридцати экземплярах. После этого служите принцам и мешайте рубить им голову!

По прошествии восемнадцати месяцев, ходатайства императора и слезы королевы прусской вернули свободу наследному принцу, который стал сочинять стихи и заниматься музыкой усерднее, чем когда-либо. Он читал Лейбница и даже Вольфа,* которого называл компилятором дребедени, и набрасывался на все науки сразу.

Так как отец не допускал его к государственным делам, да в этой стране и дел-то никаких не было, и все сводилось к одним смотрам, принц употреблял свои досуги на переписку с французскими литераторами, до некоторой степени известными в остальном мире. Главное бремя упало на меня. То были письма в стихах, то были трактаты по метафизике, истории и политике. Он называл меня божественным человеком; я называл его Соломоном. Эпитеты нам ничего не стоили. Кое-какие из этих пошлостей напечатаны в собрании моих сочинений, но к счастью в печать попала только одна тридцатая часть. Я позволил себе послать ему в подарок очень красивую чернильницу, купленную в магазине Мартэна; он соблаговолил подарить мне несколько безделушек из янтаря. И все остряки парижских кофеен вообразили, к собственному ужасу, будто карьера моя уже сделана.

Молодой курляндец по имени Кайзерлинг, который тоже сочинял с грехом пополам французские стихи и вследствие того был тогда фаворитом принца, явился к нам в Сирэ из пределов Померании. Мы устроили празднество в его честь. Я заказал красивую иллюминацию, в огнях которой можно было прочесть шифр и имя наследного принца со следующим девизом «Надежда человеческого рода». Что касается меня, если бы я пожелал питать какие-либо личные надежды, то имел бы на это полное право. Ибо мне писали «мой милый друг» и часто твердили в депешах о солидных доказательствах дружбы, предназначенных мне по

вступлении его высочества на престол. Он, наконец, действительно вступил, когда я находился в Брюсселе; он начал с того, что отправил во Францию в качестве чрезвычайного посла однорукого человека, по имени Камá, французского эмигранта, служившего офицером в его войсках. Он говорил, что поскольку французский посланник в Берлине не имеет кисти на руке, то он, с целью расквитаться с королем Франции, направит к нему посланника, которому нехватает всей руки целиком. Кама, остановившись в трактире, отправил ко мне молодого человека, состоявшего при нем в пажках, и велел передать, что он слишком утомлен, дабы посетить меня лично, но просит меня отправиться немедленно к нему, ибо он должен вручить мне драгоценнейший подарок от короля, своего повелителя.

— Бегите скорей, — сказала г-жа дю Шатлэ, — вам без сомнения, присланы бриллианты прусской короны.

Я побежал и розыскал посла, у которого вместо дипломатической вализы стояла позади кресла четверть вина из погребов покойного короля, каковую четверть благополучно царствующий король приказывал мне выпить. Я рассыпался в изъявлениях благодарности и удивления перед жидкими доказательствами благоволения его величества, заменившими обещанные солидные доказательства, и разделил подаренную четверть с послом.

Мой Соломон находился в то время в странствиях. Ему пришла фантазия, осматривая свои длинные и узкие владения, тянувшиеся от Гель-

дера вплоть до Балтийского моря, осмотреть инкогнито французские границы и войска.

Он доставил себе это удовольствие в Страсбурге под именем графа де Фура, богатого вельможи из Богемии. Его брат наследный принц, сопровождавший его, тоже избрал себе псевдоним, и только Альгаротти, который уже в то время состоял у него на службе, не носил никакой маски.

Король отослал мне в Брюссель описание своего путешествия наполовину в прозе и наполовину в стихах, в стиле Башомона и де Шапеля,* насколько прусский король способен приблизиться к этому стилю. Вот несколько отрывков из его письма.

«После отвратительной дороги мы нашли пристанище, еще более отвратительное.

«Ужасные дороги, плохая еда, плохое питье: но это еще не все. Мы испытали множество несчастных случайностей; и уже наверное мы имели весьма странный вид, ибо в каждом новом месте нас принимали за кого-либо другого.

«Кельнский почмейстер уверял нас, что нет спасенья без паспорта, и видя, что обстоятельства вынуждают нас с совершенной необходимостью либо самим приготовить себе паспорт, либо отказаться о посещения Страсбурга, мы приняли первое решение, при чем нам отлично послужил прусский герб на моей печати.

«Таким образом мы прибыли в Страсбург, где таможенный корсар и досмотрщик остались вполне довольны нашими документами.

Ces scélérats nous épiaient;
D'un œil le passe-port lisaient.

De l'autre lorgnaient notre bourse,
 L'or, qui toujours fut de ressource,
 Par lequel Juppiter jouissait
 De Danaë qu'il caressait;
 L'or, par qui César gouvernait
 Le monde, heureux sous son empire;
 L'or plus dieu que Mars et l'Amour:
 Ce même or sut nous introduire
 Le soir dans les murs de Strasbourg".¹

Из этого письма явствует что он еще не успел стать лучшим из наших поэтов и что философия не сделала его равнодушным к металлу, обширные запасы которого накопил его отец. Из Страсбурга он отправился обозревать свои владения в Нижней Германии и сообщил, что приедет инкогнито повидаться со мною в Брюссель. Мы приготовили ему прекрасный дом. Но он расхворался в маленьком замке Мёз, в двух лье от Клев, и написал мне оттуда, что я первый должен нанести ему визит. Итак, я отправился засвидетельствовать ему мое глубочайшее почтение. Мопертюи, уже делеявший честолюбивые планы и одержимый неистовым желаньем сделаться президентом Академии, прибыл по собственному почину и жил вместе с Альгаротти и Кайзерлингом на чердаке этого дворца. У ворот для охраны стоял солдат. Тайный советник Рамбоне, государственный министр, прогуливался по двору, дуя себе на пальцы. На нем были большие полотняные

¹ Эти негодяи следили за нами, читали одним глазом паспорта, другим косились на наш кошелек. Золото всегда выручало, то самое золото, при чьей помощи Юпитер наслаждался Данаей, которую он ласкал; посредством золота Цезарь управлял миром, счастливым под его властью. Золото, более божественное, чем Марс и Амур, ввело нас вечером в стены Страсбурга.

манжеты, очень грязные, дырявая шляпа и судейский парик, который одним боком спускался ему до кармана, а другим едва достигал плеча. Мне сказали, что этому человеку поручено важное государственное дело, и это была совершенная правда.

Меня ввели в покои его величества. Я увидел в них только голые стены. Я нашел в маленькой комнате, при свете одинокой свечи, жалкую кроватку шириной в $2\frac{1}{2}$ фута, на которой лежал маленький человечек, закутанный в халат из грубого синего сукна: это и был король, потевший и дрожавший в ознобе под скверным одеялом в приступе жесткой лихорадки. Я ответил ему глубокий поклон и для первого знакомства пощупал ему пульс, как если бы я был его придворным медиком. Когда припадок миновал, король оделся и сел за стол. Алькаротти, Кайзерлинг, Мопертюи, посланник короля при голландских генеральных штатах и я отужинали вместе, при чем мы глубокомысленно обсуждали вопросы о бессмертии души, о свободе воли и об андрогидах Платона.

Тайный советник Рамбоне, тем временем, сел на наемную лошадь; он ехал всю ночь и к утру добрался до ворот города Льежа, где составил формальный акт от имени короля, своего повелителя, а тем временем две тысячи солдат, пришедших из Везеля, окружили город и взыскали с него контрибуцию. Поводом для этой героической экспедиции были какие-то права на одно из предместий, заявленные королем. Он даже поручил мне составить манифест и я — худо ли, хорошо ли — справился с этой задачей, не

сомневаясь, что король, с которым я ужинал и который называл меня своим другом, во всяком случае должен быть прав. Дело вскоре уладилось при посредстве миллиона, по его требованию уплаченного в полновесных дукатах, что и возместило все путевые издержки, на которые он жаловался в своем поэтическом послании.

Я не мог не привязаться к нему, так как он был остроумен, любезен и еще, к тому же, король. Это всегда служит для нас большой приманкой по нашей человеческой слабости. Обычно мы, писатели, льстим королям; но, в данном случае, он расхваливал меня с головы до ног, в то время как аббат Дефонтэн и другие негодяи бесчестили меня в Париже по меньшей мере один раз в неделю.

Прусский король незадолго до смерти своего отца вздумал написать книгу против Маккиавелли. Если бы Маккиавелли был учителем принца, то, конечно, прежде всего посоветовал бы ему написать подобное сочинение. Но последний принц не обладал подобным коварством. Он писал совершенно искренно в то время, когда еще не был государем и когда пример отца не внушал ему ни малейшей любви к деспотизму. Он в то время восхвалял от чистого сердца умеренность и правосудие и в своем увлечении рассматривал всякую узурпацию, как преступление. Он переслал мне свою рукопись в Брюссель, чтобы я ее исправил и отдал в печать; я уже подарил ее одному голландскому книгопродавцу по имени Ван Дюрену, самому отъявленному мерзавцу из всех мерзавцев этой породы. Тут я, наконец, почув-

ствовал угрызения совести за то, что помог напечатать «Анти-Маккиавелли», в то время как прусский король, имевший сто миллионов у себя в сундуках, отнимал миллион у бедных обывателей Льежа руками советника Рамбоне. Я рассудил, что мой Соломон не ограничится этим. Отец оставил ему в наследство шестьдесят шесть тысяч превосходных солдат; он увеличил их число и, повидимому, собирался воспользоваться ими при первой okazji.

Я поставил ему на вид, что, быть может, не совсем удобно печатать книгу как раз в то самое время, когда его могут обвинить в нарушении преподанных в ней правил. Он позволил мне остановить издание. Я отправился в Голландию с единственной целью оказать ему эту маленькую услугу, но книгопродавец запросил столько денег, что король, который в глубине души был очень рад видеть свое произведение напечатанным, предпочел, чтобы его напечатали совершенно даром, вместо того, чтобы платить деньги за ненапечатание.

Когда я находился в Голландии по этому делу, император Карл VI скончался, в октябре месяце 1740 года, от несваренья желудка, вызванного грибами, каковое несварение послужило причиной апоплексического удара. Это грибное блюдо изменило судьбы Европы. Вскоре обнаружилось, что Фридрих II, король прусский, совсем не такой враг Маккиавелли, каким представлялся наследный принц. Хотя уже в его голове вертелись мысли о вторжении в Силезию, он, тем не менее, пригласил меня к своему двору.

Я однажды уже его уведомил, что не могу поселиться с ним, что я должен поставить дружбу выше честолюбия, что я предан г-же дю Шатля и что из двух философов я предпочитаю даму — королю.

Он одобрил эту вольность с моей стороны, хотя вообще не любил женщин. Я отправился к нему на поклон в октябре. Кардинал Флери * написал мне длинное письмо, исполненное похвал, о Маккиавелли и ее автору; я не преминул показать королю это письмо. Он уже собирал войска, при чем никто из генералов не мог разгадать его намерений. Маркиз де Бово, присланный к нему с приветствием от имени французского двора, полагал, что король собирается выступить против Франции на стороне Марии Терезии, королевы венгерской и богемской, дочери Карла VI; что он хочет поддержать кандидатуру в императоры Франца Лотарингского, великого герцога тосканского, супруга этой королевы, и надеется извлечь отсюда великие выгоды.

Больше кого либо другого я должен был поверить, что король прусский изберет это решение, ибо он прислал мне за три месяца перед тем политическое сочинение своего изделия, в котором рассматривал Францию, как естественного врага и расхитительницу Германии. Но его натуре было свойственно всегда делать противоположное тому, что он говорил и что писал. И поступал он таким образом не из притворства. Он говорил и писал под влиянием одного увлечения и затем действовал под влиянием другого.

15 декабря он, больной перемежающейся лихорадкой, отправился покорять Силезию, во главе тридцати-тысячной армии, снабженной всем необходимым и отлично дисциплинированной. Он сказал маркизу де Бово, садясь на лошадь:

— Я сыграю вашу игру. Если ко мне пойдут козыри, мы поделимся.

Впоследствии он написал историю этого похода, которую показывал мне всю целиком. Вот любопытная заметка, встречающаяся в начале этой летописи; я позаботился переписать именно ее, как единственный в своем роде исторический памятник:

«Прибавьте к этим соображениям войска, постоянно готовые к действию, полную казну и живость моего характера. Вот причины, побудившие меня объявить войну Марии Терезии, королеве Венгрии и Богемии».

Несколькими строчками далее стояли буквально следующие слова: «Честолюбие, выгода, желанье заставить говорить о себе одержали верх, и война была решена».

С тех пор как на свете существуют завоеватели или пылкие люди, мечтающие сделаться завоевателями, я полагаю, что он первый воздал себе должное. Никогда, быть может, человек не чувствовал в такой мере силу разума и не повиновался так слепо своим страстям. Эта смесь философии с беспорядочным воображением всегда составляла основу его характера.

Жаль, что исправляя впоследствии его произведение, я заставил выбросить это место: столь редкое признание должно было перейти

к потомству и послужить указанием того, как возникают почти все войны. Мы, литераторы, поэты, историки, академические ораторы прославляем эти прекрасные подвиги; а вот король, который совершает эти подвиги и который их осуждает.

Его войска уже находились в Силезии, когда барон фон Готтер, его посланник в Вене, очень невежливо предложил Марии Терезии уступить добровольно королю и курфюрсту, его повелителю, три четверти этой провинции, за что король прусский даст ей взаймы три миллиона эку и сделает ее мужа императором.

Мария Терезия не имела тогда ни войск, ни денег, ни кредита и, однако, выказала себя непоколебимой. Она предпочла идти на риск и всё потерять, нежели уступить королю, который в ее глазах был только вассалом ее предков и которому ее отец-император спас жизнь. Ее генералы с трудом собрали двадцать тысяч человек. Маршал Нейпер, командовавший ими, вынудил прусского короля принять битву под стенами Нейса, вблизи деревни Мольвиц. Прусская кавалерия была вначале смята кавалерией австрийской, и король, еще не успевший привыкнуть к боям, бежал в Оппелейм за двенадцать лье с лишним от поля сражения. Мопертюи, надеявшийся сделать большую карьеру, сопровождал его в этом своеобразном походе, вообразив, что король, по крайней мере, даст ему лошадь. Но не таков был обычай короля. Мопертюи в день битвы купил себе осла за два червонца и на этом осле поспевал, как мог, за его величеством. В бегстве это живот-

ное оказалось несостоятельным. Мопертюи был взят в плен и дочиста обобран гусарами.

Фридрих провел ночь, валяясь на тюфяке в деревенском трактире вблизи Ратибора, недалеко от границы польской. Он был в отчаяньи и полагал, что ему придется проехать половину Польши, чтобы добраться до северных окраин своих владений, когда один из его егерей явился к нему из-под Мольвица и возвестил, что сражение выиграно. Четверть часа спустя эта новость была подтверждена адъютантом. Известие оказалось верным. Если прусская кавалерия была плоха, то пехота могла считаться лучшей в Европе. Ее тридцать лет под ряд муштровал старый принц Ангальтский. Маршал фон Шверин, командовавший армией, был учеником Карла XII; он выиграл сражение тотчас же после того, как король убежал. Монарх вернулся на другой день и генерал-победитель попал почти-что в немилость.

Я вернулся философствовать в мое убежище в Сирэ. Зимы я проводил в Париже, где у меня была целая толпа врагов, ибо, посмевав написать задолго перед тем «Историю Карла XII», поставив на театре несколько пьес и даже сочинив эпическую поэму, я, разумеется, приобрел гонителей в лице всех тех, кто занимался стихами или прозой. А так как я даже дерзнул писать о философии, то люди, именуемые набожными, разумеется, должны были прозвать меня атеистом согласно своему старинному обычаю.

Я первый решился изложить для моего народа понятным языком открытия Ньютона. Картезианские предрассудки, заменившие во

Франции предрассудки перипатетиков,^{*} были тогда так прочны, что канцлер д'Агессо считал врагом разума и государства всякого, кто признает открытия, сделанные в Англии. Он ни за что не хотел выдать привилегию на напечатание «Элементов философии Ньютона».

Я был завзятым поклонником Локка; я видел в нем единственного разумного метафизика; особенно восхвалял я ту сдержанность, столь необычную, столь мудрую и в то же время столь смелую, с которой он заявляет, что свет нашего разума, никогда не даст нам достаточно данных для утверждения, что бог не может даровать мысль и чувство сущности, именуемой материей.

Невозможно представить себе, с какой яростью и с какой неустрашимостью невежество набросилось на меня за эту статью. Ученье Локка до той поры не успело надеть шума во Франции, потому что доктора богословия читали св. Фому и Кенеля,^{*} а широкая публика читала романы. Когда я похвалил Локка, поднялся крик и против него, и против меня. Бедные люди, которые из себя выходили во время этого спора, не знали без сомнения ни что такое материя, ни что такое дух. Мы, ведь, ничего не знаем о нас самих, мы одарены способностью движения, жизнью, чувством, мыслью, но мы не знаем, что это такое; элементы материи нам столь же неизвестны, как и все прочее; мы слепцы, подвигающиеся вперед и рассуждающие ощупью. Локк выказал великую мудрость, сознавшись, что не нам решать, что может и чего не может сделать всемогущий.

Все это, в связи с успехом некоторых моих пьес на театре, навлекло на меня огромную библиотеку брошюр, в которых доказывалось, что я плохой поэт, безбожник и сын крестьянина.

Была напечатана история моей жизни, в которой меня одарили этой прекрасной родословной. Один немец не преминул собрать все подобные басни, которыми были нафаршированы печатавшиеся против меня пасквили. Мне приписывали похождения с особами, которых я никогда не знал или которые никогда не существовали.

Набрасывая эти строки я разыскал письмо маршала де Ришелье, * сообщавшего мне о существовании длиннейшего пасквиля, в котором доказывалось, будто жена его, маршала, подарила мне красивую коляску и еще кое-что в те времена, когда у маршала и жены-то никакой не было. Сначала мне доставляло удовольствие подбирать сборник этих клевет; но с той поры они так умножились, что я был вынужден от этого отказаться.

Таков был единственный плод всех моих трудов. Но мне легко было утешаться то в моем убежище Сирэ, то в приятной компании в Париже.

Меж тем как экскременты литературы воевали со мной, Франция вела войну с королевою Венгрии; и надо признаться, что эта вторая война была ничуть не справедливее первой. Ибо после торжественного и подкрепленного клятвой утверждения прагматической санкции императора Карла VI, после вступления Марии

Терезии в права наследства и после получения Лотарингии в награду за обещанную ей поддержку, — нарушение данных обязательств, как будто, не совсем соответствовало международному праву. Кардинала Флери заставили хватить через край. Он не мог сказать подобно прусскому королю, что излишняя живость темперамента заставила его взяться за оружие. Этот счастливый священник царствовал в возрасте 86 лет и держал бразды правления весьма слабой рукой. Мы соединились с королем прусским в то время, как он завоевывал Силезию; мы отправили в Германию две армии в то время, как Мария Терезия не имела там ни одной. Первая из этих армий подошла к Вене на расстояние пяти лье, не встретив неприятеля; Богемия была передана курфюрсту баварскому, который был избран императором, после того как принял на себя звание генерал-лейтенанта в войсках французского короля. Но вскоре мы наделали столько ошибок, что пришлось сызнова все потерять.

Король прусский, тем временем, закалив свое мужество и выиграв несколько сражений, заключил мир с австрийцами. Мария Терезия к величайшему своему сожалению была вынуждена уступить графство Глатц вместе с Силезией. Без всяких церемоний, отделившись на этих условиях в 1742 году от Франции, он уведомил меня, что занялся лечением и советует другим больным тоже полечиться.

Этот государь находился тогда на вершине могущества, имея у себя под командой стотридцатитысячную победоносную армию, сформир-

ровав кавалерию, вытянув из Силезии вдвое больше того, чем она давала австрийскому дому, укрепив за собой новое свое приобретение, тем более счастливый, чем более пострадали другие державы. В наши дни монархи разоряются от войн; он на войнах разбогател.

Тогда он направил свои заботы на украшение города Берлина, построил одну из лучших оперных зал в целой Европе и выписал артистов и художников всякого рода, ибо он хотел идти к славе всеми путями, но по возможности дешевле.

Его отец проживал в Потсдаме в сквернейшем доме; сын превратил этот дом в дворец. Потсдам сделался красивым городом: Берлин разросся. Его обыватели понемногу стали знакомиться с жизненными удобствами, которыми пренебрегал покойный король: кое у кого появилась мебель; большинство даже привыкло носить рубашки, ибо в предыдущее царствование здесь известны были только пластроны, которые привязывались лентами. Царствующий король был воспитан в тех же привычках. Теперь все быстро изменялось: Лакедемон превращался в Афины. Пустыни были обработаны, сто три деревни выросли на осушенных болотах. Король попрежнему занимался музыкой и книгами; таким образом, не следует меня слишком порицать за то, что я прозвал его Соломоном Севера. Я дал ему в моих письмах эту кличку, которая к нему пристала надолго.

Дела Франции в то время были в гораздо худшем состоянии. Фридрих испытывал тайное удовольствие, видя, как французы гибнут в Ав-

стрии после того, как благодаря их раздорам он получил Силезию. Французский двор терял войска, деньги, славу и кредит, чтобы сделать Карла VII императором, а этот император терял все за то, что поверил в поддержку французов.

Кардинал Флери умер 29 января 1743 года, 90 лет от роду; никто никогда не достигал министерского поста так поздно, и ни один министр не оставался в течение столь долгого времени на своем посту. Его карьера началась, когда ему исполнилось 73 года, с того, что он сделался фактическим королем Франции и он без всяких помех пробыл в этом звании до самой кончины. Проявляя величайшую скромность, не собирая богатств, не увлекаясь роскошью, он ограничивался единственно сознанием того, что царствует. Он заслужил репутацию ума тонкого и приятного, но отнюдь не гениального и, повидимому, лучше знал французский двор нежели Европу.

Я имел честь много раз встречаться с ним у г-жи де Вильяр, супруги маршала, когда Флери был, всего на всего, епископом маленького скверного городишки Фрежюса; он тогда сам называл себя *епископом по немилости божией*; это выражение встречается и в некоторых его письмах. Фрежюс был некрасивой женой, с которой он развелся при первой возможности. Маршал де Вильруа, не знавший, что епископ долгое время был любовником его супруги, рекомендовал его Людовику XIV на должность наставника при будущем Людовике XV. Из наставника он сделался первым ми-

нистром и не упустил случая способствовать изгнанию маршала, своего благодетеля. Если не считать неблагодарности, то он был очень добрый человек. Но так как у него не было никакого таланта, то он отстранял всех, у кого таланты имелись в каком бы то ни было роде.

Многие академики желали, чтобы я наследовал его место во французской академии. За королевским ужином был поднят вопрос о том, кто произнесет надгробное слово кардиналу в заседании академии. Король ответил, что это должен сделать я. Его метресса, герцогиня де Шатору, тоже этого хотела; но статс-секретарь, граф де Морепа, не согласился: у него была мания ссориться со всеми метрессами своего повелителя, от чего в конце концов ему пришлось плохо.

Старый дурак, наставник дофина, бывший монах театинец, впоследствии епископ города Мирпуа, по имени Буайе, по долгу совести начал поддерживать каприз г-на де Морепа. Этот Буайе распоряжался назначениями на все церковные должности; король предоставил в его распоряжение все дела духовенства. Епископ и на мое дело взглянул с точки зрения церковной дисциплины. Он доложил, что сделать такого профана, как я, наследником кардинала, значит оскорбить величие божие. Я знал, что г-н де Морепа подстрекает его; я отправился к этому министру и сказал: «Место в академии не бог весть какой почет; но если вас уже избрали, то очень грустно подвергнуться исключению. Вы поссорились с г-жой де Шатору, которую любит король, и с герцогом де Ришелье,

который руководит ею; скажите, пожалуйста, какая связь между жалким местом во французской академии и всеми вашими ссорами? Заклинаю вас ответить откровенно: в случае если г-жа де Шатору одержит верх над епископом Мирпуа, будете ли вы противиться?»

Он помолчал на мгновенье и сказал:

— «Да, я вас раздавлю».

Наконец, священник одолел метрессу, и я не получил места, к которому, впрочем, несколько не стремился. Я люблю вспоминать об этом происшествии, показывающем ничтожество тех, кого мы называем великими мира сего, и дающим увидеть, какое значение придают они пустякам.

Однако, государственные дела после смерти кардинала шли не лучше, чем в последние два года его управления. Австрийский дом возродился из-под пепла. Австрия и Англия теснили Францию. Нашей единственной надеждой оставался прусский король, который вовлек нас в войну и затем бросил в минуту нужды.

Придумали тайно послать меня к этому монарху с целью выведать его намерения и узнать, не заблагорассудит ли он предупредить грозу, которая рано или поздно должна разразиться над его головой из Вены, и не согласится ли он одолжить нам сто тысяч солдат с целью лучше обеспечить за собой Силезию. Эта мысль запала в голову г-ну де Ришелье и г-же де Шатору.

Король согласился, и г-н Амело, министр иностранных дел, но министр мало влиятельный, должен был ускорить мой отъезд.

Нужен был повод. Я предложил в качестве такового мою ссору с бывшим епископом в Мирпуа. Король одобрил эту затею. Я написал прусскому королю, что не могу долее терпеть преследований театинца и хочу найти приют у короля-философа от придирок ханжи. Так как этот прелат всегда подписывался сокращенно и так как у него был неряшливый почерк, то все читали вместо «L'anc. évêq. de Mirépois» — L'«ane de Mirépois»¹. Над этим много смеялись, и никогда дипломатические переговоры не были столь веселыми.

Прусский король, который никогда не упускал случая ударить по монахам и придворным прелатам, ответил мне потоком насмешек над ослом Мирпуа и просил приехать как можно скорее. Я, конечно, поспешил предъявить, куда надо, мои письма и его ответы. Епископ об этом узнал. Он отправился жаловаться Людовику XV на то, что я выставляю его глупцом в глазах иностранных дворов. Король ответил, что все условлено заранее и что на это не нужно обращать внимания.

Ответ Людовика XV, отнюдь не соответствовавший его характеру, всегда казался мне необыкновенным. Я одновременно имел удовольствие отомстить епископу, выгнавшему меня из академии, совершить весьма приятное путешествие и оказать услугу королю и государству. Г-н де Морепа с чрезвычайной горячностью содействовал этой интриге, потому что в то время

¹ Непереводимая игра слов: L'anc. évêq. de Mirépois значит—бывший епископ в Мирпуа, а l'ane de Mirépois—осел из Мирпуа.

он руководил г-ном Амело и воображал себя министром иностранных дел.

Особенно странно было то, что пришлось посвятить в секрет г-жу дю Шатлэ. Она ни за что не хотела, чтобы я бросил ее ради прусского короля. Она считала верхом подлости и гнусности расстаться с женщиной, чтобы отправиться к монарху; она подняла бы ужасный шум. Чтобы ее успокоить, решено было посвятить ее в тайну; все мои письма должны были проходить через ее руки.

Я мог получить все деньги, необходимые для этой поездки, от г-на де Монмартеля под простые расписки. Я не злоупотребил этим правом. Я остановился на некоторое время в Голландии, меж тем как прусский король разъезжал по своим владениям, всюду устраивая смотры. Мое пребывание в Гааге оказалось бесполезным. Я остановился в замке «Старый Двор», принадлежавшем тогда прусскому королю по разделу с Оранским домом. Прусский посланник, юный граф фон Подевильс, был тогда любовником жены одного из виднейших государственных деятелей Голландии и получал, благодаря любви этой дамы, копии всех тайных резолюций, которые принимали Генеральные Штаты, в то время очень враждебно настроенные против нас. Я отослал эти копии нашему двору, и эта услуга пришлась очень кстати.

Когда я прибыл в Берлин, король поместил меня в своем дворце, как и во время моих прежних наездов. Он вел в Потсдаме тот же образ жизни, что и всегда со времени своего вступления на престол. Жизнь эта достойна

того, чтобы рассказать о ней несколько подробнее.

Он вставал в пять часов утра летом и в шесть зимой. Если вам угодно знать, какие церемонии сопровождали это вставание, каковы были большие и малые выходы, какие обязанности несли при этом старший капеллан, главный камергер, первый палатный дворянин и пристава, то я отвечу, что один единственный лакей разводил огонь в камине, одевал и брил короля, который, впрочем, привык одеваться почти без посторонней помощи. Спальня его была недурна; пышная решетка из серебра, украшенная амурами, прекрасной работы, окружала баллюстраду, на которой стояла кровать, закрытая пологом; но позади занавесей полога вместо постели находились книжные полки; а что до постели короля, то ею служила жалкая койка с тоненьким тюфяком, спрятанная за ширмой. Ложе Марка Аврелия и Юлиана — апостолов и величайших мужей стоицизма—не могло быть хуже этой койки.

Когда его величество был уже одет и обут, стоик посвящал несколько минут секте Эпикура: * он призывал двух или трех фаворитов, либо лейтенантов своего полка, либо пажей, либо гайдуков или молоденьких кадетов. Пили кофе.

Тот, кому бросали платок, проводил четверть часа наедине с повелителем. Дело никогда не доходило до последних крайностей, ибо принц еще при жизни отца здорово пострадал от своих мимолетных увлечений и очень плохо излечился. Он не мог играть пер-

вой роли: приходилось довольствоваться вторыми.

Когда кончались забавы школьников, государственные дела занимали их место. По потаенной лестнице являлся первый министр с толстым свертком бумаг под мышкой. Этим первым министром был чиновник, живший во втором этаже дома, тот самый Федерсдорф, некогда солдат, а позднее лакей и фаворит, прислуживавший узнику в Кюстринском замке. Статс-секретари отсылали все свои депеши к этому королевскому приказчику. Он приносил королю экстракты из них: король писал на полях ответы в двух словах. Таким манером все дела королевства заканчивались в течение одного часа. Статс-секретари и министры лишь изредка лично приходили к королю; были среди них и такие, с которыми он никогда не разговаривал.

Король, его отец, установил такой порядок в финансовой части: все совершалось настолько по военному, повиновение было так слепо, что страна, раскинувшаяся на протяжении четырехсот лье, управлялась словно какой-нибудь монастырь.

Около одиннадцати часов король, натянув высокие ботфорты, устраивал в саду смотр своему гвардейскому полку; в тот же самый час все полковые командиры производили смотры у себя во всех областях государства. После парада принцы-королевские братья, генералы, один или два камергера обедали за его столом, который был настолько хорош, насколько это возможно в стране, где нет ни дичи, ни снос-

ной говядины, ни пулярдок, и куда даже пшеницу надо привозить из Магдебурга.

После обеда король удалялся к себе в кабинет и сочинял стихи до пяти или до шести часов вечера. Затем приходил молодой человек, по имени Дарже, бывший секретарь маркиза де Валори, французского посланника, читавший королю вслух. Маленький концерт начинался в семь часов; король играл при этом на флейте не хуже любого музыканта. Участники нередко исполняли его произведения; ибо не было искусства, которым бы он не занимался, и он, конечно, никогда не испытал унижения, доставшегося у греков на долю Энаминонда, * который был вынужден признаться, что ничего не смыслит в музыке.

Ужинали в маленькой зале, наиболее замечательным украшением которой была картина, заказанная королем придворному художнику Пену, одному из наших лучших колористов. Это было изображение праздника Приапа. Здесь были представлены молодые люди, обнимающие женщин, нимфы под сатирами, амуры, играющие в игры Энколпов и Гитонов, зрители, у которых слюнки текли при виде этих игрищ, целующиеся голубки, козлы, прыгающие на коз, и бараны — на овец.

Застольные беседы не становились от этого менее философскими. Посторонний посетитель, который подслушал бы нас и взглянул бы на эту картину, мог бы подумать, что видит семь мудрецов Греции в борделе. Нигде в мире никогда не говорилось с такой свободой обо всех человеческих предрассудках, нигде они не вы-

звали столько шуток и столько презрения. Бога щадили, но все те, кто когда-либо его именем обманывал людей, не встречали никакой пощады.

Во дворец никогда не проникали ни женщины, ни священники. Коротко говоря, Фридрих жил без двора, без советников и без церковного культа.

Провинциальные судьи вздумали сжечь какого-то бедняка крестьянина, обвиненного священником в галантной интрижке с ослицей. Но в Пруссии не казнят без утверждения королем приговора — очень гуманный закон, принятый в Англии и в некоторых других странах. Фридрих написал под приговором, что он предоставляет в своих владениях полную свободу совести и . . . *

Один священник из окрестностей Штетина, возмущенный этой снисходительностью, вернул в свою проповедь об Ироде несколько выражений, которые могли относиться к королю, его повелителю. Фридрих велел вызвать этого деревенского пастора в Потсдам от имени консистории, хотя при дворе не было никакой консистории, как не служилось никогда обедни. Беднягу привели; король надел рясу и белый воротник проповедника; д'Аржанс, * автор «Еврейских писем» и барон фон Пёльниц, раза три или четыре в своей жизни менявшие религию, облеклись в такие же одежды; на стол вместо Евангелия положили том Бейлева словаря, и виновный был введен двумя гренадерами перед лицо этих трех служителей господних.

— Брат мой, — сказал ему король, — спрашиваю вас во имя божье, о каком Ироде вы проповедовали?

— Об Ироде, который велел избить всех младенцев, — ответил простак.

— Я вас спрашивал, — продолжал король, — имели ли вы в виду Ирода I, ибо вы должны знать, что их было несколько.

Деревенский священник не нашелся, что ответить.

— Как? — сказал король, — вы дерзаете проповедывать об Ироде, и вам неизвестно, к какой семье он принадлежал? Вы не достойны святого служения! На сей раз мы вас прощаем, но помните, что мы отлучим вас от церкви, если когда-либо вы вздумаете проповедывать о людях, которых не знаете.

Тут ему вручили его приговор и вместе письменное прощение. Приговор этот был подписан тремя шутовскими выдуманскими именами.

— Мы отправляемся завтра в Берлин, — прибавил король; — мы испросим для вас помилованья у наших братьев; не забудьте явиться для беседы с нами.

Священник поехал в Берлин на поиски трех пасторов.

Его высмеяли. А король который был шутиль, но не слишком щедр, не позаботился вернуть ему путевые издержки.

Фридрих правил церковью также деспотично, как государством. Он сам устраивал разводы, когда муж или жена желали вступить в новый брак. Один пастор, как-то процитиро-

вал ему Ветхий завет по поводу этих разводов.

— Моисей, — ответил ему король, — вел своих жидов так, как ему было угодно, а я управляю моими пруссаками так, как я нахожу нужным.

Это странное правительство, эти еще более странные нравы, это сочетание стоицизма с эпикурейством, суровой военной дисциплины с распушенностью внутренней жизни дворца, эти пажи, с которыми король забавлялся в своем кабинете, и эти солдаты, которых тридцать шесть раз под ряд прогоняли сквозь строй под его окнами, моральные рассуждения и крайняя необузданность — все вместе составляло картину диковинную, известную в то время лишь очень немногим, и лишь позднее прославившуюся на всю Европу.

Величайшая экономия господствовала в Потсдаме. Стол короля, его придворных и слуг должен был обходиться 36 экю в день, не считая вина. В то время, как у других королей коронные чиновники ведут эти расходы, здесь ими занимался камер-лакей Федерсдорф, бывший одновременно главным мажордомом, главным виночерпием и главным хлебодаром.

Из бережливости или по соображениям политики он не оказывал никаких милостей своим бывшим фаворитам, в особенности тем, кто рисковал ради него своей жизнью, когда он был еще наследным принцем. И подобно тому как Людовик XII * не мстил за обиды, нанесенные герцогу Орлеанскому, король прусский бывал долги наследного принца.

Несчастливая любовница, которая была высечена рукой палача, вышла в Берлине замуж за чиновника, служившего в конторе извозчицких экипажей; ибо в то время в Берлине имелось уже восемнадцать извозчиков; ее бывший поклонник назначил ей пенсию в 70 эку, которые всегда аккуратно выплачивались. Ее звали г-жа Шоммерс; то была высокая, худая женщина, похожая на сивиллу; по ее внешнему виду никак нельзя было сказать, что ее когда-то высекали за принца.

Однако, когда он отправлялся в Берлин, величайшая пышность сопровождала все празднества, устраиваемые по торжественным дням. То было очень красивое зрелище для людей суетных, иначе говоря для огромного большинства, когда он сидел за столом, окруженный двадцатью князьями империи, и кушал на золотой посуде, самой изящной в Европе; тридцать красивых пажей и столько же молодых гайдуков в великолепных одеждах разносили блюда из литого золота. Высшие придворные чины появлялись тогда, но за исключением этих случаев их никогда не было видно.

После обеда все отправлялись в оперу, большую залу длиной в 300 футов, которую один из его камергеров, по имени Кноберсдорф, выстроил без помощи архитектора. Самые красивые голоса, лучшие танцоры состояли у него на службе. Барбарини танцевала тогда у него на театре; впоследствии она вышла замуж за сына королевского канцлера. Король приказал похитить в Венеции эту танцовку, которую солдаты затем привезли через Вену прямо

в Берлин. Он был немного влюблен в нее, потому что ноги у нее были, как у мужчин. Совершенно непонятно, как это он соглашался платить ей 32 тысячи ливров жалованья.

Его итальянский поэт, перелавший в стихи оперы, планы которых составлял всегда сам король, получал в год только 120 ливров; но надо принять во внимание, что этот поэт был очень безобразен и не умел танцевать. Коротко говоря, Барбарини одна получала больше, нежели три прусских министра, взятые вместе. Что касается итальянского поэта, то он однажды сам постарался себя вознаградить. Он отпорол в надгробной часовне первого прусского короля два старых золотых позумента, которыми она была украшена. Король, никогда не заглядывавший в эту часовню, сказал, что потеря не велика. Впрочем, он только что написал диссертацию в защиту воров, которая напечатана в сборниках его академии, и он не счел на сей раз уместным опровергать фактами свои писания.

Эта снисходительность не распространялась на военных. В тюрьмах Шпандау находился старый дворянин из Франш-Конте, шести футов ростом, которого покойный король велел похитить именно по этой причине; ему обещали место камергера и вместо того сделали солдатом. Этот бедняк дезертировал с несколькими из своих товарищей; его схватили и привели к покойному королю, которому он имел наивность сказать, что раскаивается лишь в том, что не убил такого тирана, как он. Вместо ответа ему обрубили нос и уши и тридцать

шесть раз прогнали сквозь строй полка, после чего он отправился таскать тачку в Шпандау. Он продолжал таскать ее, когда наш посланник г-н де Валери убедил меня испросить его помилованье у милосерднейшего сына суровейшего Фридриха Вильгельма.

Его величеству угодно было сказать, что он ставит в мою честь «Милосердие Тита», оперу, исполненную несравненных красот, сочиненную знаменитым *Метастазео* * и переложенную на музыку самим королем, при помощи придворного композитора. Я улучил миг, чтобы рекомендовать его милосердию этого бедного уроженца Франш-Конте, не имевшего ни ушей, ни носа, и обратился к нему со следующим увещанием:

Génie universel, âme sensible et ferme,
 Quoi! lorsque vous régniez, il est des malheureux.
 Aux tourments d'un coupable il vous faut mettre un
 terme,

Et n'en mettre jamais à vos soins généreux.
 Voyez autour de vous des prières tremblantes,
 Filles du repentir, maitresses de grands coeurs,
 S'étonner d'arroser de larmes impuissantes
 Les mains qui de la terre ont dû secher les pleurs.
 Ah, pourquoi m'étaler avec magnificence
 Ce spectacle étonnant où triomphe Titus.
 Pour achever la fête, égalez sa clémence
 Et l'imitiez en tout ou ne le vantez plus. ¹

Ходатайство было довольно резкое, но ведь мы имеем право говорить в стихах все, что нам

¹ Всеобъемлющий гений, душа чувствительная и твердая. Как?! Есть несчастные, когда царствуете Вы? Вы должны положить предел страданья виновного и не знать пределов Вашему великодушию. Взгляните: во круг вас дрожащие просьбы, дочери раскаянья, власти-

угодно. Король обещал сделать кое-какие послабления и, действительно, несколько месяцев спустя был настолько добр, что велел перевести дворянина, о котором идет речь, в госпиталь, с выдачей по 6 су в день на довольствие. Он отказал в этой милости королеве, своей матери, которая вероятно просила его прозой.

Среди празднеств, оперных спектаклей и ужинов продолжались мои тайные переговоры. Королю угодно было, чтобы я беседовал с ним обо всем; и я часто поднимал вопросы относительно Франции и Австрии по поводу «Энеиды» и Тита Ливия. Иногда разговор оживлялся; король, разгорячась, говорил мне, что до той поры, пока наш двор будет стучаться во все двери с просьбами о мире, он не намерен сражаться за него. Я из своей комнаты послал в его покои мои соображения, изложенные на листах бумаги с большими полями. Он ответил на полях на все мои дерзости. Я до сих пор храню эту бумагу, в которой я говорил ему: «Неужели вы сомневаетесь, что австрийский дом потребует у вас обратно Силезию, при первом удобном случае». — Он ответил на полях:

Ps seront reçus, biribi,
A la façon de Barbari,
Mon ami.

тельницы великих сердец; они не удивляются, что их слезы напрасны; они увлажняют руки, должныствующие осушить все земные слезы.

Ах, зачем выставлять передо мной всю пышность этого зрелища, в котором торжествует Тит. Чтобы завершить празднество, сравняйтесь с ним в милосердии, подражайте ему во всем, или перестаньте его превозносить.

Эти переговоры в совсем новом вкусе закончились целой речью, которую он произнес мне в минуту раздражения против английского короля, своего милейшего дядюшки. Эти два короля терпеть не могли друг друга. Прусский король говорил: «Георг — дядя Фридриха, но Георг не дядя прусского короля»; наконец он сказал мне: «Пусть Франция объявит войну Англии, и я готов выступить».

Ничего лучшего я не желал. Я быстро вернулся к французскому двору и отдал отчет о моем путешествии. Я внушил надежду, которая была мне подана в Берлине. Она не оказалась обманчивой, и на следующую весну прусский король действительно заключил договор с королем Франции. Он вступил в Богемию во главе ста тысяч солдат, в то время как австрийцы находились в Эльзасе.

Если бы я рассказал какому-нибудь доброму парижанину о моих приключениях и услугах, которые я оказал, он не усумнился бы, что меня назначат на какой-нибудь видный пост. Но в действительности вот какова была моя награда.

Герцогиня де Шатору была недовольна, что переговоры не велись непосредственно при ее участии.

Ей пришла фантазия прогнать г-на Амело, потому что он был зайкой, а этот маленький недостаток ее раздражал; она тем более ненавидела Амело, что он во всем слушался г-на де Морепа. Итак, он был уволен по прошествии восьми дней, и я стал участником его опалы.

Несколько времени спустя после этого Людовик XV опасно захворал в городе Меце. Г-н де Морепа и его клика воспользовались этим случаем, чтобы погубить г-жу де Шатору. Фиц-Джемс, епископ Суасонский, сын одного из незаконных сыновей английского короля Якова II, почитаемый за святого, пожелал в качестве главного придворного капеллана возвратить короля на путь добродетели и объявил, что не даст ему ни отпущения грехов, ни причастия, если он не прогонит свою метрессу и ее сестру герцогиню де Лорагэ со всеми их друзьями. Обе сестры уехали, осыпаемые проклятиями жителей города Меца. За это дело парижский народ, столь же глупый, как народ в Меце, дал Людовику XV прозвище «Возлюбленный». Один повеса, по имени Ваде, изобрел этот титул, который подхватили альманахи. Когда государь выздоровел, он пожелал быть возлюбленным только своей метрессой. Они стали любить друг друга еще больше, чем прежде. Герцогиня должна была снова занять свою должность. Она уже готовилась выехать из Парижа в Версаль, когда скоропостижно скончалась от последствий бешенства, вызванного ее отставкой. Очень скоро она была позабыта.

Потребовалась новая метресса. Выбор пал на девицу Нуассон, дочь женщины, жившей на содержании, и крестьянина из Ферте-Су-Жуар, который скопил кой-какую денгу, продавая хлеб поставщикам съестных припасов. Этот бедняк находился в то время в бегах, осужденный за какую-то растрату. Дочь его выдали замуж за откупщика Ле Нормана, владельца

Этиольского, племянника главного откупщика Ле Нормана де Турнэм, который содержал мамашу. Дочь была прекрасно воспитана, умна, любезна, исполнена грации и талантов, одарена врожденным здравым смыслом и добрым сердцем. Я был с ней довольно близко знаком и даже оказался поверенным ее любви. Она призналась мне, что всегда имела тайное предчувствие, что ее полюбит король; и со своей стороны она испытывала к нему страстное влечение, в котором сама не могла хорошо разобраться.

Эта мысль, которая могла показаться совершенно фантастической в ее положении, основывалась на том, что ее часто возили на королевские охоты в Сенарском лесу. У Турнэма, любовника матери, имелся по соседству загородный дом. Г-жа д'Этиоль выезжала кататься в красивой колясочке. Король замечал ее и часто присылал ей в подарок диких коз. Мать не переставала повторять ей, что она гораздо красивее г-жи де Шатору, и добряк Турнэм часто восклицал: «Надо сознаться, что дочь г-жи Пуассон, настоящий королевский кусочек». Наконец, когда она уже держала короля в своих объятиях, она призналась мне, что крепко верит в судьбу; и она была права. Я провел с нею несколько месяцев в ее имении Этиоль, в то время как король участвовал в кампании 1746 года. *

Это принесло мне награды, которых я никогда бы не добился моими трудами и заслугами. Меня признали достойным стать одним из сорока бесполезных членов академии. Меня назначили историографом Франции, и король

пожаловал мне звание палатного дворянина. Отсюда я заключил, что, намереваясь сделать маленькую карьеру, гораздо целесообразнее сказать четыре слова королевской метрессе, нежели написать сотню томов.

Лишь только я приобрел внешнее обличье человека, которому везет, все мои собратья, парижские остроумцы, обрушились на меня с враждой и яростью, которую они должны были бы испытывать лишь к человеку, который получил бы все награды, заслуженные ими самими. Я по прежнему был связан с маркизой дю Шатлэ узами неизменной дружбы и склонностью к науке. Мы жили вместе в Париже и в деревне. Сирэ лежит на границах Лотарингии; король Станислав* проживал тогда в Люневиле со своим маленьким и приятным двором. При всей своей старости и набожности он имел метрессу: то была г-жа маркиза де Буффлер. Он делил свою душу между нею и иезуитом по имени Мену, величайшим интриганом и самым дерзким священником, какого я когда-либо знал. Этот человек выманил у короля Станислава при посредстве его супруги, которой он руководил, не менее миллиона, часть которого пошла на постройку великолепного дома для него самого и нескольких других иезуитов в городе Нанси. К этому дому было приписано 25 тысяч ливров годовой ренты, из которых 12 тысяч шли на трапезы отца Мену, а 12 других он тратил, как хотел.

Метресса далеко не имела таких доходов. Она едва ухитрилась добыть от польского короля денег себе на юбки; и, однако, иезуит

завидовал этой доле и бешено ревновал короля к маркизе. Они открыто поссорились. Бедному королю приходилось каждый день, по окончании обедни, мирить свою метрессу со своим духовником.

Наконец, наш иезуит, услышав толки про г-жу дю Шатлэ, которая была отлично сложена и еще довольно красива, решил заменить ею г-жу де Буффлер. Станислав иногда пытался сочинять какие-то довольно плохие произведения; Мену решил, что женщина писательница будет иметь у него больше успеха, чем какая-либо другая. И вот, он приезжает в Сирэ, чтобы осуществить все эти козни. Он льстит г-же дю Шатлэ и заявляет нам, что король Станислав будет в восторге от нашего посещения; затем он возвращается к королю и докладывает, что мы горим желанием прибыть ко двору на поклон. Станислав просит г-жу дю Буффлер нас пригласить.

Действительно, мы провели в Люнневиле весь 1749 год. Случилось нечто совершенно обратное тому, чего добивался преподобный отец. Мы привязались к г-же де Буффлер, и иезуиту пришлось воевать с двумя женщинами.

Жизнь при Лотарингском дворе была не лишена приятности, хотя здесь, как и везде, царили интриги и сплетни. Понсэ, епископ города Труа, человек, увязший в долгах и погубивший свое доброе имя, пожелал к концу года увеличить своей особой наш двор и дать новый материал для наших сплетен. Когда я говорю, что этот человек погубил свою репутацию. разумеете здесь также репутацию его

проповедей и надгробных слов. При помощи наших дам он добился, что его назначили старшим капелланом короля, которому лестно было иметь епископа у себя на жалованьи, да притом еще на жалованьи весьма небольшом.

Епископ прибыл лишь в 1750 году. Он начал с того, что влюбился в г-жу де Буффлер и был за это изгнан. Его гнев обрушился на Людовика XV, зятя короля Станислава. Вернувшись к себе в Труа, он решил сыграть роль в нелепом деле исповедных свидетельств, * изобретенных парижским архиепископом Бомоном. Он противился парламенту и пренебрегал волей короля. Этим способом нельзя заплатить свои долги, но за то легко попасть под замок. Французский король отправил узника в Эльзас, в монастырь, принадлежавший грубым немецким монахам. Но надо вернуться к событиям, которые непосредственно касаются меня.

Г-жа дю Шатлэ умерла во дворце Станислава после двухлетней болезни. * Мы все были так потрясены, что даже не догадались позвать священника или иезуита со святыми дарами. Я был оквачен мучительной скорбью. Добрый король Станислав явился в мою комнату, чтобы меня утешить и поплакать со мной вместе. Немногие из его собратьев поступают подобным образом в таких случаях. Он хотел меня удержать; но Люневиль мне опротивел; я вернулся в Париж.

Судьба заставляла меня перебегать от одного короля к другому, хотя я боготворил свободу. Прусский король, которому я часто заявлял, что никогда не брошу ради него г-жи дю

Шатлэ, пожелал во что бы то ни стало приманить меня, когда 'отделался от своей соперницы. Он наслаждался в то время миром, добытым при помощи побед, и употреблял свои досуги на сочинения стихов и на писание истории своей страны и своих войн. Не подлежит никакому сомнению, что его стихи и проза были поистине выше моей прозы и моих стихов, поскольку речь идет о содержании; но он полагал, что по части формы, я могу в качестве академика обогатить его слог новыми оборотами. Не было той лести, к которой он не прибежал бы, лишь бы заставить меня приехать.

Как устоять против победоносного короля, поэта, музыканта и философа, который притворялся, будто любит меня? Я тоже поверил, будто его люблю. Наконец, я снова пустился по дороге в Потсдам в июне 1750 года. Астольф не был лучше принят в замке Альцины.* Получить квартиру в апартаментях, принадлежавших маршалу Саксонскому, иметь в своем распоряжении королевских поваров в тех случаях, когда мне было угодно обедать у себя, и королевских кучеров, когда я хотел ехать на прогулку, таковы были наименьшие милости, которых я удостоился. Ужины были чрезвычайно принятые. Я не знаю, быть может я ошибаюсь, но мне кажется, что во время их говорили много остроумных вещей. Сам король был остроумен и умел подстрекать других; особенно удивительно, что я никогда не чувствовал себя свободнее, нежели у него за столом. Я работал два часа в день совместно с его величеством. Я исправлял все его сочинения, никогда

не упуская случая похвалить то, что я находил в них хорошего, и вычеркивая все, что никуда не годилось. Я давал на все письменные объяснения, составившие в общей сложности целый курс риторики и пиитики для короля; он им воспользовался, а его гений послужил ему еще лучше, нежели мои уроки. Мне не приходилось участвовать ни в каких придворных церемониях, я никому не делал визитов и не исполнял никаких обязанностей. Я создал себе совершенно свободную жизнь и не мог себе представить ничего более приятного, нежели мое положение.

Альцина—Фридрих, видя, что голова моя уже немного закружилась, удвоил порцию волшебного зелья с целью окончательно опьянить меня. Последним средством соблазна было письмо, которое он написал мне из своих апартаментов в мои. Любовница не могла бы найти более нежных выражений; он силился рассеять этим письмом боязнь, которую мне внушали его сан и его характер; здесь заключались следующие удивительные слова:

«Как могу я причинить какое-либо несчастье человеку, которого уважаю, люблю и который принес мне в жертву свою родину и все, что дорого человечеству? Я вас уважаю, как моего учителя в красноречии. Я вас люблю, как добродетельного друга. Какого рабства, какого несчастья, какой перемены можете вы опасаться в стране, где вас ценят не менее, нежели в вашем отечестве, и под кровлею друга, обладающего признательным сердцем? Я уважал дружбу, которая вас связывала с г-жею

дю Шатлэ; но после нее я один из самых старинных ваших друзей. Я вам обещаю, что вы будете счастливы здесь, покуда я жив».

Вот письмо из числа тех, какие редко па-шутся людьми, носящими титул величества. Эта последняя рюмка меня опьянила. Словесные заверения были еще убедительнее письменных. Он привык к своеобразным проявлениям нежности со своими фаворитами, более юными, чем я; и, позабыв на один миг, что я уже вышел из их возраста и что рука моя отнюдь не красива, он взял ее и поцеловал. Я поцеловал его руку и стал его рабом. Нужно было разрешение короля Франции, чтобы служить двум господам. Прусский король взял на себя все хлопоты. Он написал королю, моему повелителю, и просил уступить меня. Я не мог себе представить, что в Версале рассердятся, если палатный дворянин, порода бесполезнейшая при дворе, делается бесполезным камергером в Берлине. Мне дали просимое позволение; но были весьма уязвлены и никогда мне не простили. Я совершил поступок, негодный французскому королю, несколько не угодив этим королю прусскому, который насмехался надо мною в глубине своего сердца.

Вот я расхаживаю с серебряным ключом, привешенным к моему кафтану, с крестом на шее и с двадцатью тысячами франков пенсии. Мопертью от этого расхворался, а я этого совсем не заметил. В Берлине жил тогда один врач по имени Ла Метри, * самый откровенный безбожник во всех медицинских факультетах Европы: впрочем, человек веселый, забавник.

ветрогон, знавший теорию не хуже любого из своих собратьев и, без сомнения, самый плохой врач на свете по части практики; поэтому, благодарение богу, он совсем не занимался практикой. Он насмеялся над всем парижским факультетом и даже писал против тамошних медиков разные личные колкости, которых ему никогда не простили; они добились даже приказа об его аресте. Ла Метри тогда удалился в Берлин, где в достаточной мере всех забавлял своей веселостью; при этом он писал и печатал по вопросам морали все, что можно голько представить себе наиболее бесстыдного. Его книги нравились королю, который и назначил его, — не своим придворным врачом, но своим лектором.

Однажды после чтения, Ла Метри, говоривший королю все, что придет в голову, сказал, что все весьма завидуют моему фавору и удачам.

— Пусть их! — сказал король, — апельсин выжимают и затем выбрасывают, проглотив сок.

Ла Метри не преминул сообщить мне это прекрасное изречение, достойное Дионисия Сиракузского.*

После этого я решил отправить в безопасное место апельсиновые корки. У меня имелось около трехсот тысяч ливров, требовавших помещения. Я поостерегся хранить эту сумму во владениях моей Альцины. Я очень выгодно разместил их под залог земель, принадлежавших во Франции герцогу Виртембергскому. Король, вскрывавший все мои письма, понял, что

я не намерен оставаться у него. Однако, раж стихописания мучил его не менее, чем Дионисия. Я должен был все время отделять его вирши, кроме того просматривать его «Историю Бранденбурга» и вообще все, что он сочинял.

Ла Метри умер, съев у милорда Тирконеля, французского посланника, * целый паштет, начиненный трюфелями, и это в конце длинного обеда. Утверждали, будто он исповедался, прежде, чем умереть. Король был этим возмущен. Он навел точные справки, правда ли это. Его уверили, что это жестокая клевета и что Ла Метри умер, как жил, отрицая бога и врачей. Его величество, очень довольный, тотчас сочинил надгробное слово, которое велел своему секретарю Дарже прочитать от его высочайшего имени в публичном заседании академии, и кроме того пожаловал 600 ливров пенсии веселой девице, которую Ла Метри привез из Парижа, где бросил жену и детей.

Мопертюи, которому был известен анекдот об апельсинной корке, воспользовался случаем, дабы распространить слух, будто я сказал, что вакансия королевского атеиста теперь свободна. Эта клевета не оказала никакого действия; но затем он прибавил, что я нахожу плохими стихи короля, и это подействовало.

Я заметил, что с тех пор королевские ужины перестали быть столь веселыми; мне давали меньше стихов для исправления; я был в настоящей опале.

Альгаротти, Дарже и еще один француз по имени Шазо, бывший одним из лучших коро-

левских офицеров, одновременно покинули его. Я готовился сделать то же самое. Но я сперва хотел доставить себе удовольствие посмеяться вволю над книгой, которую издал Мопертюи. Случай был прекрасный: никто и никогда не писал ничего столь нелепого и безумного. Добряк серьезно предлагал совершить напрямик путешествие между двумя полюсами, вскрывать головы великанов, дабы изучать природу души при помощи их мозга; выстроить город, где разговаривали бы только по латыни, выкопать дыру до центра земли; лечить все болезни, натирая больных смоляным варом, и, наконец, предсказывать будущее, приводя душу в экзальтированное состояние.

Король смеялся над этой книгой, я смеялся, и все смеялись.

Но в это время произошло нечто более серьезное по поводу какой-то математической чепухи, которую Мопертюи хотел выдать за важное открытие. Другой геометр, более ученый, по имени Кениг, библиотекарь принцессы Оранской в Гааге, поставил ему на вид, что он ошибается и что Лейбниц, некогда рассмотревший эту старинную идею, доказал ее ложность в нескольких письмах, копии которых были представлены.

Мопертюи, президент Берлинской академии, вознегодовал, что его иностранный товарищ доказал его промахи; он сперва уверил короля, что Кениг, в качестве обитателя Голландии, является его врагом и говорит дурно о стихах и прозе его величества в присутствии принцессы Оранской.

Приняв эту первую предосторожность, он выдвинул вперед нескольких бедных академиков, всецело зависевших от него, заставил их осудить Кенига как фальсификатора, и вычеркнуть его из академических списков. Голландский геометр предупредил его и сам отослал обратно патент на звание берлинского академика.

Все европейские писатели были столь же возмущены проделками Мопертюи, сколь раздражены его книгой. Он добился ненависти и презрения всех, кто интересовался философией, а также всех, кто в ней ничего не смыслил. В Берлине ограничивались тем, что пожимали плечами, ибо, поскольку король принял участие в этом несчастном деле, никто не смел заговорить; я один возвысил голос. Кениг был моим другом; я одновременно имел удовольствие защищать свободу писателей и личное дело друга и вместе с тем унижить врага, бывшего столь же врагом скромности, как и моим. Я не имел ни малейшего желания оставаться в Берлине; я всегда предпочитал свободу всему остальному. Немногие литераторы поступают таким образом. Большинство из них бедны; бедность ослабляет мужество, и всякий философ при дворе становится таким же рабом, как носитель высшего придворного чина. Я чувствовал, как свобода моего обхождения должна была не нравиться королю, более самодержавному, нежели турецкий султан. Надо сознаться, что в своем домашнем быту король был большой шутник. Он покровительствовал Мопертюи и насмехался над ним более, чем

кто бы то ни было. Он принялся писать против него и прислал мне в мою комнату свою рукопись со служителем своих тайных удовольствий, по имени Марвицем; он выставлял в смешном виде дыру к центру земли, мазь смоляного вара, путешествие к южному полюсу, латинский город и низость своей академии, стерпевшей такое тираническое обхождение с бедным Кенигом. Но так как девизом его всегда было: «Не надо никакого шума, если я в нем участвую», то он приказал сжечь все, написанное по этому предмету, за исключением собственного своего произведения.

Я отослал к нему его орден, его камергерский ключ, * отказался от пенсии; он тогда сделал все, что мог, с целью задержать меня, а я все, лишь бы с ним расстаться. Он вернул мне крест и ключ, он настаивал, чтобы я ужинал с ним; итак, я еще раз присутствовал за ужином Дамокла; после этого я уехал, обещав вернуться, но с твердым намерением никогда больше в жизни его не видеть.

Таким образом в течение короткого времени мы четверо спаслись бегством — Шазо, Дарже, Альгаротти и я. В самом деле не было никакой возможности терпеть долее. Все знают, что иногда приходится страдать, проживая вблизи королей, но Фридрих слишком злоупотреблял своей прерогативой. Общество должно иметь свои законы, иначе оно становится обществом льва и козы. Фридрих постоянно нарушал первый закон хорошего общества, — никогда не говорить ничего неприятного кому бы то ни было. Он часто спрашивал у своего камергера

Пельница, не согласится ли он в четвертый раз переменить религию, и предлагал заплатить сто эку наличными деньгами за его обращение.

— Ах, боже мое, мой милый Пельниц, — говорил он ему, — я забыл имя того человека, которого вы ограбили в Гааге, продав ему фальшивое серебро под видом настоящего; помогите моей памяти, прошу вас.

Приблизительно подобным образом обращался он с бедным д'Аржансом. Однако, обе эти жертвы остались в Берлине. Пельниц, проевший все свое состояние, был вынужден глотать всех этих змей, чтобы жить; у него не было другого хлеба. Единственным достоянием д'Аржанса были его «Еврейские письма», да еще жена, плохая провинциальная актриса, да такой степени безобразная, что ничего не могла заработать никаким ремеслом, хотя и занималась многими. Что касается Мопертюи, то он был настолько неосторожен, что поместил свои деньги в Берлине, не помышляя о том, что лучше иметь сто пистолей в свободной стране, нежели тысячу в деспотической; поэтому он вынужден был оставаться в оковах, которые сам для себя сковал.

Покинув дворец моей Альцины, я провел целый месяц в гостях у госпожи герцогини Саксен-Готской, лучшей из всех земных принцесс, самой кроткой, самой мудрой, самой ровной в обхождении, не сочинявшей, слава богу, стихов. После этого я провел несколько дней в загородном доме ландграфа Гессенского, который стоял еще дальше от поэзии, нежели принцесса Готская. Я вздохнул свободно. Я потихоньку

продолжал путь по направлению к Франкфурту. Там поджидала меня весьма странная участь.

Я расхворался во Франкфурте; одна из моих племянниц, вдова капитана Шампанского полка, очень милая, исполненная талантов и, вдобавок, принадлежавшая в Париже к хорошему обществу, имела мужество покинуть Париж, чтобы розыскать меня на берегах Майна. Но она застала меня военнопленным. Вот как разыгралось это чудесное приключение. Во Франкфурте проживал некто Фрейтаг, изгнанный из Дрездена, после того, как его выставили там у позорного столба и присудили к каторжной тачке. Впоследствии он сделался во Франкфурте агентом короля прусского, который охотно пользовался подобными служителями, ибо они не требовали никакого жалования и довольствовались тем, что могли выманить у проезжающих.

Этот посланник и с ним купец по имени Шмидт, присужденный когда-то к штрафу за сбыт фальшивых денег, уведомили меня от имени его величества короля прусского, что я не выеду из Франкфурта, доколе не возвращу драгоценные предметы, увозимые мною от его величества.

— Увы, господа, я ничего не увожу с собою из этой страны. Клянусь вам, что не увожу даже никаких сожалений. Каких же украшений бранденбургской короны требуете вы от меня?

— Сетр монсир, — ответил Фрейтаг, — левр де поеши дю мон грасие метр.¹

¹ На ломаном французском языке: Это, мосье, произведение поэзии короля, моего милостивого повелителя.

— О, я ему верну с величайшей готовностью и прозу его и стихи, — ответил я, — хотя, в конце концов, я имею немало прав на это творение. Он мне подарил прекрасный экземпляр, напечатанный на его счет. К сожалению этот экземпляр находится в Лейпциге вместе с моими другими вещами.

Тогда Фрейтаг предложил мне остаться во Франкфурте, пока будет получено сокровище, находящееся в Лейпциге, и вручил мне следующую великолепную записку.

«Monsir, sitôt le gros ballot de Leipsick sera ici, où est l'oeuvre de poéschie du roi mon maître, que sa majesté demande; et l'oeuvre de poéschie rende á moi, vous pourrez partir où vous paraîtra bon, 1-r du juin 1753. Freytag, résident du roi mon maître». ¹

К этой записке я приписал: «Согласен относительно произведений поэзии короля, вашего повелителя», что вполне удовлетворило господина резидента.

17-го июня прибыл большой тюк «поэзии». Я добросовестно передал этот священный груз и считал, что теперь могу уехать, не выказывая тем неуважения какой-либо коронованной особе; но в тот миг, когда я уже готовился к отъезду, вдруг арестуют меня, моего секретаря и моих слуг; арестуют также и мою племянницу; четверо солдат волочат се по грязи к купцу Шмидту, носившему, не знаю почему, звание

¹ Монсир, как только большой тюк из Лейпцига будет здесь, в котором находятся произведения поэзии короля моего повелителя, требуемые его величеством, вам разрешат уехать, куда хотите. 1-е июня 1753 г. Фрейтаг, резидент короля, моего повелителя.

тайного советника короля прусского. Этот франкфуртский купец вообразил себя прусским генералом. Он командовал в этой великой битве двенадцатью солдатами со всей подобающей важностью и величием. Моя племянница имела паспорт, выданный ей от имени короля Франции, и что гораздо важнее, она никогда не исправляла стихов короля прусского. Обычно принято бывает щадить дам в разгаре ужасов войны. Но советник Шмидт и резидент Фрейтаг, действовавшие от имени Фридриха, думали угодить ему, протавив бедную представительницу прекрасного пола по уличной грязи.

Нас всех запихали в некое подобие гостиницы, у ворот которой на страже стали двенадцать солдат; четверых поставили в моей комнате, четверых на чердаке, куда отвели мою племянницу и четверых в каком-то сарае, открытом для всех ветров, где мой секретарь вынужден был спать на соломе. Моей племяннице была предоставлена, правда, маленькая кроватка; но четыре солдата со штыками, прижнутыми к ружьям, заменяли ей и занавесы и горничных.

Тщетно взывали мы к кесарю, указывая, что германский император был избран во Франкфурте, что мой секретарь флорентинец и, следовательно, подданный его императорского величества, что моя племянница и я подданные христианнейшего короля и что мы ничего не сделали маркграфу Бранденбургскому. Нам ответили, что маркграф Бранденбургский значит во Франкфурте больше, чем император. В те-

чение двенадцати дней мы оставались военнопленными, и нам пришлось уплатить по сто сорок эю в день. Купец Шмидт овладел всеми моими дорожными вещами, и они вернулись ко мне вдвое легче, чем были. Нельзя было дороже заплатить за произведения поэзии короля прусского. Я потерял приблизительно ту сумму, которую он истратил, чтобы выписать меня к себе и чтобы брать у меня уроки. Таким образом мы были квиты.

В довершение всего некий Ван Дюрен, гаагский книгопродавец, мошенник по ремеслу и банкрот по привычке, скрывался тогда во Франкфурте. Этому самому человеку я подарил тринадцать лет тому назад рукопись сочинения, написанного Фридрихом против Маккиавелли. Друзья всегда отыскивают нас в нужную минуту. Он заявил, что его величество должен ему двадцать дукатов, и что я ответственен за уплату этого долга. Он высчитал проценты и проценты на проценты. Господин Фишер, франкфуртский бургомистр, нашел расчет вполне правильным, заставил меня выложить тридцать дукатов, взял из них двадцать шесть себе и отдал четыре жулику книгопродавцу.

Когда все это дело, достойное вандалов и остготов, закончилось, я обнял моих хозяев и поблагодарил их за ласковый прием. Несколько времени спустя я отправился к Пломбьерским водам. Но пил я главным образом воду Леты, убежденный, что все наши несчастья, каковы бы они ни были, годны только на то, чтобы забывать о них. Моя племян-

ница, г-жа Дени, составлявшая утешение моей жизни и связанная со мною склонностью к литературе и нежнейшей дружбой, поехала со мной из Пломбьера в Лион. Я был там встречен шумными приветствиями всего города, но ко мне весьма холодно отнесся кардинал де Тенсен, архиепископ Лионский, * столь известный тем способом, которым он составил себе карьеру, обратив в католичество Лоу или Ласса, * изобретателя системы, взбудоражившей всю Францию. Система сделала его столь богатым, что он смог купить себе кардинальскую шляпу. Он был государственным министром и, в качестве такового, доверительно сообщил мне, что не может угостить меня парадным обедом, ибо французский король сердит на меня за то, что я бросил его ради короля прусского. Я ему сказал, что никогда не обедаю и что, поскольку дело касается королей, я принадлежу к числу тех, кто относится к ним совершенно равнодушно, равно как и к кардиналам.

Мне посоветовали испробовать воды Экса в Савойе; хотя эти воды тоже подвластны королю, я направился туда с целью их пить. Надо было проехать через Женеву. Знаменитый врач Троншен, незадолго перед тем обосновавшийся в Женеве, объявил, что Экские воды меня убьют, а что он берется продлить мою жизнь.

Я принял его предложение. Католикам не разрешается селиться для постоянного проживания ни в Женеве, ни вообще в швейцарских протестантских кантонах. Мне показалось за-

бавным приобрести имение в той единственной стране на земле, где мне это было запрещено.

Я купил, заключив довольно странную сделку, беспримерную в тех местах, маленькое поместье* размером около шестидесяти десятин, которое мне продали за двойную цену против того, что оно могло стоить вблизи Парижа. Но за удовольствие никогда нельзя заплатить слишком дорого. Дом красив и удобен. Вид оттуда очаровательный. Он поражает, но не надоедает. С одной стороны Женевское озеро, с другой город Женева; пенясь и клубясь вырывается оттуда Рона и образует канал под моим садом; река Арва, вытекающая из Савойи, мчится в Рону; далее видна еще другая река. Сотни вилл и веселых садов украшают берега озера и рек; вдали вздымаются Альпы, и над их безднами на расстоянии двадцати лье видны горы, покрытые вечным снегом. У меня есть еще дом в Лозанне, более красивый и с более широким видом, но мой дом вблизи Женевы гораздо приятнее. В этих двух жилищах у меня есть то, чего не могут дать короли или, вернее, то, что они всегда отнимают — спокойствие и свобода. Есть и еще кое-что, что они иногда дают, но чем я обладаю помимо их. Я осуществил на практике то, о чем говорил в моем стихотворении «Светский человек»:

„Железный век, но век весьма приятный“.

Все удобства жизни в виде мебели, экипажей и хорошей кухни имеются в каждом из моих двух домов. Приятное общество умных

людей заполняет те мгновения, которые у меня остаются от занятий и от забот о здравьи. Есть отчего лопнуть с зависти моим милым собратьям литераторам. Однако, я не родился богачем, отнюдь нет. Меня спрашивают, при помощи какого искусства я добился возможности жить, как генеральный откупщик? Это не мешает рассказать, дабы мой пример послужил на пользу. Я видел столько бедных и презираемых литераторов, что давно уже решил не увеличивать собою их числа.

Во Франции надо быть молотом или наковальней. Я был рожден наковальней. Скучное наследственное достояние с каждым днем становится все скуднее, потому что цены растут, а правительство часто посягает на ваши доходы и на наличное имущество. Надо внимательно следить за всеми операциями, которые министерство, вечно запутанное в долгах и непостоянное, предпринимает по части государственных финансов. Всегда найдется такая операция, которой частное лицо может воспользоваться, никому не обязываясь. Ничего нет приятнее, как самому составить себе состояние. Первый шаг стоит некоторого труда; другие — легки. Надо быть бережливым в молодости; тогда в старости у вас будут такие капиталы, что вы сами удивитесь. В это время богатство всего нужнее, и я теперь им наслаждаюсь. Пожив в гостях у королей, я сам стал королем у себя дома, несмотря на огромные убытки.

С тех пор, как я зажил в спокойном изобилии и совершенной независимости, прусский

король вернул мне свое благоволение; в 1755 году он прислал мне оперу, которую сделал из моей трагедии «Меропа». Это бесспорно наилучшее из его сочинений. С тех пор он продолжал писать ко мне. Я все время поддерживал переписку с его сестрой маркграфиней Байрейтской, которая выказывала ко мне неизменную доброту.

Пока я наслаждался в моем убежище самой приятной жизнью, какую можно себе представить, я имел некое философское удовольствие наблюдать, как европейские короли не пользовались столь счастливым спокойствием. Я заключил отсюда, что положение частного лица сплошь да рядом бывает предпочтительнее, чем положение великих монархов, как вы это сами увидите.

В 1756 году Англия начала против Франции пиратскую войну из-за нескольких десятков сена. В то же время императрица, королева Венгрии, обнаружила желание вернуть обратно свою милую Силезию, которую отнял прусский король. С этой целью она завела переговоры с императрицей всероссийской и с королем польским, но с этим последним лишь в качестве курфюрста саксонского, ибо с поляками не ведут дипломатических переговоров. Король французский со своей стороны хотел выместить на ганноверских владениях все то зло, которое ганноверский курфюрст причинял ему на море в качестве короля Англии. Фридрих, который был в то время союзником Франции, питал глубочайшее презрение к нашему правительству. Он предпочел союз с Англией

союзу с Францией и соединился с ганноверским домом, рассчитывая одной рукой помешать русским проникнуть в Пруссию, а другой французам войти в западную Германию. Он ошибся в этих двух своих замыслах. Но был у него третий замысел, в котором он не ошибся: под видом дружбы он хотел вторгнуться в Саксонию и затем вести войну с императрицей, королевой венгерской, на те деньги, которые он награбит у саксонцев.

Этим своеобразным маневром маркиз Бранденбургский изменил всю политическую систему Европы. Французский король, желая удержать его своим союзником, послал к нему герцога де Нивернуа, человека остроумного, сочинявшего очень недурные стихи. Посольство герцога и пэра Франции, да еще поэта вдобавок, должно было польстить тщеславию Фридриха и прийти к нему по вкусу. Но он насмеялся над французским королем и подписал договор с Англией в тот самый день, когда посланник прибыл в Берлин. Затем он очень вежливо надул герцога и пэра и сочинил эпиграмму на поэта.

В то время поэзия имела привилегию править государством. В Париже жил другой поэт, человек хорошего рода, очень бедный, но очень любезный, коротко говоря аббат де Берни.* Он дебютировал стихами, написанными против меня и, затем, сделался моим другом; это не принесло ему никакой пользы; но он сделался также другом г-жи де Помпадур, и это оказалось для него гораздо полезнее. Прямо с Парнаса его отправили посланником

в Венецию. Он пользовался в Париже большим влиянием.

Прусский король, в прекрасной книге Поэшии, которую г-н Фрейтаг во Франкфурте требовал с такой настойчивостью, вернул стихок против аббата де Берни:

*Evitez de Bernis la stérile abondance.*¹

Я не думаю, чтобы эта книга и стихи дошли до аббата; но так как бог справедлив, то он воспользовался им с целью отомстить прусскому королю за Францию. Аббат заключил договор о наступательном и оборонительном союзе с г-ном фон Штаренбергом, австрийским посланником, вопреки желанию Рулье, тогдашнего министра иностранных дел. Г-жа де Помпадур руководила этими переговорами. Рулье был вынужден подписать трактат совместно с аббатом де Берни, что было событием беспримерным. Этот Рулье, надо сознаться, был неспособнейший из всех статс-секретарей, какие когда либо служили французскому королю, и самый невежественный педант из числа наших юристов. Он однажды спросил, не в Италии ли находится Ветеравия. Пока не было никаких щекотливых дел, его терпели; но лишь только возникли важные вопросы, его несостоятельность обнаружилась; его уволили, и аббат де Берни занял его место.

Мадемуазель Пуассон, в замужестве Ле Норман, маркиза де Помпадур была фактически первым министром. Некоторые оскорбительные выражения, вырвавшиеся против нее

¹ Избегайте пустого многословия Берни,

у Фридриха, который не щадил ни женщин, ни поэтов, ранили сердце маркизы и немало способствовали перевороту в делах, соединившему на один миг дом Французский с домом Австрийским, после двухсот лет ненависти, которая считалась бессмертной. Французский двор, который в 1741 году стремился раздавить Австрию, поддержал ее в 1756 году. Франция, Россия, Швеция, Венгрия, половина Германии и фискал империи выступили против одного маркиза Бранденбургского.

Этот государь, дед которого едва мог содержать двадцать тысяч человек, имел в своем распоряжении армию из ста тысяч пехотинцев и сорока тысяч всадников, хорошо укомплектованную, еще лучше обученную и снабженную всем; но, всетаки, более четырехсот тысяч человек ополчились с оружием в руках против Бранденбурга.

Случилось в этой войне так, что каждая сторона захватила сначала все, что только могла. Фридрих занял Саксонию; французы заняли владения Фридриха от города Гельдера до Миндена на берегах Везера и завладели на некоторое время курфюршествами Ганноверским и Гессенским, состоявшими в союзе с Фридрихом. Русская императрица заняла почти всю Пруссию. Король, сперва побитый русскими, разбил австрийцев, но затем потерпел поражение в Богемии 18 июня 1757 года.

Проигрыш еще одного сражения, казалось, должен был окончательно уничтожить этого монарха. Теснимый со всех сторон русскими, австрийцами и французами, он сам счел себя

погибшим. Маршал де Ришелье заключил близ Стаде с гессенцами и ганноверцами договор, напоминавший Каудинское ущелье.* Их армии не должны были более принимать участие в войне. Маршал готовился вступить в Саксонию во главе шестидесяти тысяч человек. Принц Субиз направлялся туда же с другой стороны с более, чем тридцатью тысячами, и ему помогала соединенная армия имперских князей.

Оттуда должны были идти на Берлин. Австрийцы выиграли вторую битву и уже находились в Бреславле. Один из их генералов даже совершил набег на Берлин и обложил его контрибуцией. Казна прусского короля была почти истощена, и скоро под его властью не должно было остаться ни одной деревни. Собирались провозгласить его под имперской опалой; процесс его уже начался, и его объявили мятежником. Если бы его взяли в плен, то, по всей видимости, он был бы осужден на смерть.

В этой крайности ему пришло на ум покончить с собой. Он написал к своей сестре, г-же маркграфине Байрейтской, что готовится умереть. Но он не хотел закончить пьесу без стихов. Страсть к поэзии была в нем сильнее, нежели ненависть к жизни. Итак, он написал маркизу д'Аржансу длинное стихотворное послание, в котором сообщал о своем решении и говорил ему последнее прости. Как ни замечательно это послание, и по своему сюжету, и по автору, и по лицу, к которому оно было адресовано. нет возможности привести его

здесь все целиком, так много в нем повторений; но в нем есть некоторые места, очень недурно написанные для северного короля.

Он препроводил ко мне это послание, им собственноручно переписанное. Некоторые двестишя украдены у аббата Шолье* и у меня. Мысли бессвязны, стихи, по большей части, плохи, но попадаются среди них и хорошие.

И это уже немалая заслуга, если король мог, в том состоянии, в котором он находился, сочинить послание из двухсот скверных стихов. Он хотел, чтоб про него сказали, что он сохранил полное присутствие духа и свободу ума в такую минуту, когда обычно люди не имеют ни того, ни другого.

Письмо, которое он написал мне, изъявляло те же самые чувствования; но там было меньше мирт и роз, и глубокой скорби, и ничего не говорилось об Иксионе.* Я восстал в прозе против высказанного им решения умереть, и мне нетрудно было убедить его остаться в живых. Я посоветовал завязать переговоры с маршалом де Ришелье, по примеру герцога Кумберлэндского. Я высказался с такою свободой, какую только можно себе позволить по отношению к отчаявшемуся поэту, готовому перестать быть королем. Он действительно написал маршалу Ришелье, но не получив ответа, решил драться с нами. Он сообщил мне, что намерен двинуться против принца Субиза. Его письмо кончалось стихами, более достойными его положения, его достоинства, его мужества и остроумия.

Quand on est voisin du naufrage,
Il faut, en affrontant l'orage,
Penser, vivre et mourir en roi. ¹

Выступив против французов и имперцев, он написал своей сестре маркграфине Байретской, что идет на смерть: но ему более посчастливилось, нежели он смел надеяться. 5-го ноября 1757 года он поджидал французскую и имперскую армию на довольно выгодной позиции, близ деревни Росбах, у саксонской границы; и так как он постоянно говорил, что намерен дать себя убить, то пожелал, чтобы его брат, принц Генрих, исполнил это обещание во главе пяти прусских батальонов, которые должны были выдержать первый натиск неприятельских армий, в то время как его артиллерия громила их, а его кавалерия атаковала их кавалерию.

Действительно, принц Генрих был легко ранен в горло ружейным выстрелом. То был, я думаю, единственный пруссак, раненый за весь этот день. Французы и австрийцы бежали после первого залпа. То было самое неслыханное и самое полное поражение, о каком когда либо говорила история. Битва при Росбахе долго будет знаменитой. Тридцать тысяч французов и двадцать тысяч имперцев обратились в поспешное и позорное бегство перед пятью батальонами и несколькими эскадронами.

Поражения при Азинкуре, Креси и Пуатье* не были столь унижительны.

¹ Когда близко крушение, нужно, встретив бурю лицом к лицу, думать, жить и умереть как король.

Дисциплина и военная выучка, введенные отцом и усовершенствованные сыном, были единственной причиной этой необыкновенной победы. Прусское военное обучение совершенствовалось в течении пятидесяти лет. Этому хотели подражать во Франции и во всех прочих государствах, но нельзя было сделать в три или в четыре года с плохо поддающимися дисциплине французами то, что было достигнуто за пятьдесят лет с пруссаками. Во Франции почти на каждом смотре меняли способ маневрирования так, что солдаты и офицеры, плохо усвоившие новые военные упражнения, все друг от друга отличные, не обучились ровно ничему; у них в сущности не было никакой дисциплины и никакого знания военного дела. Коротко говоря, при одном виде пруссаков все обратились в бегство, и судьба позволила Фридриху в течении четверти часа перейти от полного отчаяния к полному счастью и славе.

Однако, он боялся, что счастье это окажется весьма преходящим; он страшился нести один всю тяжесть могущества Франции, России и очень желал отделить Людовика XV от Марии Терезии.

Злополучный день Росбаха заставил всю Францию возроптать против договора, подписанного аббатом де Берни с венским двором. Кардинал де Тенсен, архиепископ Лионский, по прежнему сохранял звание министра и вел приватную переписку с королем Франции. Он более кого бы то ни было противился союзу с австрийским двором. Он устроил мне

в Лионе прием, который, как он мог предполагать, не должен был мне понравиться. Тем не менее желание вмешаться в интригу, не покидавшее его и в отставке, — говорят подобное желание никогда не покидает людей, занимающих высокие посты, — заставило его установить связь со мной в целях убедить маркграфиню Байрейтскую положиться на него иверить ему интересы короля, ее брата. Он хотел примирить прусского короля с королем Франции и, таким образом, добиться мира. Было не слишком трудно склонить г-жу маркграфиню и короля, ее брата, к этим переговорам. Я с тем большим удовольствием взял на себя это поручение, что заранее был уверен в неудаче.

Г-жа маркграфиня Байрейтская написала от моего имени королю, своему брату. Через мои руки проходили все письма принцессы и кардинала. Я испытывал тайное удовольствие играть роль посредника в таком важном деле, и, быть может, мне было также чуть чуть приятно сознание, что мой кардинал готовит себе большую неприятность. Он написал прекрасное письмо нашему королю, препровождая ему письмо маркграфини. Но он был очень удивлен, когда король ответил довольно сухо, что статс-секретарь по иностранным делам уведомит его о его намерениях.

Действительно, аббат де Берни продиктовал кардиналу ответ для Пруссии. Этим ответом был категорический отказ вступить в переговоры. Кардинал был вынужден подписать текст письма, присланный ему аббатом де

Берни. Он ирепроводил мне это печальное письмо, которое всему клало конец. Две недели спустя он умер от огорчения.

Я никогда не мог понять, каким образом люди умирают от огорчения, и как министры и старые кардиналы, у которых такая черствая душа, оказываются настолько чувствительными, что им может нанести смертельный удар маленькая неприятность. Я хотел посмеяться над ним, унижить его, но отнюдь не собирався его уморить.

Французское министерство проявило известное величие духа, отказав в мире прусскому королю после своего унижительного поражения. В готовности и впредь жертвовать собою для Австрийского дома была верность и немалая добродетель. Но судьба в течение долгого времени очень плохо вознаграждала эти добродетели.

Ганноверцы, брауншвейгцы и гессенцы не были так верны подписанным ими трактатам и много от этого выиграли. Они обещали маршалу Ришелье не выступать против нас и удалиться на ту сторону Эльбы. Они нарушили свой Каудинский договор, лишь только узнали, что мы побиты при Росбахе. Отсутствие дисциплины, дезертирство и болезни уничтожили нашу армию, и результатом наших операций было то, что мы потеряли триста миллионов денег и пятьдесят тысяч человек в Германии, сражаясь за Марию Терезию, совсем как в 1741 году, когда мы сражались против нее.

Прусский король, разбивший нашу армию в Тюрингии, поспешил против австрийской

армии, находившейся на расстоянии шестидесяти лье отсюда. Французы еще могли вступить в Саксонию, победители шли другим путем; ничто не остановило бы французов. Но они потеряли свое оружие, пушки, боевые припасы, продовольствие и, прежде всего, потеряли голову. Они разбрелись в разные стороны. С трудом удалось собрать кое-какие остатки. Месяц спустя Фридрих одерживает более громкую и более трудную победу над австрийской армией вблизи Бреславля. Он берет Бреславль и захватывает пятнадцать тысяч пленных; остальная часть Силезии возвращается под его власть: Густав-Адольф * не делал таких великих дел. Пришлось тогда простить ему его стихи, его шутки, его мелкие пакости и даже его прегрешения против женского пола. Все недостатки человека померкли перед славою героя.*

РАЗГОВОР

КАПЛУНА И ПУЛЯРДЫ

1 7 6 3

D I A L O G U E
DU CHAPON ET DE LA POULARDE

1 7 6 3

Каплун. Боже мой, курочка, как ты печальна, что с тобой?

Пулярда. Мой милый друг, спроси лучше, чего у меня больше нет. Проклятая служанка взяла меня на колени, воткнула мне иглу в зад, закрутила на нее мою матку, выдернула ее и бросила на съедение кошке. И вот отныне я неспособна принимать благосклонность певца утра и нести яйца.

Каплун. Увы, моя милая, я потерял больше, чем вы. Они проделали надо мною вдвойне жестокую операцию: ни вы, ни я не будем больше иметь утешения в этом мире; вас сделали пулярдой, а меня каплуном. Одна мысль смягчает плачевное мое состояние: на днях я слышал, как вблизи моего курятника беседовали два итальянские аббата, которым причинили тот же изъян, дабы они могли петь перед папой более чистыми голосами. Они говорили, что люди начали обрезать крайнюю плоть у себе подобных и кончили тем, что принялись их оскоплять; эти аббаты проклинали судьбу и весь род человеческий.

Пулярда. Как, значит, это для того чтобы у нас голос был чище, отняли у нас лучшую часть нас самих?

Каплун. Увы, бедная моя пулярда, это свершили с целью заставить нас разжиреть и сделать наше мясо более нежным.

Пулярда. Ладно, разжиреют они что ли от нашего жиру!

Каплун. Да, ибо они рассчитывают нас съесть.

Пулярда. Съесть? Ах, чудовища!

Каплун. Таков у них обычай; они ввергают нас в темницу на несколько дней, заставляют нас глотать изобретенное ими месиво, выкалывают нам глаза, чтобы мы ничем не развлекались. Наконец, когда наступает день праздника, они вырывают нам перья, перерезывают нам горло и приказывают нас изжарить. Нас подносят им на широком серебряном блюде; каждый говорит о нас то, что он думает; над нами произносят надгробные речи: один говорит, что от нас пахнет фисташками; другой восхваляет наше сочное мясо; хвалят наши ножки, крылышки, гузки, и вот наша история в здешнем мире кончается навеки.

Пулярда. Какие ужасные негодяи! Я готова лишиться чувств. Как, мне выколят глаза? Мне перережут горло? Я буду изжарена и съедена? Неужели эти злодеи не знают угрызений совести?

Каплун. Нет, мой дружок: два аббата, о которых я вам рассказывал, утверждали, что люди никогда не испытывают угрызений совести от поступков, ставших у них обычаем.

Пулярда. Ненавистное отродье! Бьюсь об заклад, что пожирая нас, они еще позволяют себе смеяться и рассказывать забавные истории, как ни в чем не бывало.

Каплун. Вы угадали; но для вашего утешения знайте (если подобная вещь может вас утешить), что эти животные, двуногие подобно нам, но стоящие гораздо ниже нас, поскольку они не имеют перьев, очень часто поступали таким же образом с себе подобными. Я слышал, как два мои аббата говорили о том, что греческие и христианские императоры никогда не упускали случая выколоть глаза своим братьям, — родным и двоюродным. Что даже в той стране, где мы теперь находимся, проживал некто, именовавшийся *Добродушным*,* который приказал выколоть глаза своему племяннику Бернарду. А что касается поджаривания людей, то ничего нет более обыкновенного между существами этой породы. Мои два аббата говорили, что двадцать тысяч людей было изжарено за какие-то мненния, которые каплуну трудно было бы изложить и до которых мне нет, вдобавок, никакого дела.

Пулярда. Очевидно их изжарили, чтобы съесть.

Каплун. Не решусь утверждать это; но хорошо помню, что совершенно отчетливо слышал, будто существует много стран, в том числе и страна иудейская, где люди иногда ели друг друга.

Пулярда. Пусть так! Справедливо, чтобы порода столь развращенная, сама себя по-

жирала и чтоб земля была очищена от этого племени. Но мне, существу мирному, мне, никогда не сделавшей ничего дурного, мне, которая даже кормила этих чудовищ, давая им мои яйца, каково быть выхолощенной, ослепленной, обезглавленной и изжаренной! Поступают ли с нами таким же образом в других странах мира?

К а п л у н. Два аббата говорят, что нет. Они уверяют, что в стране, называемой Индией, гораздо более обширной, более прекрасной, более плодородной нежели наша, люди имеют святой закон, который в течение многих тысяч веков запрещает им есть нас; что даже некто по имени Пифагор, странствовавший среди этих народов, перенес в Европу этот милосердный закон, которому следовали все его ученики. Добрые аббаты читали Порфирия Пифагорейца, * написавшего прекрасную книгу против вертелов.

О, великий муж, божественный человек этот Порфирий! С какой мудростью, с какой силой, с каким любвеобильным почтением к божеству он доказывает, что мы союзники и родные люди; что бог дал нам те же органы, те же чувства, ту же память, тот же неведомый зародыш понимания, который развивается в нас до известной точки в силу вечных законов, которых не можем преступить ни мы, ни люди. Воистину, милая пулярда, не богохульство ли говорить, будто мы одарены чувствами, чтобы ничего не чувствовать, мозгом, чтобы не мыслить. Это измышление, достойное безумца, которого они называли Декартом, * является

верхом нелепости и тщетным оправданием варварства.

Поэтому величайшие философы древности никогда не сажали нас на вертел. Они старались научиться нашему языку и обнаружить наши свойства, столь превосходные по сравнению с родом человеческим. Мы были в безопасности посреди них, словно в золотом веке. Мудрецы не убивают животных, говорит Порфирий; только варвары и священники убивают их и едят. Он написал эту изумительную книгу с целью убедить одного своего ученика, который сделался христианином по причине своего обжорства.

Пулярда. Скажи мне, существуют ли алтари, воздвигнутые этому великому мужу, который обучал добродетели род людской и спасал жизнь роду скотскому.

Каплуна. Нет, он внушал ужас христианам, которые нас едят, и они до сих пор ненавидят самую память о нем; они говорят, что он был нечестивцем и что добродетели его были ложные, принимая во внимание, что он был язычником.

Пулярда. Какие, однако, ужасные предрассудки влечет за собою обжорство. Я слушала однажды в этом строении, похожем на сеновал, которое стоит вблизи нашего курятника, как один человек говорил перед другими людьми, которые не говорили ни слова; он вскричал, что бог заключил договор с нами и с теми другими животными, которые называются людьми; что бог запретил им питаться нашей кровью и нашей плотью.* Как могут

они присоединять к этому столь ясному запрету разрешение пожирать наши сваренные или поджаренные члены? Когда нам перерезывают горло, в наших жилах по необходимости остается много крови; эта кровь смешивается с нашей плотью; они явно нарушают веленья божи, поедая нас, и затем, не кощунство ли это, — убивать и пожирать существа, с которыми бог заключил договор. Станный был бы договор, единственная статья которого обрекала бы нас на смерть. Либо наш создатель не заключил с нами никакого договора, либо убивать и варить нас — преступление. Тут нет середины.

Каплун. Это не единственное противоречие, царящее у этих чудовищ, наших вечных врагов. Уже давно их упрекают в том, что они никогда не бывают согласны между собой. Они издают законы лишь для того, чтобы нарушать их и, что хуже всего, они нарушают их вполне сознательно. Они изобрели сотни уловок, сотни софизмов, чтобы оправдать свои преступления. Они пользуются мыслью, чтобы обосновывать свои несправедливости, а словами для того, чтобы скрывать свои мысли. Представь себе, что в маленькой стране, где мы живем, запрещено поедать нас в течении двух дней в неделю. Но они, конечно, находят способ обойти закон; впрочем, этот закон, который тебе представляется столь благоприятным, в действительности весьма варварский; он повелевает в эти дни есть обитателей вод; люди отправляются искать новых жертв на дне морей и рек. Они пожирают множество существ,

из которых одно часто стоит дороже сотни каплунов. Они называют это *постом и умерщвлением* плоти. В конце концов я не думаю, чтобы было возможно вообразить себе породу одновременно более смешную и более ужасную, более вздорную и более кровожадную.

Пулярда. Боже мой, мне кажется, что сюда идет этот гнусный поваренок с большим ножом.

Каплун. Все кончено, мой дружок, настал наш последний час. Предадим богу наши души!

Пулярда. Еслиб я могла причинить негодяю, который меня съест, расстройство желудка так, чтобы он издох! Но слабые мстят сильным лишь тщетными пожеланиями, а сильные над этим смеются.

Каплун. Ай, меня хватают за шею! Простим нашим врагам!

Пулярда. Мочи нет; меня душат, меня уносят! Прощай, мой милый каплун!

Каплун. Прощай навеки, милая моя пулярда!

О Б Е Д
У
Г Р А Ф А
ДЕ БУЛЕНВИЛЪЕ

1 7 6 7

L E D Î N E R
DU COMTE DE BOULAINVILLIERS

1 7 6 7

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Перед обедом

А б б а т К у р. Как? Неужели вы, г-н граф, полагаете, что философия столь же полезна роду человеческому, как апостольская, католическая, римская вера?

Г р а ф д е Б у л е н в и л ь е. Философия простирает свою власть над всем миром, а ваша церковь господствует лишь над частью Европы, да и тут имеет не мало врагов. Но вы должны сознаться, что философия в тысячу раз спасительнее, чем ваша религия в том виде, в каком она существует с давних времен.

А б б а т. Вы меня удивляете! Что же разумеете вы под философией?

Г р а ф. Я разумею просвещенную любовь к мудрости, поддерживаемую любовью к Вечному Существо, вознаграждающему добродетель и наказывающему преступление.

А б б а т. Ну, что ж! Не то же ли самое провозглашает наша религия?

Г р а ф. Если это то самое, что вы провоз-

глашаете, мы вполне согласны: я добрый католик, а вы хороший философ; остановимся же на этом; не будем бесчестить нашу святую, религиозную философию ни нелепостями, ни софизмами, оскорбляющими разум, ни необузданной алчностью к почестям и богатству, развращающей добродетель. Будем следовать лишь философской истине и умеренности; и тогда философия признает религию своей дочерью.

А б б а т. С вашего позволения, эта речь немножко пахнет костром.

Г р а ф. До тех пор, пока вы не перестанете угощать нас всякими глупостями и убеждать при помощи костров, вместо доводов разума, вы не будете иметь сторонников: кроме лицемеров и глупцов. Мнение одного мудреца без сомнения одерживает верх над выдумками мошенников и покорностью тысяч идиотов. Вы меня спрашивали, что я разумею под философией; в свою очередь я спрашиваю вас, что вы разумеете под религией?

А б б а т. Мне бы понадобилось не мало времени, чтобы объяснить вам все наши догматы.

Г р а ф. Это уж немалый довод против вас; вам нужны толстые книги, а мне требуется всего четыре слова: Служи богу, будь справедлив.

А б б а т. Никогда религия не говорила обратного.

Г р а ф. Желал бы не находить в ваших книгах противоположных мыслей. Но эти жестокие слова: «Убеди их прийти»,¹ которыми так

¹ Лука, XIV, 23.

варварски злоупотребляют. А эти: «Не мир пришел я принести, но меч»,¹ и эти еще: «А если и церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь»,² и сотня подобных изречений, которые возмущают здравый смысл и чувство человечности.

Есть ли чтонибудь более жестокое и гнусное, чем эта проповедь: «Я говорю им притчами, что бы они видя не видели, слыша не слышали и не разумели».³ Неужели в этом выражается вечная мудрость и благость? Бог всего мира, ставший человеком с целью просветить и облагодетельствовать всех людей, мог ли этот бог сказать: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева»,⁴ иначе говоря, в маленькую страну, имевшую самое большее 30 лье в окружности.

Возможно ли, что этот бог, которому заставляют платить подати, сказал, что его последователи не должны ничего платить, что цари берут подати лишь с посторонних, но что сыны свободны.⁵

А б б а т. Эти речи, которые соблазняют вас, разъясняются местами совсем противоположными.

Г р а ф. Праведное небо! Что это за бог, который нуждается в комментариях и которого беспрестанно заставляют говорить то за, то против? Что за законодатель, который ничего не написал? Что представляют собой эти четыре

¹ Матф., X, 34. ² Матф., XVIII, 17. ³ Матф., VIII, 10.
⁴ Там же, XV, 24. ⁵ Там же, XVII, 24, 25, 26.

божественные книги? Дата написания их неизвестна, и авторы их, личность которых столь мало выяснена, противоречат себе на каждой странице.

А б б а т. Все эти противоречия можно согласовать, говорю я вам. Но признайтесь, по крайней мере, что вы совершенно довольны нагорной проповедью.

Г р а ф. Да, говорят, что Иисус сказал, что надо сжечь того, кто назовет брата своего «Рака»¹ (пустой человек), что и делают ваши богословы ежедневно. Он сказал, что пришел исполнить закон Моисеев, который вам внушает ужас.²

Он спрашивает, чем будут солить, если соль исчезнет.³ Он говорит, что блаженны нищие духом, потому что им принадлежит царство небесное.⁴ Я знаю еще, что его заставляют сказать будто зерно должно сгнить и умереть в земле, чтобы прорасти,⁵ что царство небесное подобно горчичному зерну,⁶ что оно есть деньги, отданные в рост,⁷ что не надо угощать обедом своих родственников, если они богаты.⁸ Может быть эти выражения имели весьма почтенный смысл на том языке, на котором они были произнесены. Я признаю все, что может внушить добродетель; но будьте добры сказать мне, что вы думаете о следующей фразе: «Это бог сотворивший меня, бог всюду и во мне: осмелюсь ли я оскорбить его

¹ Матф., V, 22. ² Там же, V, 17. ³ Там же, V, 13. ⁴ Там же, 3. ⁵ Послания Павла к Коринф., XV, 36. ⁶ Лука, XIII, 19. ⁷ Матф., 25. ⁸ Лука, XIV, 12.

низкими и преступными делами, нечистыми словами или скверными желаниями? Если бы я мог в последний час мой сказать богу: о, господи! Отец мой! Ты хотел, чтобы я страдал, и я покорно переносил страдания; ты хотел, чтобы я был беден, и я познал бедность; ты поверг меня в ничтожество, и я не хотел величия; ты хочешь, чтобы я умер, и я прославляю тебя, умирая. Я уйду от этого чудного зрелища, благодаря тебя за то, что ты допустил меня созерцать чудесный порядок, сообразно которому ты управляешь вселенной».

А б б а т. Но это восхитительно! У какого отца церкви нашли вы этот божественный отрывок? У св. Киприана, у св. Григория Назианзина или у св. Кирилла?

Г р а ф Нет, это слова раба-язычника, по имени Эпиктета, и император Марк Аврелий никогда не думал иначе, чем этот раб.*

А б б а т. Действительно, я припоминаю, что когда-то в юности читал нравственные наставления некоторых язычников, которые произвели на меня большое впечатление; признаюсь даже, что законы Залевка, Харондаса, поучения Конфуция, нравственные наставления Зороастра и правила Пифагора показались мне продиктованными мудростью для блага рода человеческого; мне казалось, что сам бог удостоил просветить этих великих мужей светом более чистым, чем обыкновенных людей, подобно тому, как он дал более гармоничности Вергилию, более красноречия Цицерону, более мудрости Архимеду, чем их современникам. Я был потрясен этими великими уроками

добродетели, завещанными нам древностью. Но тем не менее, все эти люди не знали богословия, они не знали, какая разница между херувимом и серафимом, между действительной благодатью, которой нельзя противиться, и благодатью достаточной, которой бывает недостаточно; они не знали, что бог умирал и, будучи распят для блага всех, был, вместе с тем, распят лишь ради немногих.

Ах, г-н граф, если бы Сципионы, Цицероны, Катоны, Эпиктеты, Антонины знали только, что отец родил сына, но не сотворил его, что дух не был ни рожден, ни сотворен, но что он исходит в виде дыхания то от отца, то от сына; что сын имеет все, что принадлежит отцу, но не имеет достоинства отчего! Если бы, говорю я, древние наши учителя во всем могли познать сотни истин такой силы и такой ясности, короче говоря, если бы они были богословами, какую пользу принесли бы они людям!

Единосушие и пресуществление таких прекрасные вещи, г-н граф. Если бы небу угодно было, чтобы Сципион, Цицерон и Марк Аврелий углубили эти истины, они могли бы стать великими викариями у его преосвященства архиепископа или синдиками Сорбонны.

Граф. Ну, а скажите мне по совести, между нами и перед богом, как вы думаете: неужели души этих великих мужей черти вечно поджаривают на вертеле в ожидании, когда они найдут свои тела, которые тоже будут жариться вместе с ними; и все это лишь за то, что они не имели возможности стать синдиками Сор-

бонны и великими викариями монсеньора архиепископа?

А б б а т. Вы меня сильно затрудняете; ведь вне церкви нет спасения.

«Никто не должен быть угоден богу кроме нас и наших друзей.* И если кто не послушает церкви, то будет он тебе, как язычник и генеральный откупщик.¹ Сципион и Марк Аврелий совсем не слушали церкви; они не признавали решений Тридентского собора; их разумные души будут вечно жариться, а когда тела их, распавшиеся между четырьмя стихиями, будут вновь обретены — они будут вечно жариться вместе с их душами. Это совершенно ясно и совершенно справедливо; это именно так и есть. Но, с другой стороны, довольно жестоко жечь в вечном огне Сократа, Аристиды, Пифагора, Эпиктета, Антонинов, всех тех, чья жизнь была чиста и безукоризненна, и предоставить вечное блаженство телу и душе Франсуа Равальяка,* который умер добрым христианином, хорошо исповеданный и снабженный действительной и достаточной благодатью. Меня это немного смущает; ибо как ни как, я поставлен судьей над всеми людьми; их вечное блаженство и вечные мучения зависят от меня, и мне немного противно спасать Равальяка и осуждать на мучения Сципиона.²

Единственно, что меня утешает, так это то, что мы, богословы, можем извлекать из ада,

¹ Матф., XVIII, 17.

² «Ни у кого нет ума, кроме нас и наших друзей» (Мольер. «Ученые женщины», д. III, сц. II).

(Примеч. Вольтера).

кого хотим; читаем же мы в «Деяниях св. Феклы» (этой великой женщины-богослова, ученицы св. Петра, которая переделалась мужчиной, чтобы следовать за ним) рассказ о том, как она освободила из ада свою подругу Факониллу, имевшую несчастье умереть язычницей. А великий св. Иоанн Дамаскин сообщает, что великий святой Макарий, тот самый, что выпросил у бога смерть Ария * своими горячими молитвами, спросил однажды на кладбище череп язычника о его спасении; и череп ему ответил, что молитвы богословов приносят чрезвычайное облегчение осужденным.

И, наконец, мы наверно знаем из нашей науки, что великий святой папа Григорий извлек из ада душу императора Траяна, * вот вам прекрасные примеры милосердия божия.

Граф. Однако, вы шутник; так избавьте же от ада вашими святыми молитвами Генриха IV, который умер без причастия, как язычник, и поместите его на небе вместе с исповедывавшимся Равальяком; я только хотел бы знать как они уживутся вместе и какие они при этом будут строить физиономии.

Графиня. Обед стынет; а вот и г-н Фрерэ приехал; пойдемте к столу, а после вы можете извлекать из ада, кого вам будет угодно.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Во время обеда

Аббат. Ах, сударыня, вы кушаете скромное в пятницу, не испросив специального разрешения у г-на архиепископа или у меня? Разве вы не знаете, что это грех против цер-

кви? Раньше, у евреев запрещалось есть зайца, потому что он был тогда жвачным животным и не имел раздвоенных копыт,¹ и было ужасным преступлением есть иксиона и коршуна.²

Графиня. Вы всегда шутите, г-н аббат; ну, скажите на милость, что это такое иксион?

Аббат. Я сам этого не знаю, сударыня; но я знаю, что всякий, кто скушает крылышко цыпленка без разрешения своего епископа, вместо того, чтобы наестся до отвала семгой и осетриной, совершит смертный грех; что его душа будет гореть в ожидании тела и, когда тело присоединится к ней, они вместе будут гореть вечно, не стора, как я только что говорил.

Графиня. Поистине, ничего не может быть справедливее и правосуднее; приятно исповедывать такую мудрую религию. Не хотите ли крылышко этой куропатки?

Граф. Возьмите, прошу вас, Иисус Христос сказал: «Ешьте, что вам предложат».³ Кушайте, кушайте, пусть ваша стыдливость не вводит вас в ущерб.

Аббат. Ах! Перед вашими слугами, в пятницу, на другой день после четверга! Они пойдут рассказывать об этом всему городу.

Граф. Значит, вы моих лакеев ставите выше, чем Иисуса Христа?

Аббат. Правда, спаситель никогда не признавал различия между скромными и постыдными днями; но мы изменили его учение к лучшему; он дал нам всю власть на земле и на

¹ Второзаконие, XIV, 7. ² Там же, 12. ³ Лука, X, 8.

небе. Знаете ли вы, что во многих наших провинциях менее чем сто лет тому назад приговаривали к повешению людей, евших великим постом скоромное? И я могу назвать вам примеры этого.

Графиня. Боже мой! Как это назидательно! И как сразу видно, что ваша религия божественна!

Аббат. Настолько божественна, что в этой же самой стране, где вешали тех, кто ел яичницу с салом, сжигали тех, кто снимал жир с фаршированного цыпленка, * и церковь еще и теперь прибегает иногда к таким мерам; настолько она умеет приспособляться к различным человеческим слабостям. Прошу налить.

Граф. Кстати, г-н великий викарий, позволяет ли ваша церковь жениться на двух сестрах?

Аббат. На обеих сразу, нет, но по очереди, смотря по надобности, по обстоятельствам, по деньгам, уплаченным римской курии, и по протекции: заметьте, что все всегда меняется и что все зависит от нашей святой церкви. Святая еврейская церковь, наша мать, которую мы ненавидим и на которую всегда ссылаемся, находит весьма похвальным, что патриарх Иаков женится на двух сестрах сразу; она запрещает в книге Левит ¹ жениться на вдове своего брата; она недвусмысленно предписывает это во Второзаконии; ² а иерусалимский обычай допускал брак с собственной сестрой, ибо вы знаете, что когда Амнон, сын непорочного царя Давида,

¹ Левит, XVIII, 16. ² Второзаконие, XXV, 5.

обесчестил свою сестру Фамарь, эта целомудренная и сообразительная сестра сказала ему следующие слова: «Брат мой, не делай глупостей, но поговори с царем и он не откажет отдать меня тебе». ¹

Но возвратимся к нашему божественному закону о позволении жениться на двух сестрах или на вдове своего брата; он меняется со временем, как я уже вам сказал. Наш папа Климент VII не осмелился объявить недействительным брак английского короля Генриха VIII * с женой его брата, принца Артура, из страха, что Карл V посадит его вторично в тюрьму и объявит незаконнорожденным, каковым он и был в действительности. Но будьте уверены, что в деле брака, как и во всем остальном, папа и монсиньор архиепископ полновластно распоряжаются всем, когда они всех сильнее. Прошу налить!

Графиня. Ну что же, г-н Фрерэ, вы ничего не отвечаете на эти прекрасные речи? Что же вы молчите?

Г-н Фрерэ. Я молчу, сударыня, потому что мог бы сказать слишком много.

Аббат. А что вы имеете сказать, сударь, такого, что могло бы поколебать авторитет, омрачить величие, опровергнуть истины, нашей матерей святой католической апостольской и римской церкви? Прошу налить!

Г-н Фрерэ. Чорт возьми! Я бы сказал, что вы жиды и идолопоклонники, что вы смеесть над нами и прикарманиваете наши деньги.

¹ Царств, II книга XIII, 12 и 13.

А б б а т. Жиды и идолопоклонники! Как вам это понравится!

Г - н Ф р е р э. Да, жиды и идолопоклонники, если вам угодно знать. Разве ваш бог не был рожден евреем? Разве он не был обрезан, как еврей?¹ Разве он не исполнял всех еврейских обрядов? Разве вы не заставляете его говорить неоднократно, что нужно подчиняться Моисееву закону?² Разве он не приносил жертв в храме? Разве ваши крестины не еврейский обычай, заимствованный у восточных народов? Разве вы до сих пор не называете главный из ваших праздников еврейским словом «пасха»? Разве вы уже семнадцать с лишним веков не поете, в сопровождении дьявольской музыки еврейских песен, которые вы приписываете еврейскому царьку, разбойнику, развратнику и человекоубийце? Разве вы сами не даете ссуд под залог в Риме, в ломбардах, которые вы именуете «горами благочестия»? И разве вы не продаете безжалостно заложенных вещей, если бедняки не заплатят в срок своего долга?

Г р а ф. Он прав; в еврейском законе есть только одна вещь, которой вам недостает; это добрый юбилейный год, настоящий юбилейный год, когда владельцы могли бы получить обратно свои земли, которые они отдали, как глупцы, в то время, когда вы их уверили, что близится приход Илии и Антихриста, что наступает конец мира и что нужно отдать церкви все свое достояние «ради спасения своей души, чтобы не быть помещенными в стаде коз-

¹ Луки II, 22 и 39. ² Матф., V, 17 и 18.

лиш», — этот юбилей был бы гораздо лучше того, во время которого вы нам раздаете ваши индульгенции; я лично заработал бы на этом не менее ста тысяч ливров годового дохода. *

А б б а т. Я не прочь, но при условии, что из этих ста тысяч ливров вы мне выделите приличную пенсию, однако, почему же г-н Фрерэ называет нас идолопоклонниками?

Г - н Ф р е р э. Почему, милостивый государь? Спросите об этом у св. Христофора; * это первая вещь, которую вы видите в вашем соборе, и в то же время самый гнусный памятник варварства, который у вас имеется; спросите об этом у св. Клары, которой молятся при глазных болезнях и которой вы настроили храмов, у св. Генудия, который вылечивал подагру, у св. Януария, кровь которого так торжественно закипает в Неаполе, когда ее подносят к его голове; у св. Антония, который окропляет лошадей в Риме святой водой. Осмелитесь ли вы отрицать свое идолопоклонство, вы, которые в тысячах церквей поклоняетесь молоку богородицы, крайней плоти и пупку ее сына, терниям, из которых по вашим словам был сплетен ему венок, гнилому дереву, на котором якобы умерло вечное существо; наконец, вы поклоняетесь вместо бога кусочку теста, который вы прячете в коробочку, из боязни мышей! Ваши римские католики простирают свою вселенскую экстравагантность до того, что говорят, будто они превращают этот кусок теста в бога при помощи нескольких латинских слов, и что все крошки этого теста становятся тоже богами, творцами вселенной. Бродяга, сделав

шись попом или монахом, прямо из объятий блудницы идет за двенадцать су, одевшись в скомороший наряд, бормотать на непонятном языке то, что вы называете обедней, махать тремя пальцами в воздухе, сгибаться и выпрямляться, вертеться направо и налево, взад и вперед и делать столько богов, сколько ему нравится, есть и пить их и затем отправить их в свой ночной горшок. И вы не признаете, что это самое чудовищное, самое смехотворное идолопоклонство, какое когда-либо позорило род человеческий? Нужно совсем превратиться в скота, чтобы вообразить себе, будто булку и красное вино можно превратить в бога. Вас, новые язычники, даже нельзя сравнить с древними, которые почитали Зевса Демиурга, повелителя богов и людей, и чтили второстепенных богов; знайте, что Церера, Помона и Флора стоят больше, чем ваша Урсула со своими одиннадцатью тысячами дев; и не жрецам Марии Магдалины смеяться над священниками Минервы.

Графиня. Г-н аббат, в лице г-на Фрерэ вы имеете опасного противника, зачем вы захотели, чтобы он говорил? Теперь пеняйте на себя.

Аббат. О! Сударыня, я привык к битвам; я не пугаюсь таких пустяков; я уже давно слышал все эти доводы против нашей матери, святой церкви.

Графиня. Честное слово, вы напоминаете некую герцогиню, которую один недовольный обозвал распутницей; она ему ответила: «Вот уже тридцать лет, как мне это повторяют, я бы

хотела, чтобы говорили то же самое еще тридцать».

А б б а т. Сударыня, острое слово еще ничего не доказывает.

Г р а ф. Это справедливо; но острое слово не мешает быть правым.

А б б а т. А какой довод можно противопоставить подлинности пророчеств, чудесам Моисея, чудесам Иисуса и мучеников?

Г р а ф. Ах! Не советую вам говорить о пророчествах, с тех пор как даже маленькие мальчики и девочки знают, как за завтраком пророк Иезекииль¹ кушал нечто такое, что даже неприлично назвать за обедом, с тех пор как им известны приключения Оголы и Оголивы,² о которых неудобно говорить при дамах; * с тех пор как они знают, что бог евреев приказал пророку Осии взять блудницу и народить от нее детей.³ Увы! Можно ли у этих несчастных найти что-либо, кроме чепухи и непристойностей? Лучше бы ваши бедные богословы впредь перестали спорить с евреями о смысле изречений их пророков; о каких-нибудь нескольких еврейских строках из Амоса, Ионы, Аввакума, Иеремии, о нескольких словах Илии, вознесенного на небеса на огненной колеснице, каковой Илия, кстати сказать, никогда не существовал. Особенно они должны стыдиться пророчеств, вставленных в евангелия. Возможно ли, что еще находятся люди достаточно глупые и подлые, чтобы не чувствовать возмущения, когда Иисус предсказывает у Луки: «И будут

¹ Иезекииль, IV, 12. ² Там же, XXIII, 4. ³ Осия, I, 2; III, 1 и 2.

знамения в луне и в звездах, и море, восшумит и возмутится, люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, Силы небесные поколеблются, и тогда увидят сына человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою. Истинно говорю вам, не пройдет род сей, как все это будет». ¹

Решительно невозможно найти предсказание более точное, более обстоятельное и более ложное. Нужно быть сумасшедшим, чтобы осмелиться утверждать, будто оно исполнилось и будто сын человеческий пришел на облаке с великой силой и славой.

Как случилось, что Павел в своем послании к Фессалоникийцам подтверждает это смехотворное предсказание другим, еще более нелепым? «Мы, оставшиеся в живых и говорящие с вами, будем также восхищены на облаках в сретение господу, на воздух и т. д.» ²

Всякий человек, мало-мальски образованный, знает, что учение о конце мира и о возникновении мира нового есть миф, принятый почти у всех народов. Вы найдете это предание у Лукреция в IV книге. * Вы его найдете в первой книге «Метаморфоз» Овидия. Гераклит, * еще задолго до этого, сказал, что этот мир будет уничтожен огнем. Стоики также разделяли это мечтание. Полу-евреи, полу-христиане, сфабриковавшие евангелия, не преминули присвоить столь общепринятое учение и им воспользоваться. Но так как мир еще долго просуществовал, и Иисус не думал являться в облаке со

¹ Лука, XXI, 25, ² Послание, I, IV, 17.

славой в первом веке церкви, они сказали, что это случится во втором веке, затем они обещали это в третьем, и так из века в век эта дикая идея возобновлялась. Богословы поступили, как шарлатан, которого я однажды видел близ Нового моста на Школьной набережной; он показывал народу вечером петуха и несколько бутылок с бальзамом. «Господа, — говорил он, — я сейчас отрежу голову моему петуху и воскрешу его через минуту в вашем присутствии, но прежде нужно, чтобы вы раскупили мои бутылки». Всегда находились люди достаточно простодушные, которые их покупали. «Итак, я сейчас отрежу голову моему петуху, — продолжал шарлатан, — но так как уже поздно, а эта операция достойна того, чтобы ее проделывать при свете дня, то отложим до завтра».

У двух членов Академии Наук хватило любопытства и настойчивости притти, чтобы посмотреть, как шарлатан ухитрился выйти из положения; эта комедия длилась восемь дней подряд, но комедия ожидания конца мира в христианстве длилась целых восемь веков. После этого, милостивый государь, извольте цитировать еврейские и христианские пророчества.

Г-н Фрерэ. Не советую вам говорить о чудесах Моисея людям, у которых уже обсохло молоко на губах. Если бы все эти невообразимые чудеса действительно были проделаны, египтяне сообщили бы о них в своих летописях. Память о стольких чудесных деяниях, удивляющих природу, сохранилась бы у всех народов. Греки, которым были известны все легенды Египта и Сирии, сохранили бы что-

либо об этих сверхъестественных событиях, на шумевших во всех концах света. Но ни один историк ни греческий, ни сирийский, ни египетский не говорит об этом ни слова. Иосиф Флавий, * такой добрый патриот, такой упорный в своем иудействе, этот Иосиф, собравший столько свидетельств в доказательство древности своего народа, не мог найти ни одного, которое подтверждало бы десять казней египетских, переход по суку через середину моря и т. д. Вы знаете, что автор «Пятикнижия» еще не известен наверное; какой же разумный человек может верить на слово какому-то еврею, будь то Ездра, или кто другой, и допустить такие ужасные чудеса, неведомые всему остальному миру? Если бы даже все ваши еврейские пророки рассказывали тысячу раз об этих странных событиях, даже тогда им нельзя было бы верить, но ни один из пророков не приводит слов «Пятикнижия» обо всей этой куче чудес, ни один не входит в подробности этих приключений. Объясните мне это молчание, как можете.

Подумайте, ведь должны быть достаточно серьезные причины, дабы произвести подобный переворот в природе. Какую причину, какой повод мог иметь бог евреев? Для того ли, чтобы наградить свой маленький народ? Чтобы дать ему плодородную землю? Почему же не отдал он им Египет, вместо того, чтобы творить чудеса, большую часть которых, по вашим словам, с равным успехом умели проделывать колдуны фараона? Зачем нужно было ангелу-истребителю перерезать всех первенцев Египта

и заставить умереть всех животных для того, чтобы израильтяне в числе 630 тысяч воинов могли убежать, как трусливые воры? Для чего было открывать им лоно Красного моря, чтобы они шли умирать с голоду в пустыне? Чувствуете вы чудовищность этой нелепой чепухи? У вас слишком много здравого смысла, чтобы принять ее и по-настоящему верить в христианскую религию, основанную на еврейском обмане. Вы чувствуете смехотворность пошлого ответа, что нельзя спрашивать бога, нельзя испытывать бездн Провидения. Нет, нельзя спрашивать бога, почему он создал блох и пауков, ибо, зная, что блохи и пауки существуют, мы не можем знать, зачем они существуют, но мы совсем не так уверены, что Моисей превратил свой жезл в змею и наслал блох на египтян, хотя блохи весьма близко знакомы его народу; мы вовсе не спрашиваем бога, мы спрашиваем тех безумцев, которые заставляют говорить бога и приписывают ему все свои чудачества.

Графиня. Честное слово, г-н аббат, не советую вам говорить и о чудесах Иисуса. Неужели создатель мира сделался евреем, чтобы превращать воду в вино на свадьбе, где все уже были пьяны? ¹ Неужели он мог быть перенесен дьяволом на гору, откуда были видны все дарства земные? ² Как мог он вселить бесов в тела двух тысяч свиней в стране, где совсем не было свиней? ³ Мог ли он засушить смоковницу за то, что она не приносит смокв, ⁴ когда

¹ Иоанн, II, 9. ² Матф., IV, 8. ³ Там же, VIII, 32.
⁴ Марк, XI, 13.

еще не пришло время для них? Поверьте мне: эти чудеса не менее нелепы, чем Моисеевы. Признайтесь вслух, что вы думаете в глубине души?

А б б а т. Сударыня, будьте снисходительны к моей рясе; предоставьте мне заниматься моим ремеслом. Я, быть может, немного побит в вопросе о пророчествах и чудесах, но что касается мучеников, то мы знаем наверное, что они и Паскаль, * патриарх Пор-Ройяля, сказал: «Я охотно верю историям, свидетели которых готовы дать себя зарезать».

Г - н Ф р е р э. Ах, сударь, как много недобросовестности и невежества у Паскаля! Читая его, можно подумать, будто он видел, как допрашивали апостолов и присутствовал при их мучениях. Но кто же видел, что их подвергали мучениям? Кто ему сказал, что Симон Барджоне,¹ прозванный Петром, был распят в Риме вниз головой? Кто ему сказал, что этот Барджоне, жалкий рыбак из Галилеи, когда-либо был в Риме и говорил по-латыни? Увы, если бы он был осужден в Риме, если бы христиане знали об этом, первой церковью, построенной впоследствии в честь святых, была бы церковь св. Петра, а не св. Иоанна Латеранского; папы обязательно бы это сделали; это было бы прекрасным предлогом для их чванства. Доходит до того, что с целью доказать, будто этот Петр Барджоне жил в Риме, вы принуждены сказать, что одно письмо, которое ему приписывают,

¹ Барджоне или Барджон в испорченном переводе с арамейского (франц. текст *Bardejone*) означает — сын Юны.

помеченное Вавилоном, ¹ было в действительности написано в Риме; на это один знаменитый писатель очень справедливо заметил, что, пользуясь таким объяснением, можно доказать, что письмо, помеченное Петербургом, написано в Константинополе. Вам, конечно, известно, каковы были те лгуны, которые рассказывали о путешествии Петра. Это Авдий, который первый написал, будто Петр пришел с Генисаретского озера прямо в Рим к императору, дабы своими чудесами атаковать Симона Волхва; * это он рассказывает сказки про некоего родственника императора, наполовину воскрешенного одним Симоном и окончательно воскрешенного другим; это он сравил двух Симонов, из коих один взлетает на воздух и ломает себе обе ноги по молитве другого; это он сочинил знаменитую историю о двух псах, посланных Симоном, чтобы съесть Петра; все это повторяют Марцел и Гегезий. Вот основа христианской религии. Вы здесь ничего не видите, кроме сплетения самых пошлых обманов, сочиненных подлейшей сволочью, которая одна лишь и исповедывала христианство в течение первой сотни лет.

Это непрерывный ряд подделывателей. Они фабрикуют письма Иисуса Христа, они фабрикуют письма Пилата, письма Сенеки, апостольские уставы, акrostихи с изречениями сивилл, евангелия числом более сорока, деяния Варнавы, литургии Петра, Иакова, Матфея, Марка и т. д. и т. д. Вы это знаете, сударь; вы без сомнения, читали все эти гнусные архивы лжи, ко-

¹ Посл. св. Петра, V, 13.

торые вы называете благочестивыми подлогами; и у вас не хватает честности признать, хотя бы перед вашими друзьями, что трон папы был утвержден лишь на гнусном обмане, на несчастье рода человеческого?

А б б а т. Но как же могла христианская религия вознестись так высоко, если она не имела иной основы, кроме лжи и фанатизма?

Г р а ф. А как же магометанство вознеслось еще выше? По крайней мере его ложь была благороднее и фанатизм великодушнее. По крайней мере Магомет писал и сражался; а Иисус не умел ни писать, ни защищаться. У Магомета была храбрость Александра и разум Нумы; а ваш Иисус только потел кровавым потом, когда был осужден своими судьями. Магометанство никогда не менялось, а вы — вы по крайней мере раз двадцать переделывали всю вашу религию. Между вашей сегодняшней религией и той, какую она была в первых веках, больше разницы, чем между нашими обычаями и обычаями короля Дагобера. * Жалкие христиане! Нет, вы не почитаете вашего Иисуса, вы его оскорбляете, подменяя его законы своими новыми. Вы скорее издеваетесь над ним, со всеми вашими таинствами, вашими «агнцами», вашими реликвиями, вашими индульгенциями, вашими бенефициями и вашим папством; разве вы не издеваетесь над ним из года в год, пятого января с вашими неприличными стихирами, в которых вы поднимаете на смех деву Марию, ангела, который ее приветствует, голубя, от которого она забеременела, плотника, который ревновал ее за это, и младенца, которого поздра-

вляют три дара, между теленком и ослом, достойной компанией для такого семейства.

А б б а т. А между тем как раз эти смехотворные вещи св. Августин нашел божественными; он говорил: «Я верю этому, потому что это нелепо, я верю, потому что это невозможно».

Г - н Ф р е р э. Э, какое нам дело до бредней этого африканца, то манихея, то христианина, то развратника, то ханжи, то терпимого, то гонителя? Что нам до его богословской чепухи? Неужели вы хотите, чтобы я уважал этого бессмысленного ритора, когда он говорит в своей XXII проповеди, что ангел сделал Марии ребенка через ухо, *impraegnavit per aurem*?

Г р а ф и н я. Действительно, я вижу как это глупо; но не вижу ничего божественного. Мне кажется очень естественным, что христианство утвердилось в простонародье, как утвердились секты анабаптистов, квакеров и как приобрели влияние пророки в Виварэ и в Севеннах, * как усиливается сейчас партия конвульсионеров. *

Энтузиазм начинает — мошенничество довершает. С религией получается то же, что с азартной игрой:

Начавши дураком, кончить плутом.

Г - н Ф р е р э. Это вполне справедливо, сударыня. Что с наибольшей вероятностью вытекает из хаоса сказаний о Христе, написанных против него евреями и в защиту его христианами, так это то, что он был правоверный еврей, хотевший прославиться у своего народа подобно основателям сект рохабитской, ессенианской, саддукейской, фарисейской, иродиан-

ской, иоаннийской, терапевтической и многих других мелких партий, существовавших в Сирии, которая была родиной фанатизма. Возможно, что он принял в свою партию нескольких женщин, а также тех, кто хотел стать во главе секты, что у него вырвалось несколько неосторожных выражений против установленных властей и что он был за это жестоко наказан смертной казнью. Но был ли он осужден в царствование Ирода Великого,* как утверждают талмудисты, или при Ироде Четвертовластнике, как говорят евангелия, это совершенно безразлично.

Доказано, что ученики его были очень невежественны, до тех пор пока не встретили в Александрии нескольких платоников, которые подкрепили бредни Галилеянина бреднями Платона. В это время люди были без ума от демонов, злых духов, навождений, одержимости, магии, подобно современным дикарям. Почти все болезни считались одержимостью злыми духами. Евреи с незапамятных времен славились тем, что при помощи корня барат, поднесенного к носу больного, и нескольких слов, обращенных к Соломону, изгоняли бесов. Юный Товия изгонял бесов дымом жарящейся рыбы. Вот происхождение чудес, которыми так хвастались галилеяне.

Язычники были достаточно фанатичны, дабы признать, что галилеяне могут совершать подобные подвиги, ибо они полагали, что сами могут делать не хуже. Они верили в магию, как и ученики Иисуса. Если некоторые больные исцелялись силами самой природы, они неиз-

менно уверяли, что те избавились от головной боли при помощи их колдовства. Они говорили христианам: у вас есть прекрасные секреты и у нас тоже: вы лечите словами и мы тоже; у вас нет над нами никакого преимущества.

Но когда галилеяне, привлечшие на свою сторону большое количество черни, начали проповедывать против государственной религии; когда, прежде просив терпимости, они сами осмелились быть нетерпимыми; когда они захотели воздвигнуть свой новый фанатизм на развалинах фанатизма древнего, тогда римские священники и чиновники возненавидели их; тогда их заносчивость была укращена. Что же они сделали? Они представили, как мы видели, тысячу сочинений в свою защиту; глупцы стали плутами, стали поддельвателями, защищались самым недостойным обманом, не имея возможности употребить другого оружия, до того времени, когда Константин, сделавшийся императором благодаря их деньгам, посадил их религию на трон. Тогда плуты стали кровопийцами. Смеем вас уверить, что со времени Никейского собора * и до восстания в Севеннах не прошло ни одного года, чтобы христианство не явилось причиною кровопролития.

А б б а т. Ах, сударь, это сильно сказано.

Г - н Ф р е р э. Нет, этим мало сказано. Перечитайте только «Церковную историю»; * вы увидите донатистов и их противников, обменивающихся палочными ударами; афанасиан и ариан, наполняющих убийствами римскую империю из-за одной иоты. Вы увидите этих варваров христиан, горько жалующихся на то,

что мудрый император Юлиан запрещает им резаться и истреблять друг друга. Посмотрите на этот ряд ужаснейших зверств; сколько граждан, умирающих в муках, сколько убитых государей, зажженных костров на ваших соборах; двенадцать миллионов невинных обитателей Нового Света убиты, как дикие звери в лесу, под предлогом, что они не хотели стать христианами; а в нашем полушарии, одни христиане беспрерывно истребляют других, — стариков, детей, матерей, жен, дочерей, издыхают толпами в крестовых походах альбигойцев, в войнах с гуситами, в войнах с лютеранами, с кальвинистами, с анабаптистами; Варфоломеевская ночь, резня в Ирландии, в Пьемонте, в Севеннах, в то время как римский епископ, развалившись на мягком ложе, заставляет целовать себе ноги, в то время как пятьдесят евнухов выводят перед ним свои трели для его развлечения. Бог свидетель, что это верное изображение действительности, и вы не осмелитесь возражать мне.

А б б а т. Признаюсь, кое-что из этого справедливо; но, как говорил епископ Нуайонский, это еще не главное, это лишь оглавление. Обеды были бы слишком грустны, если бы разговор долго вращался около бедствий рода человеческого. История церкви мешает пищеварению.

Г р а ф. Дела ее мешали ему еще больше.

А б б а т. Это вина не христианской религии, но тех, кто злоупотреблял ею.

Г р а ф. Вы были бы правы, если бы злоупотреблений было немного. Но, если священники

хотели жить на наш счет с тех пор, как Павел, или тот, кто принял это имя, написал: «Не имею ли я право есть и пить, я, жена моя и сестра моя»;¹ если церковь всегда хотела властвовать и поработать, если она употребляла всевозможные оружия, чтобы отнять нашу жизнь и имущество, со времен той выдуманной истории об Анании и Сапфире, принесших к ногам Симона Барджоне все свое наследство, оставив себе на существование лишь несколько драхм;² если очевидно, что вся история церкви есть длинный ряд ссор, обманов, притеснений, мошенничеств, грабительств и убийств; тогда становится ясно, что злоупотребления лежат в самой сущности ее, как ясно, что волк всегда был разбойником, и что это отнюдь не случайное злоупотребление, если он отведал крови наших овец.

А б б а т. Вы можете сказать то же самое обо всех религиях.

Г р а ф. Ничуть! Не думаю, чтобы вы могли мне указать хотя бы одну войну, вспыхнувшую из-за догматов хотя бы одной из сект древности. Не думаю, чтобы вы могли мне указать у римлян хотя одного человека, преследуемого за свои убеждения со времен Ромула и до тех пор, пока христиане не явились и не перевернули всего верх дном. Это нелепое варварство досталось в удел нам одним. Вы чувствуете правду, которая вас угнетает, вы краснеете и не знаете, что отвечать?

А б б а т. Итак, я ничего не отвечаю. Я признаю, что богословские споры нелепы и пагубны.

¹ Послание к Коринфянам, I-IX. ² Деяния апостолов, V.

Г - н Ф р е р э. Признайте также, что надо с корнем вырвать дерево, всегда приносившее яд.

А б б а т. В этом я с вами никогда не соглашусь, ибо это дерево иногда приносило также и добрые плоды. Если в республике вечно царствуют междоусобицы, я не хочу, чтобы из-за этого уничтожали республику; можно лишь изменить к лучшему ее законы.

Г р а ф. С государством дело обстоит иначе, чем с религией. Венеция изменила свои законы и процветает, но когда захотели реформировать католицизм, Европа потонула в крови, и, наконец, когда знаменитый Локк, * желая примирить гнусности этой религии с правами человечества, написал свою книгу о разумном христианстве, у него не нашлось и четырех последователей. Это достаточно сильное доказательство того, что религия и разум не могут существовать одновременно. При таком положении вещей есть только одно средство, да и то паллиативное: сделать религию абсолютно зависимой от короля и гражданских властей.

Г - н Ф р е р э. Да, при условии, что король и гражданская власть будут просвещены, при условии, если они сумеют быть терпимыми ко всякой религии, будут смотреть на всех людей, как на своих братьев, будут следить не за тем, что они думают, но за тем, что они делают; предоставят им свободу в их отношениях к богу и будут сдерживать их законами только в их отношениях к людям. Ибо нужно считать дикими зверями тех правителей, которые будут поддерживать религию при помощи палача.

А б б а т. А если все религии, будучи уравнены в правах, начнут драться между собою? Если католики, протестанты, греки, турки, иудеи вцепятся друг другу в волосы, выйдя из церкви, от проповеди, из мечети и из синагоги?

Г - н Ф р е р э. Тогда пусть полк драгун их разнимает.

Г р а ф. Я предпочел бы преподавать им уроки умеренности и воздержания, прежде чем посылать на них полки; я бы попытался просветить людей, прежде чем их наказывать.

А б б а т. Просветить людей? Что в говорите, граф? Неужели вы считаете их достойными этого?

Г р а ф. Я понимаю; вы всегда считаете, что их можно только обманывать; вы только наполовину вылечились, ваша старая болезнь все время дает себя чувствовать.

Г р а ф и н я. Кстати, я забыла спросить ваше мнение об одной вещи, которую я вчера прочла в истории этих добрых магометан и которая меня очень поразила. Когда Гассан, сын Али, * был однажды в бане, один из его рабов нечаянно вылил на его тело котел с кипятком. Слуги Гассана хотели посадить на кол виновного. Гассан же, вместо того, чтобы приказать посадить его на кол, дал ему двадцать золотых: «есть, — сказал он, — награда в раю для тех, кто платит за услугу, большая награда для тех, кто прощает зло и самая большая для тех, кто вознаграждает невольное зло». Как вы находите этот поступок и эту речь?

Г р а ф. Узнаю в этом поступке многих добрых мусульман первых веков.

А б б а т. А я — моих добрых христиан.

Г - н Ф р е р э. А мне очень обидно, что обожженный Гассан, * сын Али, дал двадцать золотых, чтобы получить награду в раю. Я совсем не люблю этих корыстных добрых дел. Я бы хотел, чтобы Гассан был настолько добродетелен и человечен, чтобы утешить отчаяние своего раба, не думая об утроенной награде в раю.

Г р а ф и н я. Пойдем пить кофе. Я полагаю, что если на всех обедах в Париже, Мадриде, Лиссабоне, Риме и Москве будут вестись такие же поучительные беседы, то мир кроме пользы ничего от этого не получит.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

А б б а т. Вот великолепный кофе, сударыня. Это чистейший мокка.

Г р а ф и н я. Да, он прибыл из страны мусульман; не правда ли как жаль?

А б б а т. Шутки в сторону, сударыня, людям нужна религия.

Г р а ф. Да, без сомнения; и бог дал им религию, божественную, вечную, запечатленную во всех сердцах; эта религия, которую по вашим словам исповедывали Енох, потомки Ноя и Авраам; эта религия, которую ученые китайцы сохраняют уже более четырех тысяч лет; это поклонение богу, любовь к справедливости и страх перед преступлением.

Г р а ф и н я. Возможно ли, что люди позабыли такую чистую и святую религию ради гнусных сект, наводнивших землю?

Г - н Ф р е р э. В отношении религии, сударыня, поведение наше было прямо противоположно тому, что было в отношении пищи, одежды и жилища. Мы начали с пещер, хижин, одежды из звериных шкур и жолудей. Потом мы приобрели хлеб, сытное кушанье, одежду из холста и крученого шелка, удобные и опрятные дома; но что касается религии, мы вернулись к жолудям, звериным шкурам и пещерам.

А б б а т. И вас довольно трудно извлечь оттуда. Вы видите, что, например, христианская религия повсюду слилась с государством. Каждый церковник от папы и до последнего капуцина основывает на ней свой трон или свою кухню. Я уже говорил вам, что люди нечестотно разумны, чтобы удовольствоваться чистой религией, достойной бога.

Г р а ф и н я. Вы этого не думаете; вы же сами признаете, что они придерживались этой чистой религии во времена вашего Еноха, вашего Ноя и вашего Авраама. Почему же они теперь менее разумны, чем были тогда?

А б б а т. Должен сказать откровенно: потому что тогда у них не было каноников с крупными доходами, ни аббата Корби, получающего сто тысяч экю ренты, ни Вюрцбургского епископа с миллионом, ни папы с шестнадцатью или восемнадцатью миллионами. Быть может человеческому обществу, чтобы вернуть себе свое достоинство, понадобились бы такие же кровопролитные войны, как и те, при помощи которых они были у него исторгнуты.

Г р а ф. Хотя я был военным, но не имею желаний воевать с попами и монахами; я не

хочу водворять истину при помощи убийства, как они водворяли заблуждения; но я бы все же хотел, чтобы эта истина хоть немного просветила людей, чтобы они стали добрее и счастливее, чтобы народ перестал быть суеверным, и чтобы главы церкви страшились быть притеснителями.

А б б а т. Весьма неразумно, если уж я должен, наконец, высказаться, снимать с безумцев цепи, которые они почитают. Парижская чернь побила бы вас камнями, если бы вы во время дождя запретили ей возить по улицам мнимый скелет святой Женевьевы, с целью вернуть хорошую погоду.

Г - н Ф р е р э. Я не верю тому, что вы говорите; разум сделал такие успехи, что уже больше десяти лет в Париже не возят этого мнимого скелета, равно, как и скелета Марсея. Я думаю, что очень легко постепенно вырвать с корнем все предрассудки, лишившие нас разума. Уже не верят больше в колдунов, уже не изгоняют бесов; и хотя было сказано, что ваш Иисус послал своих апостолов как раз для того, чтобы изгонять бесов,¹ между нами не найдется ни одного попа, настолько глупого или безумного, чтобы похвалиться, что он их изгоняет; мощи св. Франциска стали посмешищем, а мощи св. Игнатия будут, наверное, когда-нибудь волочить по грязи вместе с самими иезуитами. Правда, папе еще оставляют Феррарское герцогство, узурпированное им, владения захваченные мечом и ядом Цезаря Борджиа* и возвращенные римской церкви, хотя он вовсе

¹ Матфей, X, 7; Лука, IX, 1; Марк III, 15.

не для нее трудился. Самый Рим оставляют папе потому, что не хотят, чтобы им завладел император; ему еще продолжают платить подати, хотя это смешно и позорно, и очевидное торгашество; не хотят поднимать скандал из-за такой незначительной суммы. Люди, в силу привычки, не прекращают разом невыгодной сделки, заключенной около трех веков тому назад. Но если бы у папы хватило наглости посылать как прежде легатов а *latere* накладывать на народ десятину, отлучать от церкви королей, налагать интердикты на их государства и отдавать их короны другим, вы бы увидели, как приняли бы такого легата а *later* я даже надеюсь, что Парижский парламент приказал бы его повесить.

Граф. Вы видите, сколько позорных предрассудков мы с себя скинули. А теперь, бросьте взгляд на самую цветущую страну Швейцарию, на семь Соединенных провинций, ** не уступающих в могуществе Испании, на Великобританию, морские силы которой могут с успехом противостоять соединенным силам всех других наций; посмотрите на северную Германию, на Скандинавию, эти настоящие рассадники богатей; все эти народы далеко опередили нас в умственном развитии. Кровь из каждой головы гидры, отрубленной ими, удобряла их поля; уничтожение монашества наделило и обогатило их государства; разумеется во Франции можно сделать то же, что сделано там, и Франция станет богаче и населеннее.

Аббат. Ну, хорошо. Если бы вы стряхнули с Франции ржавчину монахов, если бы вы пе-

рестали платить римскому епископу позорные подати, если бы вы даже стали презирать единосущность троицы и происхождение духа святого от отца и от сына, не говоря уже о пресуществлении; если бы все эти таинства остались погребенными в «Сумме» св. Фомы * и надменные богословы принуждены были бы замолчать, вы все же были бы еще христианами; напрасно вы хотели бы уйти дальше, вам бы это никогда не удалось. Религия философов не пригодна для людей.

Г - н Ф р е р э. *Est quodam prodire temis, si non datur ultra,* ¹ скажу я вам вместе с Горацием: ваш врач никогда не даст вам кошачьего зрения, пусть же он хоть снимет бельма с ваших глаз. Мы стонем под тяжестью стопудовых цепей, разрешите, чтобы нас освободили хоть на три четверти. Название «христианина» уже принято нами, пусть оно остается; но мало по малу будут почитать бога без примеси, не навязывая ему ни матери, ни сына, ни мнимого отца, не будут говорить ему, что он умер позорной смертью, не будут верить, что из муки можно делать богов и, наконец, откажутся от множества суеверий, которые ставят просвещенные народы настолько ниже дикарей. Почитание чистого Верховного существа становится теперь религией всех честных людей и скоро дойдет до лучшей части простонародья.

А б б а т. А не боитесь вы, что неверие (которое страшно увеличивается, как я вижу), рас-

¹ Если не дано пройти далеко вперед, то хорошо продвинуться хоть немного.

пространившись в народе, окажется для него пагубным и приведет его к преступлениям?

Люди подвержены жестоким страстям и ужасным несчастьям; им нужна узда, которая бы их сдерживала, и обман, который бы утешал их.

Г - н Ф р е р э. Разумный культ справедливо-го божества, которое наказывает и награждает, обеспечит, конечно, счастье общества; но когда это спасительное представление о справедливом божестве извращается нелепыми выдумками и опасными суевериями, тогда лекарство становится ядом, и то, что должно удерживать от преступлений — поощряет их. Злодей, способный мало-мальски разумно рассуждать (а таких много), часто осмеливается отрицать бога, которого ему рисуют в таком возмутительном виде.

Другой злодей, имеющий сильные страсти и слабую душу, часто соблазняется на беззаконие, благодаря уверенности в прощении, которое ему обещают священники: «В какую бы бездну преступления ты ни погрузился, покайся только и ты будешь прощен, ради человека, распятого в Иудее несколько веков тому назад. Впадai после этого в новые грехи еще семью семьдесят семь раз, и снова все тебе будет прощено». Не есть ли это настоящее введение во искушение? Не значит ли это открывать все пути беззаконию?

Разве Ла Бренвилье * не каялась после каждого отравления, которое она совершала? А в более давнее время Людовик XI * не поступал ли совершенно таким же образом?

У древних, как и у нас, были покаяния и отпущения, но им не отпущалось вторичное преступление. Им не прощалось убийство двух своих родственников. Мы все взяли у греков и у римлян и все испортили.

Их ад был отвратителен, я признаю это; но наши черти глупее их фурий. Эти фурии сами не были осужденными, на них смотрели, как на исполнительниц божественной мести, а не как на жертвы. Быть одновременно палачами и жертвами, жечь других в вечном огне и гореть самим, как наши черти, это нелепое противоречие, достойное нас, тем более нелепое, что о падении ангелов, этой основе христианства, ничего не сказано ни в книге бытия, ни в евангелиях; эта древняя браманская легенда.

И наконец, сударь, ныне все смеются над вашим адом, потому что он смешон; но никто не стал бы смеяться над воздающим и наказывающим богом, от которого бы надеялись получить награду за добродетель и боялись заслужить кару за преступление, не зная какого рода будет эта кара и эта награда, но будучи уверенны, что она неминуема, ибо бог справедлив.

Граф. Мне кажется, что г-н Фрерэ недостаточно дал понять, насколько религия может служить спасительной уздой. Я хочу попробовать доказать, что чистая религия бесконечно утешительнее вашей. Вы говорите, что для благочестивых душ есть улада в иллюзиях; я этому верю; она есть также и в сумасшедших домах. Но зато какие мучения, когда душа просветится. В каких сомнениях, в каком отчаянии проводят свои печальные дни некото-

рые монахи. Вы были этому свидетелем и сами об этом рассказывали; монастыри — места покаяния, но особенно для мужчин монастырь — это возрождение душевного разлада и желаний; монахи — добровольные каторжники, которые дерутся в то время, как им приходится вместе грести на галере; за исключением небольшого числа тех, кто действительно кается или приносит пользу; но в самом деле, не для того же бог создал мужчину и женщину на земле, чтобы они влачили свою жизнь в кельях, навсегда разлученные друг с другом? Неужели такова цель природы? Все кричат против монахов, а я о них сожалею. Большая часть с самого детства навсегда пожертвовала своей свободой, по крайней мере восемьдесят из ста среди них сохнут в унынии. Так где же те великие утешения, которые религия дает человеку? Богатый монах, конечно, утешается, но деньгами, а не верой. Если он наслаждается некоторым счастьем, он получает его только нарушив законы своего звания. Он счастлив только как мирянин, но не как духовное лицо. Отец семейства, разумный, покорный богу, преданный родине, окруженный детьми и друзьями, получает от бога в тысячу раз более ощутительные благодеяния.

К тому же все, что мы могли бы сказать в защиту ваших монахов, я могу с гораздо большим правом сказать о дервишах, марабутах, факирах и бонзах. Все они каются во сто раз ревностнее. Они подвергают себя гораздо более ужасным страданиям; и эти железные цепи, под тяжестью которых они сгибаются,

эти руки, вечно вытянутые в одном положении, это ужасное умерщвление плоти еще ничего не значит в сравнении с молодыми индусками, сжигающими себя на кострах своих мужей в безумной надежде возродиться вместе с ними.

Так не хвалитесь же ни испытаниями, ни утешениями, даваемыми христианской религией.

Признайтесь вслух, что она ни в чем не может сравниться с разумным культом, который честное семейство воздает без суеверия Высшему существу. Оставьте ваши кельи и монастыри. Оставьте ваши противоречивые и бесполезные таинства, предмет всеобщей насмешки; проповедуйте бога и нравственность, и я ручаюсь вам, что на земле будет больше добродетели и больше счастья.

Графиня. Я совершенно того же мнения.
Г-н Фрерэ. И я также, разумеется.

Аббат. Ну, уж раз нужно открыть вам мой секрет, то и я также.

ПИСЬМА
АМАБЕДА

ПЕРЕВЕДЕННЫЕ
АББАТОМ ТАМПОНЕ

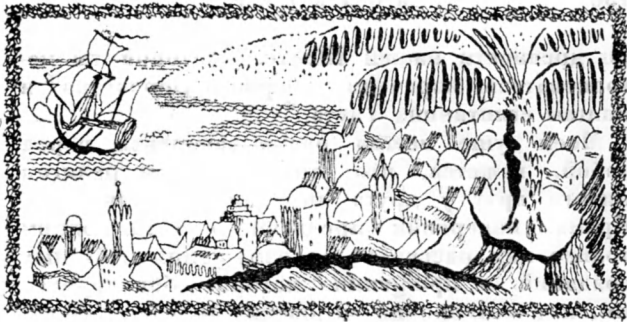
1 7 6 9

LES LETTRES D'AMABED,

traduites par l'abbé Tamponet

1 7 6 9

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

*От Амабеда к Шастасиду, великому браману
мадурейскому*

Бенарес, второго дня
месяца Мыши. В лето об-
новления мира 115 652. ¹

Свету души моей, отцу моих мыслей, тому кто ведет людей по путям предвечного бога, тебе, многоученый Шастасид, почтение и любовь!

Следуя твоим советам, я уже так основательно усвоил китайский язык, что читаю с пользою их. Книги, * равные, как мне кажется,

¹ Это число соответствует 1512 году нашей эры, два года после того, как Альфонс Альбукерк занял Гоа. Надо знать, что браманы считали 111100 лет со времени возмущения и падения ангелов и 4552 года со времени Шасты, их первой священной книги, что составляет 115652 года и соответствует нашему 1512 году, времени когда царствовали Бабар в Монголии, Измаил Софи в Персии, Селим в Турции, Максимилиан I в Германии, Людовик XII во Франции, Анна Безумная в Испании и Эммануил в Португалии.

(Примеч. Вольтера).

по древности нашей Шасте, * которой ты истолкователь, изречениям первого Зороастра * и книгам египтянина Таута. *

Моей душе, всегда раскрывающейся перед тобой, кажется, что эти писания и религии ничего друг у друга не заимствовали; ибо Брама, наперсник предвечного бога, одним только нам рассказал о возмущении небесных созданий, о прощении, которое бог даровал им, и о сотворении человека; другие, мне кажется, ничего не говорили об этих возвышенных предметах.

В особенности же я убежден, что ни мы, ни китайцы ничего не заимствовали у египтян. Эти последние могли образовать благоустроенное и просвещенное общество лишь гораздо позднее нас; прежде, чем обрабатывать поля и строить города, им надо было еще справиться с их Нилом.

Наша священная Шаста — я признаю это — существует только четыре тысячи пятьсот пятьдесят два года; но наши памятники доказывают, что учение это переходило от отца к сыну более ста веков до появления священной книги. Я ожидаю на этот счет твоих отеческих наставлений.

Со времени взятия португальцами Гоа в Бенаресе появилось несколько проповедников из Европы. Одному из них я даю уроки индийского языка, а он, взамен того, учит меня какому то наречию, которое употребляется в Европе и которое называют итальянским языком. Это забавный язык. Почти все слова оканчиваются на а, на о, на и, или на о; он

мне дается легко, и скоро я буду иметь удовольствие читать европейские книги.

Этот проповедник называется отец Фатутто; я его представил Красе Очей, прекрасной Ада-тее, которую твои и мои родные предназначили мне в супруги; она тоже учится со мной по итальянски. С первого же дня мы вместе спрягали глагол *люблю*. На все остальные глаголы нам понадобилось два дня. После нее из всех смертных ты всего ближе моему сердцу. Я прошу Бирму и Брамму, чтобы они продлили твои дни до ста тридцати лет, после которых жизнь уже становится в тягость.

Ответ Шастасида

Я получил твое письмо, дитя моего духа. Пусть Другга,¹ сидящая на драконе, постоянно простирает над тобой свои десять рук — побеждающих пороки.

Совершенно справедливо — и мы не должны этим тщеславиться, — что мы народ, ранее всех других просветившийся. Сами китайцы не отрицают этого. Египтяне народ совершенно новый, который сам учился у халдеев. Не будем же величаться тем, что мы всех древнее, а подумаем о том, чтобы быть всех праведнее.

Ты должен знать, милый мой Амабед, что очень недавно слабое подобие нашего откро-

¹ Другга — слово индийское и означает добродетель. Богиня эта изображается с десятью руками и верхом на драконе, чтобы побеждать пороки, которые суть: неумеренность, невоздержанность, кража, убийство, оскорбление, злословие, клевета, праздность, неповиновение отцу и матери и неблагодарность. Многие миссионеры принимали это изображение за дьявола.

вения о падении ангелов и обновлении мира дошло до западных народов. В одном арабском переводе некоей сирийской книги, написанной всего около тысячи четырехсот лет тому назад, я встретил следующие слова: «Господь... ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище, соблюдает в вечных узах под мраком, на суд великого дня». ¹ В доказательство автор приводит книгу, написанную одним из первых людей по имени Енохом. Из этого ты видишь, что варварские народы были освещены только слабым и обманчивым лучом, заблудившимся к ним из лона нашего света.

Сын мой, я смертельно боюсь вторжения европейских варваров в наши счастливые страны. Я слишком хорошо знаю, каков этот Альбукерк, * приплывший от берегов Запада в страну, любимую светилом дня. Это один из самых знаменитых разбойников, которые когда-либо опустошали землю. Он овладел Гоа; он утопил в крови справедливых и кротких людей. Эти западные жители живут в очень бедной стране, которая доставляет им лишь небольшое количество шелка, у них нет ни хлопчатой бумаги, ни сахара, ни пряностей. У них нет даже глины, из которой мы выделяем фарфор. Бог отказал им в кокосовом дереве, которое доставляет детям Брамь тень, жилище,

¹ Видно, что Шастасид читал Библию на арабском языке и имел при этом в виду послания святого апостола Иуды, где действительно находятся эти слова в 6 стихе. Апокрифическая книга, которая никогда не существовала, есть книга Еноха, упоминаемая Иудой в 14 стихе.
(Примеч. Вольтера).

одежду, пищу и питье. Они употребляют только напиток, от которого теряют рассудок. Их истинное божество — золото; в поисках за этим богом, они готовы отправиться на край света.

Я хотел бы верить, что твой проповедник — честный человек; но предвечный бог позволяет нам не доверять этим чужеземцам. Если они бараны в Бенаресе, то, по слухам, они становятся тиграми в странах, где утвердились европейцы.

Дай бог, чтобы прекрасная Адатея и ты никогда не имели причины жаловаться на отца Фа-тутто, но меня гнетет тайное предчувствие. Прощай! Желаю, чтобы Адатея, соединившись с тобой святым браком, испытала в твоих объятиях небесные радости.

Это письмо ты получишь через баниана, который отправится в путь только в полнолуние слона.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

От Амабеда к Шастасиду

Отец моих мыслей, я успел выучиться европейскому наречию прежде, чем твой купец баниан прибыл на берег Ганга. Отец Фа-тутто постоянно выказывает мне искреннее дружелюбие. В самом деле, я начинаю думать, что он совершенно не похож на тех вероломных людей, злобы которых ты справедливо опасешься. Недоверие мое могло бы возбудить лишь то обстоятельство, что меня он слишком часто хвалит, а Красу Очей никогда; но он мне кажется исполненным добродетели и благоче-

стия. Мы прочитали книгу его страны, которая мне показалась очень странною. Это всеобщая история целого мира,* в которой не упоминается ни о нашем древнем государстве, ни о громадных странах по ту сторону Ганга, ни о Китае, ни об обширной Татарии. Должно быть авторы в этой части Европы очень невежественны. Я сравниваю их с поселянами, которые с напыщенностью рассказывают о своих хижинах и не знают, где находится столица; или, еще лучше, с теми, которые полагают, что мир кончается на границах их горизонта.

Особенно удивило меня, что они считают время от сотворения их мира совершенно иначе, чем мы. Мой европейский грамотей показал мне один из священных календарей, по которому у его соотечественников теперь 5552 год от их сотворения, или 6244, или 6940, смотря по их желанию.¹ Эта странность меня крайне удивила. Я его спросил, каким образом можно считать три различных даты одного и того же события. «Ведь ты не можешь иметь, — сказал я ему, — зараз тридцать, сорок и пятьдесят лет. Каким же образом твой мир может иметь три возраста, которые противоречат один другому?»

Он мне ответил, что эти три числа находятся в одной и той же книге и что они обязаны верить противоречиям, дабы смирать гордыню ума.

В той же книге рассказывается о каком то первом человеке, который назывался Адамом,

¹ Это—различие текста еврейского, самаритянского и перевода 70 толковников.

а Каине, Мафусаиле, Ное, который насадил виноградники после того, как океан затопил весь земной шар, и наконец, о бесчисленном множестве вещей, о которых я никогда не слышал и не читал ни в одной из наших книг. Адатея и я здорово смеялись над всем этим в отсутствие отца Фа-тутто; ибо мы слишком хорошо воспитаны и слишком проникнуты твоими правилами, чтобы смеяться над людьми в их присутствии.

Я жалею несчастных европейцев, которые сотворены не более как шесть тысяч девятьсот сорок лет тому назад, между тем как наша эра насчитывает сто пятнадцать тысяч шестьсот пятьдесят два года; еще более жалею я их потому, что у них нет перцу, корицы, гвоздики, чаю, кофе, сахару, шелку, хлопчатой бумаги, лаку, ладану, ароматов и ничего такого, что может сделать жизнь приятней; должно быть провидение давно позабыло их; но всего более жалею я их за то, что они пришли к нам издалека, пренебрегая столькими опасностями, с оружием в руках похищать наши запасы. Говорят, что в Калькутте из-за перцу они совершили страшные жестокости: это заставляет содрогаться индийскую природу, которая совершенно не схожа с их природой; ибо их грудь и бедра покрыты волосами, они носят длинные бороды; желудки их плотоядны; они напиваются до пьяна перебродившим соком винограда, насаженного, как они говорят, Ноем. Даже сам отец Фа-тутто, несмотря на свою благовоспитанность, зарезал двух цыплят, и сварив их в котле, безжалостно съел. Этот варвар-

ский поступок навлек на него ненависть всех соседей, которых мы с трудом могли успокоить. Прости нас бог! Мне кажется, что этот чужеземец был бы способен съесть даже наших священных коров, которые дают нам молоко, если бы только это ему позволили. Впрочем, он дал слово, что не будет более умерщвлять цыплят и удовольствуется свежими яйцами, молочными продуктами, рисом, нашими прекрасными овощами, фисташками, финиками, кокосами, миндальными пирогами, сухарями, ананасами, апельсинами и всем, что доставляет наша благословенная богом страна.

С некоторых пор он стал гораздо внимательнее к Красе Очей. Он написал даже для нее два итальянских стиха, которые оканчиваются на о. Эта вежливость мне очень нравится, ибо ты знаешь, что мне приятно, когда отдают справедливость моей дорогой Адате.

Прощай! Припадаю к твоим стопам, которые всегда вели тебя по пути добродетели, и целую твои руки, которые не писали ничего, кроме правды.

Ответ Шастасида.

Мой милый сын во Бrame и в Бирме. Мне крайне не нравится твой отец Фа-тутто, который убивает цыплят и пишет стихи для милой Адатеи. Пусть Бирма сделает мои подозрения напрасными.

Я могу тебе поклясться, что ни в одной части света никогда не знали ни Адама, ни Ноя, несмотря на всю их новизну. Даже Греция, которая во время похода Александра в наши

страны была сборным местом всех басен, и та никогда не слыхала об этих именах. Я не удивляюсь, что любители вина, подобные жителям Запада, так уважают человека, который по их мнению насадил виноград, но будь уверен, что все известные древние народы не знали Ноя.

Правда, что во времена Александра в одной части Финикии жил народ маклеров и ростовщиков, долгое время находившийся в рабстве у Вавилона. Во время своего пленения он выдумал себе историю и только в этой истории и говорится о Ное. После, когда этот народец выпросил себе привилегии в Александрии, он перевел свои летописи на греческий язык; потом они были переведены на арабский, и лишь в последние времена наши ученые получили о них некоторое понятие. Но они презирают эту историю, так же как жалкую орду, которая написала ее.

В самом деле, было бы забавно, если бы все люди, которые между собою братья, потеряли свои фамильные бумаги, и если бы эти последние отыскились в маленькой ветви их семейства, состоящей из ростовщиков и прокаженных. ¹ Я боюсь, милый друг, что сограждане твоего отца Фа-тутто, которые, как ты мне объявил, приняли эти идеи, столь же безумны и смешны, сколь корыстны, вероломны и жестоки.

Женись как можно скорее на прелестной Адатее, ибо, повторяю еще раз, я более боюсь отцов Фа-тутто, чем всех Ноев.

¹ Видно, что Шастасид говорит здесь, как браман, не просвещенный верою и лишенный благодати.

(Примеч. Вольтера).

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

От Амабеда к Шастасиду

Да будет во веки благословен Бирма, сотворивший мужчину для женщины. Будь благословен и ты, дорогой Шастасид, принимающий столько участия в моем блаженстве. Краса Очей принадлежит мне: я обвенчался; я не чувствую под собой земли и воображаю себя на небе; только тебя не доставало на этой божественной церемонии. Доктор Фа-тутто был свидетелем наших священных обетов и, хотя он не нашего исповедания, охотно слушал наши пснопения и молитвы; на брачном пире он был очень весел. Я предаюсь блаженству. Ты наслаждаешься другим счастьем: ты обладаешь мудростью; но несравненная Ададея владеет мною. Живи долго счастливым без страстей, между тем, как моя страсть погружает меня в море сладострастия. Я ничего не могу более сказать тебе об этом: я снова лечу в объятия Адаеи.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

От Амабеда к Шастасиду

Милый друг, милый отец мой! Нежная Ададея и я едем, чтобы испросить твое благословение. Наше блаженство было бы несовершенно, если бы мы не исполнили этого долга наших сердец; не можешь ли себе представить, мы проедем через Гоа в обществе именитого купца Курсума и его жены. Фа-тутто говорит, что Гоа сделался самым прекрасным городом Индии; что великий Альбукерк примет нас, как послан-

ников, и даст нам корабль о трех парусах, который отвезет нас в Мадурею. Он уговорил мою жену, и, так как она пожелала путешествовать, то пожелал и я. Фа-тутто уверяет, что в Гоа больше говорят по-итальянски, чем по-португальски. Краса Очей горит желанием поупражняться в языке, которому она только что научилась, я разделяю ее желания. Говорят, что были люди, у которых было две воли; но мы с Адатеей имеем только одну волю, потому что у нас только одна душа. Коротко говоря, мы выезжаем завтра, в сладкой надежде, что ранее, чем через два месяца мы прольем в твоих объятиях слезы любви и радости.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

От Адатеи к Шастасиду

Гоа, пятого числа месяца Тигра, в лето от обновления мира 115652.

Бирма, услышь мои крики, посмотри на мои слезы, спаси моего дорогого супруга. Брама, сын Бирмы, отнеси к твоему отцу мою печаль и мои опасения. Великодушный Шастасид, ты мудрее нас, ты провидел наши несчастья. Мой дорогой Амабед, твой ученик, мой нежный супруг уже не напишет тебе: он в могиле, которую варвары называют т е м н и ц е й. Неизвестные мне люди (их называет здесь *inquisitori*, я не знаю, что значит это слово) на другой день после нашего приезда схватили моего мужа и меня, и бросили нас в отдельные ямы, как если бы мы уже умерли; но если бы

мы даже и умерли, то нас следовало бы, по крайней мере, похоронить вместе. Я не знаю, что они сделали с моим милым Амабедом. Я сказала этим людоедам: «Где Амабед? Не убивайте его, а убейте меня!» Они мне ничего не ответили. «Где он? Зачем вы меня разлучили с ним?». Они молчали и заковали меня в цепи. Час тому назад я получила немного более свободы: купец Курсум нашел средство доставить мне бумагу, кисть и чернила. Слезы мои смачивают бумагу, руки мои трясутся, в глазах темнеет, я умираю.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

От Адагеи к Шастасиду

Божественный Шастасид, вчера я долго пролежала в беспамятстве; я не могла окончить моего письма; когда я пришла в чувство, я его сложила и спрятала на груди, которой не суждено кормить детей от Амабеда; я умру раньше, чем Бирма дарует мне потомство.

Сегодня утром, на рассвете, вошли в мою могилу два призрака, вооруженные алебардами с четками на шее и с четырьмя красными крестообразными полосами на груди. Они взяли меня за руки и безмолвно привели в комнату, все убранство которой состояло из большого стола, пяти стульев и картины, изображавшей совсем нагого человека, с распростертыми руками и сложенными ногами.

Вскоре вошли пять человек в черных рясах с надетыми поверх них рубашками, с двумя длинными перевязями из пестрой материи, ви-

севшими сверх рубашек. От страха я упала на землю. Но каково было мое удивление, когда между этими пятью призраками я увидела отца Фа-тутто. Я его узнала; он покраснел; но посмотрел на меня с кротостью и сожалением, что меня на минуту успокоило.

— Ах, отец Фа-тутто, — сказал я, — где я? Что сделали вы с Амабедом? В какую бездну вы меня бросили? Говорят, что есть народы, питающиеся человеческой кровью. Неужели нас убьют и съедят?

Он мне ничего не ответил, но только поднял глаза и руки к небу с выражением такой любви и печали, что я не знала, что подумать.

Председатель этого совета немых развязал, наконец, свой язык и обратился ко мне с речью; он сказал мне:

— Правда ли, что вы были окрещены?

Но мое изумление и горе были так велики, что сначала я ничего не могла ответить. Он повторил тот же вопрос грозным голосом. Кровь во мне застыла, и язык прилип к небу. Он повторил те же слова в третий раз и, наконец, я сказала: — Да, — потому что никогда не следует лгать. Я была окрещена в Ганге, как и все верные дети Браммы; как и ты, божественный Шастасид, как и мой милый, несчастный Амабед. Да, я крещена; и это мое утешение, это моя слава; и я призналась в этом перед лицом этих призраков.

Едва произнесла я слово «да», символ истины, как один из черно-белых призраков воскликнул: *Apostata!*¹ Другие повторили за ним:

¹ Отступница.

Apostata! Я не знаю, что это слово значит, но они произнесли его таким погребальным и страшным голосом, что судороги сводят мои три пальца, которые пишут тебе.

Тогда стал говорить отец Фа-гутто, и по-прежнему ласково глядя на меня, уверил их, что в сущности у меня добрые чувства, что он ручается за меня, что благодать снизойдет на меня, что он берет на себя заботу о моей совести и, наконец, окончил свою речь, из которой я ничего не поняла, словами: *Io la convertego*; что по-итальянски, сколько я могу понять, означает: «Я ее возвращаю».

— Как это он меня возвратит? — думала я про себя. — Что он хочет этим сказать? Уж не хочет ли он возвратить меня на родину?.. Ах, отец Фа-гутто, — сказала я ему, — возвратите же и молодого Амабеда, моего милого супруга, отдайте мне мою душу, отдайте мне мою жизнь.

Тогда он опустил глаза и, удалившись вместе с четырьмя призраками в угол комнаты, стал тихо совещаться с ними; затем они ушли с двумя алебардщиками. Все низко склонились перед картиной, изображающей нагого человека, а отец Фа-гутто остался со мной наедине.

Он отвел меня в довольно опрятную горницу и обещал мне, что если я последую его советам, то не буду брошена в яму.

— Меня столь же огорчает все происшедшее, как и вас самих. Я противился этому, сколько мог, но наши святые законы связывали мне руки. Наконец, благодаря небу и мне, вы теперь свободны и у вас хорошая комната, из

которой вы не можете выйти. Я часто буду навещать и утешать вас; я буду заботиться о вашем настоящем и будущем блаженстве.

— Ах, — сказала я ему, — только один Амабед мог бы доставить мне это блаженство, а он в яме. Почему он погребен там? Почему я сама была недавно туда брошена? Кто эти чудовища, которые спрашивали меня, купалась ли я или нет? Куда вы меня привели? Не обманули ли вы меня? Не вы ли причина этих страшных жестокостей? Ах, позовите ко мне купца Курсума, который мой земляк и честный человек. Отдайте мне мою служанку, мою милую подругу Деру, с которой меня разлучили. Уж не в темнице ли она также за то, что купалась? Пускай она придет, и дайте мне вновь увидеть моего Амабеда или умереть.

На мои слова и на рыдания, прерывавшие их, он отвечал уверениями в своей преданности и усердии, которые меня тронули. Он обещал рассказать о причинах всего этого ужасного приключения и испросить, чтобы мне отдали мою бедную Деру, в ожидании того, пока ему удастся освободить моего мужа. Он сожалел обо мне; я видела даже, что глаза его несколько увлажнились. Наконец, раздался звон колокола, и он вышел из комнаты, взяв на прощанье мою руку и прижав ее к своему сердцу. Как ты знаешь, это видимый знак искренности, которая невидима. Так как он прижал мою руку к своему сердцу, то он меня не обманет. Да и зачем ему обманывать меня? Что я ему сделала, чтобы заслужить его преследование? Мы с мужем хорошо обращались с ним в Бена-

ресе. Я сделала ему столько подарков, когда он учил меня итальянскому языку. Он писал мне итальянские стихи: он не может меня ненавидеть. Я буду считать его своим благодетелем, если он возвратит мне моего мужа и даст нам возможность уйти из этой земли, завоеванной и населенной людоедами, чтобы в Мадуре обнять твои колена и получить твое святое благословение.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

От Адагеи к Шастасиду

Великодушный Шастасид, ты, без сомнения, позволишь мне прислать тебе дневник моего неслыханного злополучия; ты любишь Амабеда, ты тронут моими слезами; ты с участием читаешь в моем растерзанном сердце, которое доверяет тебе свое безутешное горе.

Мне отдали мою подругу Деру, и мы плачем вместе. Изверги сначала бросили ее в яму, как и меня. Мы не имеем никаких вестей об Амабед. Мы находимся в одном доме, но между нами бесконечное пространство, непроницаемый хаос. Но вот вещи, которые заставят содрогнуться твою добродетель и растерзают твою праведную душу.

Моя бедная Дера узнала от одного из двух приспешников, которые постоянно предшествуют пяти людоедам, что у этого народа такое же крещение, как и у нас, хотя я не знаю, каким образом проникли к ним священные обряды. Они предположили, что мы крещены по обрядам их секты. Они так невежественны, что

не понимают, что крещение перешло к ним от нас очень недавно. Эти варвары вообразили, что мы принадлежали к их секте и что мы от нее отпали. Вот что означало слово *apostata*, которое людоеды произнесли при мне с такой жестокостью. Они говорят, что исповедывать какую-либо другую религию страшное преступление, заслуживающее жестокой кары. Когда Фа-тутто говорил им: *Io la converterò*, «я ее возвращу», то предполагал, что он снова возвратит меня к религии разбойников. Я ничего не понимаю из этого; облако покрывает мой ум и мои глаза. Может быть отчаяние смущает мой разум, но я не могу понять, каким образом Фа-тутто, который хорошо меня знает, мог сказать, что он возвратит меня религии, которой я никогда не исповедывала, и которая так же неизвестна в наших странах, как неизвестны были португальцы, когда они в первый раз приплыли в Индию сражаться за перец. Мы с доброй Дерой теряемся в догадках. Она подозревает отца Фа-тутто в каких-то тайных умыслах; но, да сохранит меня Бирма от такого поспешного суждения.

Я хотела писать великому разбойнику Альбукерку, чтобы прибегнуть к его правосудию и просить у него освобождения моего мужа, но мне сказали, что он уехал с целью напасть врасплох на Бомбей и разграбить его. Как? Они приплыли из такой дали для того только, чтобы опустошать наши жилища и убивать нас самих, а между тем эти изверги получили такое же крещение, как и мы! Однако, говорят, что этот Альбукерк совершил много славных под-

вигов. Я уповаю теперь на существо существ, которому принадлежит право наказывать преступников и защищать невинных. Но сегодня утром я видела во сне тигра, раздиравшего двух ягнят. Я боюсь, что я еще не так дорога существу существ, чтобы оно удостоило меня своей помощи.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

От Адатеи к Шастасиду

Он только что вышел из моей комнаты, этот отец Фа-гутто. Какое свидание! Какая смесь вероломства, страстей и мерзостей! Сколько гнусностей может заключать в себе человеческое сердце! Как мне писать о них праведнику?

Входя, он дрожал, глаза его были опущены. Я дрожала еще сильнее. Вскоре он успокоился.

— Я не знаю, — сказал он мне, — удастся ли мне спасти вашего мужа. Здешные судьи иногда еще чувствуют сострадание к молодым женщинам, но к мужчинам они чрезвычайно строги.

— Неужели жизнь моего мужа в опасности? — вскричала я и упала в обморок.

Он стал искать каких-нибудь духов, чтобы привести меня в чувство, но их не было. Тогда он послал мою милую Деру на другой конец улицы, чтобы купить их у баниана, а сам между тем расшнуровал меня, чтобы облегчить мое дыхание. Придя в чувство, я крайне удивилась, заметив, что руки его на моей груди, а его губы прижаты к моим губам. Я громко вскрик-

нуда и в ужасе отскочила от него. Он сказал мне:

— Правила человеколюбия требовали, чтобы я позаботился о вас; я не мог не освободить вашей груди и не удостовериться в вашем дыхании.

— Ах, позаботьтесь лучше о дыхании моего мужа. Неужели он до сих пор еще в этой страшной яме?

— Нет, — ответил он мне, — с большим трудом я добился наконец, чтобы его перевели в более удобную темницу.

— Но, еще раз, какое преступление мы с ним совершили? Что за причина этого страшного бесчеловечия? Зачем нарушать в отношении нас законы гостеприимства, международное право и требования природы?

— Этих маленьких строгостей требует от нас наша святая религия. Вы и муж ваш обвиняетесь в том, что отреклись от нашего святого крещения.

Тогда я воскликнула:

— Что вы хотите этим сказать? Мы никогда не были крещены по вашему способу. Нас крестили в Ганге во имя Браммы. Вы, что ли, уверили в этой гнусной клевете, этих извергов, которые меня допрашивали? Какова могла быть ваша цель?

Он решительно отвергнул это предположение и стал говорить мне о добродетели и милосердии; на минуту даже почти рассеял мои подозрения, уверяя меня, что эти изверги — честные люди, служители бога и судьи души, которые повсюду имеют святых шпионов,

в особенности же при иностранцах, которые приезжают в Гоа.

— Эти шпионы, — говорил он, — поклялись своим собратьям, судьям души, перед изображением нагого человека, что меня с Амабедом крестили по обычаям португальских разбойников и что Амабед *apostato* и я *apostata*.

О, добродетельный Шастасид, то, что я слышу, что я вижу по временам, заставляет меня содрогаться от ужаса с головы до ног.

— Как, — сказала я отцу Фа-тутто, — вы один из пяти служителей бога, один из судей души?

— Да, моя дорогая Адатея, да, Краса Очей, я один из пяти доминиканцев, уполномоченных вице-богом самовластно распоряжаться душами и телами.

— Что такое доминиканец? Что такое вице-бог?

— Доминиканец это священник, дитя святого Доминика, инквизитор по делам веры; а вселенский вице-бог это священник, которого бог избрал своим представителем, для получения десяти миллионов рупий годового дохода и рассылки по всей земле доминиканцев, наместников наместника божия.

Надеюсь, великий Шастасид, что ты объяснишь мне эту адскую чепуху, эту непостижимую смесь глупости и мерзости, лицемерия и варварства.

Фа-тутто говорил мне все это с видом такого сердечного сокрушения и таким задушевым голосом, который в другое время не мог бы не подействовать на мою простую и невежествен-

ную душу. Он то поднимал глаза к небу, то останавливал их на мне: они были полны одушевления и участия; но это участие заставляло меня содрогаться от ужаса и смятения. Амабед у меня постоянно на языке, так же, как и на сердце. «Отдайте мне моего дорогого Амабеда!» Это было началом, серединой и концом всех моих речей.

В эту минуту пришла моя добрая Дера и принесла мне коричной и инбирной воды. Это милое создание нашло средство передать мои три предшествующие письма купцу Курсуму. В эту ночь Курсум уезжает; через несколько дней он будет в Мадуре. Великий Шастасид пожалеет обо мне; он прольет слезы об участи моего мужа, он мне даст советы; луч его мудрости проникнет в ночь моей могилы.

ОТВЕТ

Брамана Шастасида на три предшествующие письма Адатеи

Добродетельная и несчастная Адатея, супруга моего милого ученика Амабеда! Краса Очей! Мои глаза пролили потоки слез над твоими тремя письмами. Какой демон, враг природы, из глубины европейского мрака выпустил на нас этих извергов, которым Индия досталась в добычу? Нежная супруга моего дорогого ученика, неужели ты не видишь, что отец Фа-гутто злодей, который заставил тебя попасться в ловушку? Неужели ты не видишь, что он один бросил твоего мужа в яму, точно так же, как и тебя, для того, чтобы ты была ему обязана за то, что он тебя из нее вывел? Чего

только не в силах он потребовать от твоей благодарности. Ах, я трепещу вместе с тобой; я дал знать об этом нарушении международного права всем служителям Браммы, всем овра, всем раджам, набабам и самому великому индийскому императору, высокому Бабару, царю царей, двоюродному брату солнца и луны, сыну Мирзы Мохаммеда, сыну Абххаида, сыну Мираха, сыну Тимура, чтобы он положил, наконец, предел грабительствам европейских боров. Какая глубина злодейства! Жрецы Тимура, Чингис-хана, Александра, Огус-хана, Сесака, Бахуса, которые по очереди приходили покорять наши священные, мирные страны, никогда не позволяли себе таких лицемерных мерзостей; напротив того, Александр повсюду оставил по себе вечные памятники своего великодушия. Бахус творил одно только добро; это был любимец неба; ночью огненный столб указывал путь его войску, а днем ему предшествовала туча; ¹ он сухими ногами перешел через

¹ Не подлежит никакому сомнению, что мифы о Бахусе были широко распространены в Аравии и Греции задолго до того, как обитающие там народы удосижились узнать, имеют ли евреи какую нибудь историю или нет. Иосиф Флавий даже утверждает, что евреи всегда хранили свои книги втайне от соседей. Бахус был почитаем в Египте, в Аравии и в Греции задолго до того, как имя Моисея проникло в эти страны. Древние орфические стихи называют Бахуса *Musa* или *Mosa*. Он был воспитан на горе Ниса, которая есть ни что иное, как гора Синай; он бежал к Красному морю, собрал там войско и перешел с ним это море по суху. Он остановил солнце и луну; собака сопровождала его во всех скитаниях, и имя Калев—так звали одного из еврейских завоевателей—означает *собака*.

Черное море; он приказывал солнцу и луне останавливаться, когда это было нужно; два божественных луча исходили из его чела; ангел-истребитель стоял возле него; но он нашел дело для одного только ангела радости. Ваш Альбукерк, напротив, пришел с одними только монахами, плутами, купцами и убийцами. Праведный Курсум тоже рассказал мне о вашем несчастье. Дай бог, чтобы я мог прежде моей смерти спасти вас обоих, или отомстить за вас. Да освободит вас из рук монаха Фа-тутто вечный Бирма. Мое сердце обливается кровью от ран вашего сердца.

(P.S. Это письмо дошло до Красы Очей уже спустя долгое время после того, как она уехала из Гоа.)

ПИСЬМО ПЯТОЕ

От Адатеи к великому браману Шастасиду

Какие слова осмелюсь я употребить, чтобы изобразить тебе мое новое несчастье? Как будет скромность рассказывать о стыде? Бирма видел преступление и допустил его. Что будет со мной? Могила, в которую я была зарыта, менее ужасна, чем мое положение.

Отец Фа-тутто вошел сегодня утром в мою

Ученые много спорили и никак не могли договориться о том, Моисей ли предшествовал Бахусу или Бахус Моисею. Оба они были великие люди, но Моисей, ударив скалу своей тростью, извлек из нее воду, тогда как Бахус, ударив по земле тирсом, заставил политься вином. Поэтому все застольные песни прославляют Бахуса и не существует, быть может, даже двух песен во славу Моисея.

(Примеч. Вольтера).

комнату весь благоухающий духами и одетый в легкий шелковый подрясник. Я лежала в постели. «Победа, — сказал он мне, — приказ об освобождении вашего мужа подписан». При этих словах мною овладела восторженная радость, и я назвала его моим благодетелем, моим отцом; тогда он наклонился ко мне и поцеловал меня. Сначала я думала, что это невинная ласка, искреннее свидетельство его расположения ко мне; но в ту самую минуту, сдернув с меня одеяло и распахнув свой подрясник, он бросился на меня, как хищная птица на голубя, сдавил меня тяжестью своего тела, своими сильными руками лишил всякого движения мои слабые руки и остановил на моих губах мои жалобные стоны своими преступными поцелуями, разъяренный, непобедимый, неутолимый... Какая минута! Ах, зачем я не умерла!

Дера, почти нагая, прибежала ко мне на помощь; но тогда уже ничто более не могло спасти меня, как только удар грома... О, провидение Бирмы!.. Гром не грянул, и отвратительный Фа-тутто влил в мою душу жгучую росу своего преступления. Нет, сама Другха своими божественными руками не могла бы остановить этого неукротимого Мозазора.¹

Моя милая Дера тащила его изо-всех сил, но представьте себе воробья, который бы клевал

¹ Мозазор—один из главных непокорных ангелов, которые сражались против предвечного бога, как это рассказывает Авторашаста, самая древняя книга бра-мнов; отсюда вероятно происходит война титанов. Все позднейшие басни, придуманные по этому образу.

(Примеч. Вольтера).

коршуна, разъярившегося на горлицу; это будет подобие отца Фа-тутто, Деры и бедной Адатеи.

Чтобы отомстить Дере за ее докучливость, он схватил ее самое и повалил ее одной рукой, держа меня в это время другой, и обошелся с ней подобно тому, как он расправился со мной, без милосердия; потом он гордо вышел, как хозяин, который наказал двух рабынь, и сказал нам: «Знайте, что я обеих вас буду наказывать, когда вы будете непокорны».

Четверть часа мы стояли с Дерой, не смея выговорить ни слова, не смея даже взглянуть друг на друга. Наконец, Дера воскликнула: «Ах, моя милая госпожа, какой человек! Неужели все люди его породы так жестоки, как и он?»

Что касается до меня, то я думала только о несчастном Амабеде. Мне обещали отдать его и не отдают. Умертвить себя значило покинуть его; и потому я не убила себя.

В продолжение дня я питалась одним только своим горем. В назначенный час нам не принесли пищи. Дера удивлялась этому и жаловалась. Мне же казалось, что очень стыдно есть после того, что с нами случилось; а между тем нам страшно хотелось есть, и так как ничего не принесли, то мы изнемогали от голода точно так же, как прежде от горя.

Наконец, к вечеру, нам подали пирог с молодыми голубями, пулярду и двух куропаток с одним только маленьким хлебцем и, к довершению оскорбления, бутылку вина без воды. Это самая обидная шутка, какую могли только

сыграть с двумя женщинами после всего, что мы претерпели; но что делать? Я опустилась на колени: «О, Бирма! О, Вишну! О, Брама! Вы знаете, что душа не оскверняется тем, что входит в тело; если вы мне дали душу, то не ставьте ей в вину гибельную необходимость тела не ограничиваться одними только овощами; я знаю, какой страшный грех есть цыплят; но нас насильно вовлекают в него. Да падут все эти преступления на голову отца Фатутто. Пусть превратится он после смерти в молодую несчастную индуску, а я в доминиканца, чтобы я могла возместить ему все зло, которое он мне причинил, и поступить с ним еще безжалостнее, чем он поступил со мной». Не оскорбляйся и прости меня, добродетельный Шастасид. Мы сели за стол: как тяжело испытывать удовольствия, за которые себя укоряешь.

Р. S. Тотчас после обеда я пишу к правителю Гоа, которого называют коррехидором. Я прошу его освободить Амабеда и меня и извещаю его о преступлениях отца Фатутто. Моя милая Дера говорит, что она доставит ему мое письмо при посредстве одного альгвазила, состоящего на службе у инквизиторов по делам веры, который приходит иногда навещать ее в мою переносную и который питает к ней большое уважение. К чему-то приведет этот смелый поступок?

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

От Адаген

Поверишь ли ты, мудрый наставник людей? В Гоа есть справедливые люди, и дон-Херо-

нимо, коррехидор, — один из них. Он был тронут нашим несчастьем. Несправедливость возмущает его, преступление вызывает его гнев. Он отправился вместе с судьями в тюрьму, в которой мы заключены. Я узнала, что этот вертеп называется дворцом святого судилища, но ты, без сомнения, удивишься, что его не впустили. Пять призраков, сопровождаемые своими алебардщиками, подошли к двери и сказали судьям: «Именем бога вы не войдете!» «Мы войдем именем короля, — отвечал коррехидер, — это королевское дело». «Это священное дело», — отвечали стражи. Праведный дон-Херонимо сказал: «Я должен допросить Амабеда, Адатею, Деру и отца Фа-гутто». «Допрашивать инквизитора, доминиканца! — воскликнул начальник призраков, — это святотатство; scottunícao, scottunícao!»¹

Говорят, что это ужасные слова, и что человек, над которым они произнесены, обыкновенно умирает по прошествии трех дней.

Обе партии разгорячились и были готовы вступить в драку; наконец, они предали это дело на решение Гоаскому обиспо. Между варварами *обиспо* почти то же самое, что ты у детей Брамь, это правитель их религии, он ходит в фиолетовой одежде и носит на руках фиолетовые башмаки; * во дни церемоний у него на голове бывает расколота надвое голова сахара. Этот человек решил, что обе партии одинаково неправы, и что один только их вице-бог может судить отца Фа-гутто. Было ре-

¹ Оглучаю! Отлучаю!

шено, что его отправят к его божественности вместе с Амабедом, со мной и с моей верной Дерой.

Я не знаю, где живет этот вице-бог, в соседстве ли с Далай-ламой, или в Персии; но нужды нет, я увижу Амабеда, а с ним я готова отправиться на край света, на небе и в ад. В эту минуту я забываю об яме, и о темнице, и о насилии Фа-тутто, и об его куропатках, которых я имела низость есть, и об его вине, которое я имела слабость пить.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

От Адагеи

Я опять увидела моего милого супруга; мне его возвратили, я держала его в своих объятиях, он изгладил пятно преступления, которым меня обесчестил отвратительный Фа-тутто: подобно святой воде Ганга, которая смывает все пятна души, он дал мне новую жизнь. Одна только бедная Дера осталась по сие время обещенной; но твои молитвы и благословения опять возвратят ей ее непорочность во всем блеске.

Завтра нас отправят на корабль, который отплывает в Лиссабон; это родина гордого Альбукерка; там, конечно, живет этот вице-бог, который должен рассудить нас с Фа-тутто; если он действительно вице-бог, как все здесь уверяют, то, конечно, он осудит Фа-тутто. Это утешение невелико, но я гораздо менее добиваюсь наказания этого ужасного преступника, чем счастья моего милого Амабеда.

Такова судьба слабых смертных, этих листьев, которые носит ветер. Мы с Амабедом родились на берегах Ганга; нас везут в Португалию. Мы родились свободными, а между тем нас будут судить в неизвестной нам стране. Увидим ли мы опять нашу родину? Удастся ли нам совершить благочестивое путешествие к твоей священной особе, о чем мы помышляем?

Но как будем мы с моей милой Дерой сидеть на одном корабле с Фа-тутто? Эта мысль меня пугает. К счастью со мной будет мой мужественный супруг, который защитит меня; но что будет с Дерой, у которой нет мужа? Нам остается только уповать на одно провидение.

С этих пор тебе будет писать Амабед; он будет вести дневник наших судеб; он опишет тебе новую землю и новое небо, которое мы вскоре увидим. Да сохрани Брами твою бритую голову и божественный разум, который он поместил в твоём мозгу.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

От Амабеда к Шастасиду после заключения

Я еще жив. Я еще могу писать тебе, божественный Шастасид. Я все узнал, и ты также все знаешь. Краса Очей невинна; она не могла быть виновной: добродетель в сердце, а не в другом месте. Этот носорог Фа-тутто, который пришел к своей шкуре шкуру лисицы, смело утверждает, что он окрестил Адатею и меня в Бенаресе по европейскому способу и что я вероотступник и Краса Очей вероотступница.

Он клянется нагим человеком, что его несправедливо обвиняют, будто он изнасиловал мою милую супругу и ее юную Деру. Краса Очей и кроткая Дера, со своей стороны клянутся, что были изнасилованы. Европейские умы никак не могут проникнуть в эту непроницаемую тьму; они все говорят, что один только вице-бог в состоянии что-нибудь понять во всем этом деле, ибо он непогрешим.

Коррехидор дон Херонимо отправляет нас всех завтра, и мы должны будем предстать перед судом этого необыкновенного существа, которое никогда не ошибается. Этот великий судья варваров живет не в Лиссабоне, а гораздо дальше, в великолепном городе, который зовется Румом. Это название совершенно неизвестное нашим индусам. Вот страшное путешествие. Чему только не подвергаются дети Браммы в этой короткой жизни.

Вместе с нами отправляются европейские купцы, певицы, два старые офицера из войск португальского короля, которые нажили в нашей стране много денег, жрецы вице-бога и несколько солдат.

Какое счастье, что мы выучились итальянскому языку, который у этих людей во всеобщем употреблении; ибо португальского наречия мы бы не поняли; но ужасно то, что нам приходится ехать на одном корабле с отцом Фатутто. Сегодня вечером мы ночевали на корабле, чтобы завтра с восходом солнца сняться с якоря. Для моей жены и Деры отвели маленькую комнату в шесть футов длины и четыре фута ширины. Говорят, что это особенная ми-

лость. Надо запастись всякого рода припасами. Какой шум, какой гам, сказать нельзя. Все толпятся, чтобы взглянуть на нас. Краса Очей в слезах; Дера дрожит; надо вооружиться мужеством. Прощай; вознеси за нас свои святые молитвы к предвечному, который сотворил несчастных смертных назад тому целых сто пятнадцать тысяч шестьсот пятьдесят два годовых оборота солнца вокруг земли или земли вокруг солнца.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

От Амабеда во время дороги

На второй день плавания корабль остановился против Бомбея, которым овладел истребитель Альбукерк, называемой здесь Великим. Немедленно раздался адский грохот, с нашего корабля сделали девять пушечных выстрелов, и столькими же выстрелами отвечали с городского вала. Краса Очей и Дера думали, что настал их последний час. Мы были покрыты густым дымом. Поверишь ли, мудрый Шастасид, что это не более, как обмен любезностями и что таким образом варвары приветствуют друг друга? Подъехавшая шлюпка привезла письма, отсылаемые в Португалию, и мы отплыли в открытое море, оставив направо от нас устье великой реки Зонбундино, которую варвары называют Индом.

Мы видим только одни облака, которые эти недостойные неба грабители называют небом, да еще великое море, которое они переплыли, побуждаемые к тому жадностью и жестокостью.

Но капитан, как мне кажется, честный и благородный человек. Он не позволяет Фа-тутто быть на палубе, когда мы выходим подышать чистым воздухом; а когда он наверху, мы встаем в каюте. Мы, подобно дню и ночи, никогда не показываемся вместе на горизонте. Я не перестаю размышлять о судьбе, которая издевается над несчастными смертными. Мы плывем по Индийскому морю вместе с доминиканцем, чтобы судиться с ним в Руме, находящемся в шести тысячах милях от нашей родины.

На корабле есть один важный человек, которого называют милостынераздавателем.¹ Это вовсе не значит, чтобы он, действительно, раздавал милостыню; напротив, еще ему дают деньги, чтобы он читал молитвы на языке, который не является ни итальянским, ни португальским, и которого никто из экипажа не понимает. Еще вопрос, понимает ли он его сам, ибо он постоянно спорит с Фа-тутто о смысле слов. Капитан сказал мне, что этот священник францисканец, а так как другой — доминикнец, то они обязаны по совести никогда не соглашаться друг с другом. Их секты находятся в открытой вражде между собою и носят несхожие одежды, дабы показать различие своих мнений.

Францисканца зовут Фа-мольто; * он меня ссужает итальянскими книгами, касающимися религии вице-бога, пред которым мы должны предстать. Моя милая Адатея и я читаем эти книги; Дера присутствует при чтении. Сначала

¹ L'aumônier.

она противилась этому, опасаясь прогневать Брамму; но чем долее мы читаем, тем сильнее укрепляемся в нашей любви к тем святым учениям, которые ты проповедуешь верным.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Из дневника Амабеда

Мы читали вместе со священником послание одного великого святого итальянской и португальской религии. Имя его Павел. Ты постигший все науки, без сомнения знаешь и апостола Павла. Это великий муж. Голосом, прозвучавшим с неба, он был сброшен с коня и ослеплен вспышкой света; он хвалится, что, подобно мне, он сидел в темнице; к этому он добавляет, что пять раз получил по тридцать девять ударов кнутами, что составляет в общей сложности сто девяносто пять рубцов на ягодицах; сверх того его трижды колотили палками, при чем точное число ударов осталось неизвестным; сверх того он говорит, что его однажды побили камнями; это здорово, потому что после такого рода вещей люди, обычно не поправляются; сверх того он клянется, что провел один день и одну ночь на дне моря. Весьма ему сочувствую. Зато он был вознесен на третье небо. Сознаю тебе, просветленный Шастасид, я хотел бы испытать то же самое если бы даже мне пришлось купить подобную славу ценою ста девяносто пяти розог, здорово вlepенных в задницу.

Отраднo смертнoму на небеса подняться,
Коль даже пасть оттолъ он наземь осужден,

говорит один из наших наиболее приятных индийских поэтов,¹ который порою бывает величественным. * Наконец, я вижу, что Павла, как и меня, отвезли в Рум, дабы там судить. Что это значит? Милый Шастасид, неужели Рум судил всех смертных во все времена? В этом городе, конечно, должно быть нечто возвышающее его над всей остальной землей. Все люди, находящиеся на нашем корабле, клянутся только Румом; в Гоа все делалось от имени Рума. Скажу тебе более: бог нашего капеллана Фа-мольто, — тот самый, которому молится и Фа-тутто, — родился и умер в стране, подчиненной Руму, и платил подать Заморэну, царствовавшему в этом городе. Все это не кажется ли тебе весьма поразительным? Что до меня, то мне представляется, будто я грежу и все люди, окружающие меня, тоже грезят.

Наш капеллан Фа-мольто читал нам о еще более чудесных вещах. То об осле, который разговаривал, то о святом, который провел три дня и три ночи во чреве кита и вышел оттуда в весьма скверном настроении духа. Здесь мы видим проповедника, который отправляется читать проповеди на небо, уносимый огненной колесницей, которую влекут четыре огненных лошади; там — ученый доктор пересходит море по суху, сопровождаемый двумя или тремя миллионами людей, которые спасаются бегством вместе с ним; другой ученый доктор останавливает солнце и луну. Но это меня не удивляет: ты уже сообщил мне, что Бахус де-

¹ Цитированный стих принадлежит в действительности французскому трагику Кино.

лал то же самое. Гораздо труднее мне, любящему опрятность и стыдливость, примириться с тем, что бог этих людей велел одному из своих проповедников есть кал с хлебом, а другому спать за деньги с веселыми девицами и иметь от них детей.

Бывало и похуже: этот ученый человек обратил наше внимание на двух сестер — Оголу и Оголиву.* Ты их хорошо знаешь, поскольку ты все читал. Этот параграф очень смутил мою жену: даже белки глаз ее покраснели. Я заметил, что добрая Дера, пылала как огонь, когда ей читали этот параграф. Несомненно, этот францисканец, отец Фа-мольто любит шутить. Однако он закрыл свою книгу, увидя до какой степени Краса Очей и я возмутились, и вышел, чтобы предаться размышлениям над священным текстом.

Он оставил мне свою книгу, и я прочел несколько страниц наудачу. О, Брама! О, вечная справедливость! Что за люди! Все они в старости спят со своими служанками. Один делает гнусности со своей тещей; другой — со своей невесткой. Здесь целый город хочет обойтись с бедным священником так, как если бы он был красивой девушкой; там — две барышни из хорошей семьи напаивают своего отца допьяна, спят с ним поочереди и рожают ему детей.

Но более всего меня ужаснуло и повергло в смятение то, что обыватели одного великолепного города, куда бог послал двоицу бессмертных существ из числа тех, которые неотлучно пребывают перед его тронном, двух

чистых духов, сияющих божественным светом... мое перо содрогается, как моя душа... Сказать ли? Да, эти обыватели сделали все, что могли, дабы изнасиловать посланцев божиих. Каким ужасным грехом было бы совершить это над людьми. Но над ангелами... Милый Шастасид, благословим Бирму, Вишну и Брамму; возблагодарим их за то, что мы никогда не знали этих немыслимых мерзостей. Рассказывают, будто завоеватель Александр хотел некогда ввести у нас этот губительный обычай и всенародно осквернил своего любимца Гефестиона. Небо покарало его за это. И он сам, и Гефестион погибли во цвете лет. Приветствую тебя, повелитель моей души, дух моего духа! Адатея, печальная Адатея, просит тебя молиться за нее.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

От Амабеда к Шастасиду

С мыса который называют мысом Добрай Надежды, 15-го числа месяца Носорога.

Давно уже не клал я на доску листков из хлопчатой бумаги и давно уже не обмакивал своей кисти в жидкий черный лак для отдания тебе правдивого отчета. Мы далеко оставили вправо позади нас Бабельмандебский пролив, входящий в знаменитое Черное море, волны которого некогда разделились и остановились подобно двум горам, чтобы пропустить Бахуса и его войско. Я жалел, что корабль наш

не встал на якорь у берегов счастливой Аравии: эта страна почти также прекрасна, как и наша, в которой Александр мечтал основать столицу своего государства и складочное место всемирной торговли. Я бы хотел видеть Аден или Эдем, священные сады которого так славились в древности; Мекку, знаменитую своим кофе, который до сих пор растет только в одной этой области; Мекку, которую великий магометанский пророк сделал средоточием своей власти и куда каждый год является столько азиатских, европейских и африканских народов с целью приложиться к черному камню, упавшему с неба, не часто посылающего смертным подобные дары. Но нам не было позволено удовлетворить наше любопытство, и мы безостановочно плывем к Лиссабону, чтобы отправиться оттуда в Рум.

Мы уже пересекли линию равноденствия и сошли на берег в Мелиндском королевстве, где португальцы имеют значительный порт. Здесь корабль наш погрузили слоновой костью, амброй, медью, серебром и золотом. Наконец, мы добрались до Великого Мыса; это страна готтентотов. Эти народы не происходят, мне кажется, от детей Брамы. Здесь природа снабдила женщин передником из собственной кожи; этот передник прикрывает драгоценность, которой поклоняются готтентоты, и в честь которой они сочиняют мадригалы и песни. Эти народы ходят совсем нагие. Эта мода очень естественна, но по моему и непристойна, и неудобна. Готтентот очень несчастлив: когда он рассматривает свою готтентотку и спереди и

сзади, ему уже нечего больше желать; чарующей силы препятствий для него не существует и ничто не подстрекает его любопытства. Юбки наших индусок придуманные для того, чтобы их поднимать, представляют гениальное изобретение. Я уверен, что тот же мудрый индус, которому мы обязаны шахматами и триктраком, придумал также для нашего счастья и женские наряды.

Мы останемся два дня на этом мысе, который служит границей мира и повидимому отделяет Восток от Запада. Чем более размышляю я о цвете этих людей и кудахтании, которое они употребляют при своих объяснениях друг с другом, вместо членораздельной речи, об их наружности и о передниках их женщин, тем более убеждаюсь, что это племя не может быть одного с нами происхождения.

Наш капеллан утверждает, что готтентоты, негры и португальцы происходят от одного и того же отца. Эта мысль очень забавна; по моему это все равно, как если бы говорили, что куры, деревья и травы этой страны происходят от кур, деревьев и трав Бенареса или Пекина.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

От Амабеда

16-го числа вечером на
мысе, прозванном мысом
Доброй Надежды.

Вот и другое происшествие. Капитан гулял с Красою Очей и со мной по большому плоскогорью, у подножия которого Южное море раз-

бывает свои водны. Между тем капеллан Фамольто тихонько увел нашу юную Деру в маленький, недавно выстроенный домик, который называют кабаком. Бедная девушка не увидела в этом никакого коварства и думала, что ей нечего бояться, ибо капеллан не доминиканец. Но вскоре мы услышали крики. Представьте себе, что это свидание возбудило ревность в отце Фатутто. Взбешенный, он ворвался в кабак; там были два матроса, которые также возревновали. Ревность это ужасная страсть. Оба матроса и оба священника много пили той жидкости, которую, по их мнению, придумал Ной, а по нашему — Бахус: пагубный дар, который мог бы быть полезен, если бы не было так легко злоупотреблять им. Европейцы говорят, что этот напиток делает их остроумнее, но может ли это быть, когда он лишает их рассудка?

Между моряками и европейскими бонзами началась жестокая драка, матрос колотил Фатутто, этот капеллана, францисканец другого матроса, который возвращал ему то, что получал, все четверо беспрепятственно менялись при этом противниками, двое дрались против двоих, трое против одного, все против всех; каждый ругался и каждый тащил к себе нашу бедняжку, которая испускала жалобные крики. Прибежавший на эти крики капитан без разбору отдубасил всех четырех сражающихся и для безопасности отвел Деру к себе в каюту, где она теперь уже целые два часа как заперта вместе с ним. Офицеры и пассажиры, которые были все очень вежливые господа, собрались вокруг нас и уверяли, что оба монаха (как они

их называют) будут строго наказаны вице-богом по приезде в Рум. Эта надежда нас несколько утешила.

Через два часа капитан воротился, ведя к нам Деру с поклонами и приветствиями, которыми моя милая жена осталась очень довольна. О, Брама, какие странные вещи случаются во время путешествий и насколько благоразумнее было бы оставаться дома!

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

От Амабеда

Во время дороги.

Я тебе ничего не писал после приключения с нашей маленькой Дерой. Во время путешествия капитан был необыкновенно к ней благоклонен. Я боялся, чтобы он не стал также любезничать с моей женой; но она притворилась, что она беременна уже на четвертом месяце. Португальцы смотрят на беременных женщин, как на священных особ, которых нельзя тревожить. Этот обычай, по крайней мере, ставит в безопасность дорогую мне честь моей Ада-теи. Доминиканец получил приказание никогда не показываться в нашем присутствии и повиновался.

Спустя несколько дней после сцены в кабаке, францисканец пришел к нам извиниться. Я отвел его в сторону и спросил, как мог он забыть до такой степени, несмотря на обет целомудрия. Он ответил мне: «Правда, я дал этот обет. Но если бы я обещал, что кровь моя

не будет течь в моих жилах и что мои ногти и волосы не будут расти, то вы бы сами согласились, что я не в состоянии выполнить это обещание. Вместо того, чтобы заставлять нас клясться, что мы будем целомудренны, надо было заставить нас быть ими и сделать всех монахов евнухами. Пока у птицы есть перья, она летает; одно средство помешать оленю бегать — это отрубить ему ноги. Будьте уверены, что все священники, обладающие, подобно мне, сильным телосложением и лишенные жен, невольно предаются разврату, который заставляет краснеть природу, и вслед затем отправляются служить литургию».

Беседуя с этим человеком, я много чего узнал. Он мне разоблачил все тайны своей религии, которые меня крайне удивляли. «Преподобный отец Фа-тутто, — сказал он мне, — плут, который не верит ни одному слову из того, чему учит; что касается меня, то я тоже сильно сомневаюсь, но разгоняю свои сомнения. Завязав себе глаза и отгоняя мысли, я иду, как могу, по той стезе, которую избрал. Всем монахам предстоит двойная участь: или неверие заставляет их возненавидеть свой сан или тупоумие делает его сносным».

Поверишь ли, что после этих признаний, он предложил мне сделаться христианином? Я сказал ему: «Как можете вы предлагать мне религию, в которой вы сами сомневаетесь, мне, который родился в лоне самой древней религии мира, мне, чья вера, по вашему же признанию, существовала по крайней мере сто пятнадцать

тысяч триста лет до того, как появились на свете францисканцы?»

«Ах, мой дорогой индус, — сказал он мне, — если бы мне удалось обратить вас и прекрасную Адатею в христианство, я бы заставил лопнуть с досады этого плута доминиканца, который не верит в бессеменное зачатие богородицы. Вы бы составили этим мое счастье, меня могли бы сделать obispo.¹ Это было бы доброе дело, бог вознаградил бы вас за это».

Итак, божественный Шастасид, между европейскими варварами находятся люди, которые соединяют в себе заблуждения, слабость, алчность и глупость, между тем как другие — последовательные и закоренелые мошенники. Когда я сообщил Красе Очей об этом разговоре, она презрительно улыбнулась. Кто бы поверил, что мы научимся понимать людей на корабле, плывущем вдоль берегов Африки.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

От Амабеда

Какая прекрасная страна, эти южные берега, но какие гадкие жители. Настоящие звери. Право, чем больше делает для нас природа, тем меньше делаем мы для нее. Эти народы не знают ни одного искусства. Трудно решить вопрос, кто от кого произошел, они ли от обезьян, или обезьяны от них. Наши ученые

¹ Obispo — слово португальское, которое означает episcopus, т. е. епископ. Этого слова не найдешь ни в одном из четырех евангелий.

(Примеч. Вольтера).

говорят, что человек есть подобие бога: нечего сказать, хорошо подобие с черным приплюснутым носом и с этим убогим умишком. Без сомнения, настанет время, когда эти животные научатся обрабатывать землю, украшать ее садами и домами и понимать движение небесных светил; но на это нужно время. Мы считаем, что наша философия восприняла свое начало сто пятнадцать тысяч шестьсот пятьдесят два года тому назад, но по правде сказать, при всем моем почтении к тебе, я думаю, что мы ошибаемся; мне кажется, что надо гораздо больше времени, дабы достигнуть той степени, на которой мы находимся. Положим только двадцать тысяч лет для изобретения сносного языка, столько же для азбучного письма, столько же для обработки металлов, для изобретения сохи и челнока, для мореплавания; а сколько еще других искусств, которые требуют веков. Халдеи считают целых 400000 лет, но и этого еще мало.

На берегу, который называют Анголой, капитан купил шесть негров за обычную цену, т. е. за шесть быков. Должно быть эта страна гораздо населеннее нашей, если люди продаются там так дешево; но как согласить такое многочисленное народонаселение с таким невежеством.

У капитана с собой несколько музыкантов; он приказал им играть на их инструментах, и эти несчастные негры тотчас же начали отплясывать с тою же верностью, как и наши слоны. Возможно ли, чтобы они, любя музыку, не догадались придумать скрипку или хоть во-

лынку? Ты скажешь мне, великий Шастасид, что даже у слона не хватило на это смекалки и что надо ждать. На это я ничего не могу возразить тебе.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

От Амабеда

Едва закончился год, и вот мы уже вблизи Лиссабона, лежащего на берегу реки Тахо, которая с давних времен славится тем, что катит в своих струях золото. Если это правда, то зачем португальцы так далеко за ним ездят? Правда, что все жители Европы говорят, будто золото никогда не бывает в излишке. Лиссабон, как ты уже говорил мне, столица очень маленького государства. Это родина того самого Альбукерка, который причинил нам столько зла. Сознаюсь, есть что-то великое в этих португальцах, которые покорили часть нашей прекрасной страны. Вероятно желание добыть перец придает им находчивость и мужество.

Краса Очей и я надеялись отправиться в город; но нас не пустили, говоря, что мы пленники вице-бога и что доминиканец Фа-гутто, францисканец Фа-мольто. Ададея и я должны судиться в Руме.

Нас перевели на другой корабль, который должен отплыть в город вице-бога.

Капитан его, старый испанец, совершенно непохож на португальца, который так вежливо обращался с нами. Он говорит односложными словами и то очень редко, на кушаке у него висят четки, которые он беспрестанно пересчитывает.

вает: говорят, что это признак великой добродетели.

Дера сожалеет о прежнем капитане; она находит, что тот был гораздо любезнее. Испанцу передали большую связку бумаг, относящихся к нашему процессу в румском суде. Корабельный писарь прочитал их вслух. Он утверждает, что Фа-гутто будет присужден грести в одной из галер вице-бога, а Фа-мольто зададут порку. Все пассажиры согласились с этим мнением, и капитан безмолвно спрятал бумаги. Мы снимаемся с якоря. Да сжалится над нами Брама и да ниспошлет он тебе свою милость. Брама справедлив; но как это странно, что меня, уроженца берегов Ганга, будут судить в Руме. Уверяют однако, что то же самое случилось и с другими иноземцами.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

От Амабеда

Ничего нового; все пассажиры молчаливы и пасмурны, подобно нашему капитану. Ты знаешь индийскую пословицу: каков хозяин, таковы и гости. Мы миновали одно море, которое в самом узком месте, между двумя горами, имеет не более девяти тысяч шагов в ширину, и вышли вслед затем в другое море, усеянное островами. Один из них весьма странен: он управляется христианскими монахами,* которые носят короткое платье и шляпу и дают обет убивать всех, кто ходит в колпаках и кафтанах; кроме того они также должны совершать богослужение. Мы бросили якорь у одного

очень красивого и большого острова, называемого Сицилией; когда то он был гораздо красивее, чем теперь; рассказывают об его великодушных городах, от которых теперь остались одни развалины; прежде там жили боги, богини, великаны и герои; прежде там ковали грома для Юпитера; богиня по имени Церера, покрывала остров богатыми жатвами. Вице-бог все это отменил, и теперь там встречаются одни только процессии, да карманные воры.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

От Амабеда

Наконец, мы на священной земле вице-бога. В книге капеллана я прочел, что это страна золота и лазури; что в ней — изумрудные и рубиновые стены; ручьи — из масла и фонтаны из молока; селения покрыты виноградниками, в которых из каждой лозы выделывают 100 бочек вина.¹ Может быть мы и увидим все это, когда будем ближе к Руму.

С большим трудом мы вошли в маленький весьма неудобный порт, который называют *Старым Городом*. * Он теперь разрушается, и название его весьма справедливо.

Нас посадили в тележки, запряженные быками. Должно быть, эти быки приведены сюда издалека, ибо в пути мы встречали по обеим

¹ Вероятно он имеет в виду Перусалим, описанный в книге Апокалипсиса, у Юстина, Тертуллиана, Принея и других великих мужей; но видно, что этот бедный браман имел о нем очень смутное понятие.

(Примеч. Вольтера).

сторонам дороги необработанные земли: то были одни вонючие болота, заросли вереска и бесплодные пески. По дороге нам попадались какие то люди без рубашек и едва прикрытые плащами, гордо просившие милостыню. Они питаются одними плоскими хлебцами, которые раздают им по утрам, и пьют только святую воду.

Если бы не было этой толпы нищих, которые, с целью вымолить себе тридцатую долю рупии, пробегают иногда от пяти до шести тысяч шагов, то страна эта казалась бы страшной пустыней. Нас даже предупредили, что тот, кто проезжает ночью, подвергает здесь жизнь свою опасности. Надо полагать, бог прогневался на своего наместника, если дал ему страну, которая не более как помойная яма природы. Но я слышал, что эта страна некогда была прекрасна и плодородна, и сделалась такой жалкой только с тех пор, как эти наместники завладели ею.

Пишу тебе, мудрый Шастасид, сидя в тележке, чтобы избавиться от скуки. Адатея очень удивлена. Я напишу тебе, как только приеду в Рум.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

От Амабеда

Вот мы и в Руме. Мы прибыли сюда днем, третьего числа месяца Овцы, или как здесь говорят, 15 марта 1513 года. Сначала мы испытали совершенно противоположное тому, к чему приготовились.

Едва подъехали мы к воротам, прозванным воротами святого Панкратия,¹ как увидели две ватаги призраков, из которых одни были одеты как наш капеллан, а другие — как отец Фатутто. Перед каждой из них несли знамя и большую палку, на которой было прикреплено изображение нагого человека, в таком же положении, как тот, которого мы видели в Гоа. Они шли попарно и пели какую то песню, способную нагнать зевоту на целую область. Когда это шествие поровнялось с нашей тележкой, одна ватага закричала: «Это святой Фатутто!», а другая: «Это святой Хамольто!» Стали целовать их одежды, народ встал на колени. «Сколько индусов обратили вы, мой преподобный отец?» «Пятнадцать тысяч семьсот», говорил один. «Одиннадцать тысяч девятьсот, — говорил другой, — да будет благословенна пресвятая дева Мария!» Все взоры были обращены на нас, все нас окружали.

— Это ваши оглашенные, мой преподобный отец?

— Да, мы их окрестили.

— Ах, какие они премилые. Слава в вышних! Слава в вышних!

Отец Фатутто и отец Хамольто были отведены, каждый своею процессией, в великолепный дом; мы же отправились в гостиницу; народ провожал нас, крича: bazzo, bazzo! и при этом все благословляли нас, целовали у нас руки и осыпали похвалами мою милую Адатею,

¹ Прежде это были Яникульские ворота; посмотрите, как новый Рим превзошел старый.

Деру и даже меня. Мы не могли опомниться от удивления.

Едва успели мы войти в гостиницу, как к нам явился какой то человек, одетый в фиолетовое платье, в сопровождении двух других, одетых в черные плащи, и поздравил нас с приездом. Прежде всего предложил он нам денег от коллегии пропаганды, если только нам нужны деньги. Я не знал, что это за пропаганда, и ответил ему, что у нас достаточно денег и притом еще много бриллиантов; и действительно я постоянно носил свой кошелек и коробочку с бриллиантами в кармане моих нижних панталон.

Тогда этот человек поклонился мне чуть не в ноги и назвал меня вашим превосходительством.

— Не слишком ли устали после путешествия, ее превосходительство синьора Ададея? Не желают ли они отдохнуть? Я боюсь беспокоить их превосходительства, но я всегда буду готов к их услугам. Синьор Амабед может распоряжаться мной, я пришлю к нему чичероне,¹ который будет ему служить; синьору стоит только приказать. Угодно ли им обоим после того, как они отдохнут, сделать мне честь пожаловать ко мне на ужин? Я буду иметь честь прислать за ними карету.

Надо сознаться, божественный Шастасид, что эта западная нация не уступит в вежливости даже китайцам. Этот господин удалился. Мы

¹ Известно, что в Риме чичеронами называют тех, которые занимаются тем, что показывают иностранцам древности.
(Примеч. Вольтера).

проспали с Адатеей шесть часов подряд. Когда стемнело, за нами приехала карета, и мы отправились к этому вежливому господину. Жилище его было ярко освещено и украшено картинами, гораздо более приятными, чем та, которая изображала нагого человека и которую мы видели в Гоа. Мы встретили там множество гостей, которые усыпали нас ласками, удивлялись тому, что мы индусы, поздравляли нас с крещением и предлагали нам свои услуги на все время, пока мы захотим остаться в Руме.

Мы хотели просить суда над Фатутто, но нам не дали времени выговорить это. Наконец нас отвезли назад, крайне удивленных и смущенных этим приемом, в котором мы ровно ничего не поняли.

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

От Амабеда

Сегодня мы приняли бесчисленное множество гостей, а княгиня Пиомбино прислала к нам двух своих конюших пригласить нас к себе на обед. Мы отправились туда в прекрасном экипаже; фиолетовый человек был уже там. Я знал, что он один из сановников, т. е. один из служителей вице-бога, которых называют *prelati*, т. е. предпочитаемые. Княгиня Пиомбино была с нами до нельзя любезна и радушна. За столом она посадила меня рядом с собой. Ее крайне удивило наше нежелание есть римских голубей и куропаток. Предпочитаемый сказал нам, что поскольку мы крещены, то должны есть куропаток и пить монтепуль-

чинаиское вино, что все вице-боги поступают таким образом, и что она это существенный признак истинного христианина.

Прекрасная Адатея со своим всегдашним простодушием ответила ему, что она не христианка, и что ее окрестили в Ганге.

— Ах, боже мой, сударыня, — отвечал предпочитаемый, — в Ганге ли, в Тибре или в ванне, не все ли равно? Вы все таки из наших. Вы были обращены отцом Фа-тутто; для нас это большая честь, и мы не хотим ее лишиться. Посмотрите, насколько наша религия превосходит вашу.

И с этими словами он наполнил наши тарелки рябчиковыми крыльями. Княгиня пила за наше здоровье и за спасение наших душ. Нас уговаривали с такой любезностью, нам говорили столько острых слов, все были так вежливы, веселы и вкрадчивы, что, наконец, очарованные их угодливостью (да простит нам это Брама) мы с Адатеей, как нельзя лучше покушали, с твердым намерением при нашем возвращении выкупаться с ног до головы в Ганге, дабы смыть этот грех. Никто не сомневался в том, что мы христиане.

— Должно быть этот отец Фа-тутто великий миссионер, — сказала княгиня, — я хочу сделать его своим духовником.

При этих словах мы с женой покраснели и потупили глаза.

От времени до времени синьора Адатея намекала, что мы приехали, чтобы судиться у вице-бога, что она сильно желает его видеть. «Его теперь вовсе нет, — сказала нам кня-

гиня; — он умер,¹ и теперь заняты избранием нового; как только он будет избран, вас представят его святейшеству. Вы будете присутствовать на величайшем празднестве, какое когда-либо могут видеть люди, и вы будете лучшим его украшением». Адатея умно отвечала на это и вообще очень понравилась княгине.

В конце обеда мы слушали музыку, которая, осмелюсь сказать, значительно превосходит музыку Бенареса и Мадуреи.

После обеда княгиня приказала заложить четыре золоченые колесницы и посадила нас в свою собственную. Она показала нам прекрасные здания, статуи и картины. Вечером были танцы. Я втайне сравнивал этот прекрасный прием с подземною тюрьмою, в которой мы были заключены в Гоа; и признаюсь, не понимал, каким образом одно и то же правление, одна и та же религия могут быть такими кроткими и приятными в Руме и такими жестокими вдали от него.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

От Амабеда

Между тем, как город, по случаю избрания вице-бога, разделен тайно на небольшие партии, и эти партии, от души ненавидящие друг друга, обращаются друг с другом с такою вежливостью, которая похожа на дружбу; между тем как народ смотрит на отцов Фа-гутто и Фамольто, как на любимцев божества, и с почти

¹ Юлий II умер в ночь с 20 на 21 февраля 1513 г., а следующего 11 марта был избран Лев X.

(Прилеч. Вольтера).

тельным любопытством толпится около нас, я, мой дорогой Шастасид, усердно размышляю о румском правительстве.

Я сравниваю его с обедом, на котором мы были у княгини Пиомбино. Зала была чиста, удобна и нарядна; приборы блистали золотом и серебром, гости были веселы, остроумны и любезны, а между тем в кухне текла кровь и жир; шкуры четвероногих, перья птиц и их внутренности, наваленные как попало, возбуждали тошноту и распространяли зловоние.

Таков же, по моему, и румский двор: вежливый и ласковый у себя, клязуный и тиранический во всех других местах. Когда мы выражаем надежду, что Фа-тутто будет наказан, это вызывает одни улыбки; нам говорят, что мы должны стоять выше подобных мелочей; правительство слишком нас уважает, чтобы позволить нам вспоминать о таких глупых шутках; что Фа-тутто и Фа-мольто нечто вроде обезьян, которых тщательно дрессируют с целью морочить ими народ; и все кончают при этом уверениями в своей дружбе и уважении к нам. На что должны мы решиться, великий Шастасид? Я думаю, что умнее всего было бы смеяться, так же, как и другие, и быть столь же вежливым, как они. Я хочу изучать Рум: он стоит этого труда.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

От Амабеда

Между моим последним письмом и нынешним прошло довольно много времени. Я читал, смотрел, разговаривал и размышлял. Клянусь

тебе, что никогда на земле не было большего противоречия, как между румским правительством и его религиею. Вчера я беседовал с одним из богословов вице-бога. При здешнем дворе богослов то же, что последний лакей в какомнибудь доме; он так же исполняет тяжелую работу, так же выносит сор, и, если находит в нем какуюнибудь тряпку, которая может пригодиться, то откладывает ее на случай нужды.

Я говорил ему:

— Бог ваш родился в хлеву, между быком и ослом; он вырос, жил и умер в бедности, он строго предписал своим ученикам нищету; он объявил им, что между ними не будет ни первого, ни последнего и что тот, который захочет приказывать другим, должен служить им; между тем здесь делают совершенно противоположно тому, чего хотел ваш бог. Ваша религия несколько не похожа на его религию. Вы заставляете людей верить в вещи, о которых он не проронил ни слова.

— Все это справедливо,—отвечал он мне.— Наш бог действительно не приказывал нашим властелинам обогащаться насчет других народов и обирать чужое имущество; но он это внушил. Он родился между быком и ослом; но три царя пришли в хлев поклониться ему. Быки и ослы представляют народы, которых мы учим, а три царя—монархов, которые пресмыкаются у наших ног. Его ученики прозябали в бедности: следовательно наши властелины должны обладать огромными богатствами, ибо если прежним вице-богам довольно было одного

только экую, то нынешние настоятельно нуждаются по меньшей мере в десяти миллионах, а поскольку быть бедным значит иметь только необходимое, то наши властелины, которые не имеют даже необходимого, как нельзя лучше исполняют закон нищеты.

— Что касается догматов, то наш бог никогда ничего не писал, но так как мы умеем писать, следовательно мы обязаны взять на себя этот труд; по этой причине от времени до времени мы сочиняем новые догматы, смотря по надобности. Например, из брака мы сделали видимое знамение невидимой вещи; на этом основании все брачные тяжбы со всех углов Европы препровождаются в наше римское судилище, ибо одни только мы можем видеть невидимые вещи. Это составляет обильный источник сокровищ для нашей священной камеры финансов, которая утоляет жажду нашей нищеты.

Я спросил у него, не имеет ли священная камера еще какихнибудь других источников.

— Мы не зеваем, — отвечал он, — нам доставляют доход живые и мертвые. Например, как только преставится какаянибудь душа, мы тотчас же отправляем ее в больницу и поедписываем ей там какое-нибудь лекарство из аптеки душ, и вы не поверите, сколько денег доставляет нам эта аптека.

— Как так, милостивый государь? Мне кажется, что у душ никогда не бывает денег.

— Вы правы, синьор, но ведь у них есть родные, которые рады взять своих покойных родственников из больницы и поместить их

в более приятное место. Для души очень грустно провести целую вечность, принимая лекарство. Мы договариваемся с живыми; они покупают у нас выздоровление душ усопших родственников, одни дороже, другие дешевле, смотря по их средствам. Мы вручаем им билеты на аптеку. Уверяю вас, что это один из лучших доходов.

— Но, милостивый государь, каким образом билеты эти доходят до душ?

Он начал смеяться.

— Это дело родных, — сказал он, — и притом не говорил ли я вам, что мы имеем неоспоримую власть над невидимыми вещами?

Этот господин, должно быть, продувной плут; я уже многому научился у него и чувствую себя теперь совершенно другим человеком.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

От Амабеда

Ты должен знать, милый Шастасид, что чичероне, которого мне рекомендовал монсieur и о котором я уже упоминал в моих прошедших письмах, очень смысленный человек, который показывает иностранцам редкости старого и нового Рума. И тот и другой, как ты видишь, властвовали над царями; но древние римляне приобрели власть своим мечом, а новые пером. Военная дисциплина дала власть цезарям, история которых тебе известна; дисциплина монашеская дала другого рода власть этим вице-богам, которых называют папами. На том самом месте, где прежде устраивались триумфы, те-

перь встречаются церковные процессии. Чичероне объясняют все это иностранцам и доставляют им книги и женщин. Но несмотря на мою молодость, я не хочу изменить прекрасной Адате и ограничиваюсь одними книгами, причем главным образом изучаю туземную религию, которая меня очень забавляет.

Я читал вместе с моим чичероне описание жизни бога этой страны. Она весьма чудесна.

Это был человек, одним словом иссушавший смоковницы, претворявший воду в вино и топивший свиней. У него было много врагов; родился он, как ты знаешь, в небольшом селении, принадлежавшем римскому императору. Однажды его коварные враги спросили у него, должны ли они платить дань императору; он отвечал им: отдайте кесарю кесарево, а богу божие. По моему это очень умный ответ; в то время, когда мы говорили об этом с чичероне, к нам вошел монсиньор. Я сказал ему много хорошего о его боге и просил его объяснить мне, каким образом камера финансов исполняет эту заповедь, оставляя себе все и не давая ничего императору, ибо ты должен знать, что хотя римляне и имеют вице-бога, у них есть также и император, которого они называют римским королем. Вот что ответил мне этот весьма находчивый человек:

— Действительно, у нас есть император; но он только по виду император; он изгнан из Рума; у него нет здесь даже своего дома; он живет у нас на берегу большой реки, которая замерзает на четыре месяца в году, в одной стране, язык которой дерет нам уши.* Настоящий

король это папа, потому что он царствует в столице империи. Итак отдайте кесарю — значит отдайте папе, отдайте богу, — опять-таки, значит — отдайте папе, ибо он во истину вице-бог. Он один повелитель всех сердец и всех кошельков. Если бы император, живущий на берегу большой реки, посмел сказать хотя слово, мы взбунтовали бы против него обитающих на берегу этой большой реки туземцев, которые, по большей части, глупые толстяки, и кроме того вооружили бы других королей, которые разделили бы с нами его наследие.

Теперь ты знаешь, божественный Шастасид, как рассуждают в Руме. Папа в большом виде — то же самое, что Далай-лама* в маленьком. Если он не бессмертен, как лама, зато всемогущ в продолжение своей земной жизни, что гораздо лучше. Если ему иногда противятся, если его свергают, наносят ему оскорбления или даже убивают его в объятиях любовницы, как это иногда случалось, то все эти неудобства не касаются его божественного значения.¹ Ему можно дать сто ударов плетью, но все-таки должно верить тому, что он гово-

¹ Иоанн VIII убит молотком одним ревнивым мужем, Иоанн X, любовник Феодоры, задушен в своей постели. Стефан VIII заключен в замок, который называют теперь замком святого ангела. Стефану IX римляне нанесли рану в лицо. Иоанн XII, низвергнутый императором Оттоном I, убит у одной из своих любовниц. Бенедикт V изгнан императором Оттоном I. Бенедикт VII задушен незаконным сыном Иоанна X. Бенедикт IX сам — третьей купил себе папство и перепродал свою часть. Они все были непогрешимы.

(Примеч. Вольтера)

рит. Папа умирает, но папство бессмертно. Когда три или четыре вице-бога зараз оспаривали это место, — божественность была разделена между ними; каждый имел свою часть и каждый был непогрешим в ней.

Я спросил у монсиньора, каким искусством его двор достиг власти над всеми остальными дворами. «Да разве много искусства надо умным людям, — сказал он мне, — чтобы управлять дураками?» — Я хотел знать, не возмущались ли когда-нибудь цари или народы против решений вице-бога. Он признался, что были такие дерзкие люди, которые осмеливались открывать глаза, но что им тотчас же их выкалывали; просто истребляли этих несчастных, так что эти восстания служили до сих пор только к тому, чтобы утвердить непогрешимость на троне истины.

Наконец избрали нового вице-бога: колокола звонят, барабаны бьют, трубы трубят, пушки грохочут и сто тысяч голосов вторят им. Я уведомлю тебя обо всем, что увижу.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

От Амабеда

25 числа, месяца Крокодила, а по здешнему 13-го планеты Марса, вдохновенные люди в красной одежде избрали непогрешимого человека, который должен судить меня и Красу Очей за наше отступничество.

Этот земной бог называется Львом X. Он очень статный и очень любезный мужчина, тридцати четырех или тридцати пяти лет от

роду: все женщины от него без ума. Он был заражен дурной болезнью, которая хорошо известна только в Европе, но которою португальцы начинают наделять и Индостан. Думали, что он умрет от нее, и потому избрали его, чтобы поскорее освободилось это божественное место, но он выздоровел и смеется теперь над своими избирателями.

Ничего нельзя представить себе прекраснее его коронации; он истратил на нее пять миллионов рупий, чтобы удовлетворить потребностям своего бога, который был так беден. Я не мог тебе писать среди шума наших празднеств: они так быстро следовали одно за другим, нам надо было присутствовать на стольких увеселениях, что у нас вовсе не оставалось свободного времени.

Вице-бог Лев устроил увеселения, о которых ты не имеешь ни малейшего понятия; одно из них, которое называют комедией, нравится мне более всех других вместе взятых: это — изображение человеческой жизни; это живая картина; участвующие в ней лица говорят и действуют; они защищают свои интересы, выказывают свои страсти и вызывают сочувствие зрителей.

Комедия, которую я видел третьего дня у папы, называется М а н д р а г о р а.* Сюжет пьесы состоит в том, что один ловкий молодой человек хочет соблазнить жену своего соседа; он склоняет за деньги одного монаха, тоже какого-то Фа-тутто или Фа-мольто, чтобы тот уговорил его возлюбленную и помог ему одурачить ее мужа. Во всей пьесе смеются над рели-

гией, которую исповедует вся Европа, центром которой служит Рум, а тронем папский престол. Такие увеселения покажутся тебе непристойными, дорогой и благочестивый Шастасид. Краса Очей была возмущена, но комедия так хороша, что удовольствие превосходит негодование.

Пиршества, балы, прекрасные религиозные церемонии, плясуны на канате — все это безостановочно следовало одно за другим. Особенно интересны балы: все приглашенные на бал одеваются в какое-нибудь иностранное платье, надевают сверх своего лица еще другое картонное, и в этих нарядах ведут беседы, от которых можно помереть со смеху. Во время обеда постоянно играет прекрасная музыка. Словом, это — одно очарование.

Рассказывали, что один вице-бог, предшественник Льва, по имени Александр VI, на свадьбе одной из своих незаконных дочерей устроил еще более необыкновенное празднество. Во время пиршества у него танцевали пятьдесят совсем голых девиц. Браманы никогда не дозволяли подобных танцев.

Ты видишь, что каждая страна имеет свои обычаи. С уважением целую тебя. Я отправляюсь теперь танцевать с моей прекрасной Адатеей. Да осыплет тебя Бирма своими благословениями.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ

От Амабеда

Во истину, мой великий браман, не все вице-боги были так милы, как этот. Жить во время его царствования это просто удовольствие. Но

пскойный вице-бог, по имени Юлий, был совсем другого нрава: это был старый буйный солдат, который до безумия любил войну; вечно на коне, вечно с каской на голове, он раздавал и благословения, и удары саблей и нападал на всех своих соседей, проклинал души и убивал тела, насколько то было в его силах; он умер от припадка гнева. Вот так вице-бог!

Поверишь ли, он вообразил, будто может при помощи какой-то бумажонки отнимать у королей их королевства? Он осмелился таким образом лишить престола короля одной довольно приятной страны, которую называют Францией.¹

Этот король был очень добрый человек: хотя он и слывет здесь дураком, но это потому, что он был несчастлив. Этот король должен был однажды собрать самых умных людей своего королевства и спросить у них, можно ли защищаться против вице-бога, который на бумаге уже свергнул его с престола. Надо быть уже очень добрым, чтобы задать подобный вопрос. Я выразил свое удивление

¹ Папа Юлий II отлучил от церкви французского короля Людовика XII в 1510 г. Он наложил духовное запрещение на Францию и объявил, что она предоставляется первому, кто захочет ею воспользоваться. Это отлучение от церкви и это духовное запрещение были повторены в 1512 г. Теперь едва понитна эта необыкновенная наглость и глупость. Но со времени Григория VII не было ни одного римского епископа, который бы не возводил или не хотел возвести и низвергать государей, по своему произволу. Все государи стояли того, чтобы с ними обходились так бесчестно, потому что они были до того глупы, что сами подкрепляли

фиолетовому монсиньору, с которым очень по-дружился.

— Неужели, — сказал я ему, — в Европе так глупы?

— Я и сам опасуюсь, — сказал он мне, — что вице-боги до такой степени злоупотребляют снисходительностью людей, что сделают их наконец умнее.

Должно быть в европейской религии не обойдется без переворотов. Но в особенности должно удивить тебя, ученый и проникательный Шастасид, что их не случилось в царствование вице-богёа Александра, который был предшественником Юлия. Он безнаказанно убивал, вешал, топил, отравлял всех соседних владетелей. Один из его пяти незаконных сыновей на глазах у всей Италии совершал эти преступления.

Каким образом могли народы сохранить религию этого чудовища? Он — тот самый, который заставлял женщин танцовать безо всяких лишних украшений. Его разврат должен был внушить к нему презрение; его жестокости должны были направить против него тысячу кинжалов. Между тем он преспокойно жил, да поживал среди своего двора и мнение своих поданных о непогрешимости папы и об его власти над всеми церквями. Они сами надели на себя оковы, которые очень трудно разорвать. Повсюду в правлении царил хаос, образовавшийся вследствие суеверия. Разум проник очень поздно к западным народам; он залечил несколько ран, которые нанес людям их враг — суеверие, но остаются еще глубокие следы.

(Примеч. Вольтера).

пользовался всеобщим почетом. По моему мнению, причина этому та, что при всех его преступлениях выигрывали священники, а народы ничего не теряли. Народ разорвет свои оковы тогда, когда его будут слишком притеснять. Тысяча ударов тарана не могли потрясти колосса, один камень повалит его на землю, — вот что говорят здесь откровенные люди, которые хвалятся своею проницательностью.

Наконец, празднества окончились: да много их и не нужно. Ничто так не надоедает, как необыкновенные вещи, которые становятся обыкновенными. Только одни возобновляющиеся потребности могут доставлять каждый день удовольствие. Поручаю себя твоим молитвам.

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

От Амабеда

Непогрешимый захотел увидеть Красу Очей и меня наедине. Наш монсиньор ввел нас во дворец. Он заставил нас трижды опуститься на колени. Вице-бог велел нам поцеловать свою правую ногу, держась за бока от смеха. Он спросил, действительно ли обратил нас Фатутто и действительно ли мы христиане. Жена моя ответила, что Фатутто наглец; и напад начал хохотать еще громче. Он два раза поцеловал мою жену и меня заодно.

Потом он посадил нас у скамеечки, на которой ему целуют ноги. Он спрашивал, как волочится в Бенаресе молодежь; на котором году выдают девушек замуж, и есть ли у великого брамана гарем. Жена моя краснела, а я отвечал

с почтительной скромностью. Потом он нас отпустил, советуя нам сделаться христианами и поцеловал нас обоих, похлопав сперва по ягодицам в знак своего благоволения. Выходя от него, мы встретились с Фа-тутто и Фа-мольто, которые стали целовать края наших одежд. В первую минуту, которая управляет всегда движениями нашей души, мы с женой в ужасе отшатнулись, но фиолетовый сказал нам: «вы еще не совсем просветились; постарайтесь лучше обласкать этих добрых отцов; в нашей стране всякому вменяется в обязанность целовать самых заклятых своих врагов; при случае вы можете отравить их, но пока вы не имеете права отказать им в знаках дружбы». Итак я их поцеловал; но Краса Очей сухо поклонилась им, а Фа-тутто исподтишка глядел на нее, сгибаясь перед ней чуть не до земли. Все это донельзя удивительно; целые дни мы только и делаем, что удивляемся. Я, право, начинаю сомневаться, чтобы Мадурья была приятнее Рума.

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

От Амабеда

Нет никакой управы на Фа-тутто! Вчера наша юная Дера из любопытства зашла в один небольшой храм. Народ стоял на коленях; здешний браман, великолепно одетый, стоял облокотившись на стол, обернувшись спиной к народу: говорят, что он приготавливал бога. Как только он приготовил бога, он повернулся лицом к присутствующим. Дера воскликнула:

«Вот мошенник, который меня обесчестил!» К счастью, в своем отчаянии и удивлении, она произнесла эти слова по индийски: меня уверяют, что если бы народ понял эти слова, чернь бросилась бы на нее, как на колдунью. Фа-тутто отвечал ей по итальянски: «Дочь моя, да будет над вами благословение пресвятой девы. Говорите потише». В крайнем изумлении она пришла рассказать нам об этом происшествии. Друзья наши отсоветовали нам жаловаться; они сказали, что Фа-тутто святой, и что никогда не следует дурно говорить о святых. Как хочешь. Что сделано, то сделано. Мы терпеливо переносим все удовольствия, которые нам приходится испытывать в этой стране. Каждый день мы узнаем вещи, о которых и не подозревали. Как просвещаются люди во время путешествий.

Ко двору Льва приехал один великий поэт, которого зовут господином Ариосто;* он не любит монахов и выражается о них следующим образом:

Non sa quel che sia amor, non sa che vaglia
 Na ceritade; e quindi avvien che i frati
 Sono si ingorda e si crudel canaglia.

По индийски это значит:

Modernmen sebar eso
 Na te ben sofa meso.

Ты понимаешь то превосходство, которое должен навсегда сохранить наш древний индийский язык над всеми новыми европейскими наречиями: мы четырьмя словами выражаем то,

что они могут выразить десятью. Я согласен с Ариосто, когда он говорит, что монахи негодяи; но недоумеваю, почему он утверждает, будто они не знают любви: увы! Нам это лучше известно. Может быть он предполагает, что они наслаждаются, но не любят.

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ

От Амабеда

Уже несколько дней, мой дорогой великий браман, как я не писал тебе. Причиной этому предупредительность, которой мы окружены. Наш монсиньор пригласил нас на прекрасный обед, где присутствовало двое молодых людей, одетых с ног до головы в красное. Они кардиналы, т. е. главные, так сказать, петли дверей; один из них кардинал Сакрипанте, а другой кардинал Факинетти. После вице-бога они первые люди без всякого сомнения на земле; за то их и называют заместниками заместника. Их право божественное — стоять наравне с королями и выше принцев, и обладать при этом несметными богатствами. Они этого вполне заслуживают, если взять во внимание ту пользу, которую они приносят обществу.

Отобедав с нами, эти два дворянина пригласили нас провести с ними несколько дней в их загородном доме, потому что нас теперь приглашают нарасхват. После забавного спора о преимуществах, Факинетти завладел прекрасной Адатеей, а я достался Сакрипанте, с условием, что на следующий день они переменятся, а на третий день мы соберемся все четверо.

Дера сопровождала нас в этой поездке. Я не знаю, как рассказать тебе, что с нами случилось; однако все-таки попытаюсь...

На этом обрываются письма Амабеда. Продолжения их искали во всех библиотеках Бернареса и Мадуреи, но теперь с достоверностью установлено, что его не существует.

Итак, если какой-нибудь несчастный фальсификатор вздумает напечатать дальнейшие приключения двух молодых индусов — «Новые письма Амабеда», «Новые письма», «Грасы Очей», «Ответы великого брамана Шастасида», — то читатель может быть уверен, что его обманывают и что ему будет скучно, как это уже сто раз бывало в подобных случаях.

БЕЛЫЙ БЫК

1 7 7 4

LE TAUREAU BLANC

1774

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как царица Амасида встретила быка

Юная царица Амасида, дочь Амасиса, царя Таниса Египетского, прогуливалась с дамами своей свиты по дороге, ведущей в Пелузиум. Она была погружена в глубокую печаль; слезы текли из ее прекрасных глаз. Причина ее скорби была известна, и она сильно боялась огорчить отца своею скорбью. Ей сопутствовал старый Мамбрес, маг и евнух фараонов, который находился при ней почти безотлучно. На его глазах она родилась и выросла, и никто другой, как он, выучил ее всему, что только позволялось знать прекрасной царице из египетских наук. Ум Амасиды был равен ее красоте, а наряду с красотой она обладала чувствительным и любящим сердцем; но ее чувствительность стоила ей многих слез. Царице было двадцать четыре года; а магу Мамбресу около тысячи трехсот. Он, как известно, вел тот знаменитый диспут с великим Моисеем, в котором победа долгое время колебалась

между глубокомысленными философами. Если Мамбрес и был побежден, то лишь потому, что небесные силы видимо покровительствовали его противнику; одни только боги могли победить Мамбреса. Лета ослабили его ум, столь превосходивший другие умы, и его силу, которая противилась всемирной силе, но мудрость его все таки была велика: он походил на те огромные здания древнего Египта, развалины которых свидетельствуют об их прежних величиях. Мамбрес был еще очень полезен в совете, и хотя он был немного стар, но душа его была очень сострадательна.

Амасис назначил его главным управителем двора своей дочери, и он исполнял эту обязанность со своей обычной мудростью, но прекрасная Амасида огорчала его своей печалью:

— О, мой возлюбленный, мой милый, юный любовник! — восклицала она иногда; — о величайший из победителей, совершеннейший и прекраснейший из людей! Уже семь лет, как ты исчез с лица земли! Какой бог похитил тебя у твоей нежной Амасиды? Целый мир справил по тебе тризну и оплакал твою кончину. Ты не умер, с этим согласны все ученые Египта; но ты умер для меня, я одна на земле, она для меня пустыня. Каким чудом покинул ты свой трон и свою возлюбленную? Твой трон! Он был первым в мире, но это еще безделица; но меня... которая тебя обожает, о мой дорогой На..!

Она хотела кончить.

— Страшитесь произнести это роковое имя, — сказал ей ученый Мамбрес, евнух и маг фараонов. — Вас может выдать какаянибудь из

ваших придворных дам. Положим, что они все преданы вам, и все прекрасные дамы считают за честь служить страстям прекрасных царевен, но все таки может случиться, что одна из них окажется болтуньей, или даже предательницей. Вы знаете, что царь, ваш батюшка, который впрочем вас любит, поклялся зарезать вас, если вы произнесете это страшное имя, вечно готовое сорваться с ваших уст. Плачьте, но молчите: это поведение жестоко, но ведь не затем же вы были воспитаны в египетской мудрости, чтобы не уметь держать язык за зубами. Помните, что Гарпократ, один из наших величайших богов, постоянно держит на своих губах палец.*

Прекрасная Амасида плакала, но более не говорила. Безмолвно приближаясь к берегам Нила, она увидела вдалеке какую то старуху, одетую в серые лохмотья и сидевшую на холмике в роще, омываемой рекой. Около нее находились собака, ослица и козел. Против нее лежал змей, который вовсе не походил на обыкновенных представителей своей породы: у него были резная физиономия, блиставшая самыми живыми и приятными красками кожи. Не менее удивительною личностью в этой странной кампании была огромная рыба, высунувшая свою голову из реки. На ветке сидели ворон и голубь. Все эти создания, казалось, вели довольно оживленную беседу.

— Увы! — прошептала царица, — наверно они рассуждают о своих любовных делах, а мне даже не позволено произносить имя того, кого я люблю.

Старуха держала в руке легкую стальную цепь, длинную в сто сажень, к концу которой был привязан бык, пасшийся на лугу. Этот бык был бел, статен, гладок и, что редко бывает, очень проворен; сверх того у него были рога из слоновой кости; словом сказать, это было чудо своей породы. Бык Пасифаи * и тот, которого образ принял Юпитер, чтобы похитить Европу, ** далеко уступали этому чудесному животному. Прекрасная телка, в которую обратилась Исида, и та едва стоила его.

Увидев царевну, он подбежал к ней с быстротою молодого арабского коня, летящего через обширные равнины и реки древнего Саана на свидание к своей статной кобылице, которая царствует в его сердце и заставляет его наводить уши. Старуха из всех сил старалась удержать его; змея, казалось, хотела испугать его своим шипением; собака следовала за ним и кусала его прекрасные ноги, ослица пересекала ему дорогу и лягала его, чтобы заставить воротиться. Огромная рыба плыла по Нилу, и, выскакивая из воды, казалось собиралась его проглотить; козел от страха не мог пошевелиться, а ворон летал вокруг головы быка и как будто старался выклевать ему глаза. Только голубь с любопытством летал за ним и, казалось, одобрял его своим приятным воркованьем.

Столь необычайное зрелище заставило Мамбреса погрузиться в серьезные размышления. Между тем белый бык, таща за собою цепь и старуху, уже добежал до царевны, которая была вне себя от страха и удивления. Но он бросился к ее ногам и стал целовать их, проли-

вая обильные слезы и глядя на нее с выражением печали и любви. Он не смел мычать, боясь испугать прекрасную Амасиду. Он не мог говорить. Он был лишен слабого употребления языка, дарованного небом некоторым животным, но зато все его поступки были красноречивы. Он очень понравился царевне. Она почувствовала, что небольшое удовольствие может ослабить на несколько минут жесточайшие страдания:

— Какое прекрасное животное, — сказала она, — я бы хотела его иметь в своей конюшне.

При этих словах бык бросился перед нею на колени и поцеловал землю.

— Он понимает меня, — сказала царевна, — он показывает, что хочет принадлежать мне. Ах! Божественный маг, божественный евнух, доставьте мне это утешение и купите этого прекрасного херувима.* Он без сомнения принадлежит этой старухе, сговоритесь с ней о цене. Я хочу, чтобы это животное принадлежало мне, не откажите мне в этом невинном утешении.

Все придворные дамы присоединили свои неотступные просьбы к просьбе царевны. Мамбрес сжалился и пошел потолковать со старухой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Каким образом мудрый Мамбрес, бывший колдун фараона, узнал старуху и каким образом он был узнан ею

— Сударыня, — сказал он ей, — вы знаете, что девушки, и особенно царевны нуждаются

¹ Херув на халдейском и сирійском языках значит бык. (Прилеч. Вольтера).

в развлечениях. Дочь нашего царя без ума от вашего быка; я прошу продать его нам; вам заплатят наличными деньгами.

— Сударь, — отвечала старуха, — это драгоценное животное не принадлежит мне. Мне и всем зверям, которых вы видите, поручено стеречь его, наблюдать за всеми его поступками и отдавать в них отчет. Боже избави, чтобы я решилась продать это бесценное животное.

При этих словах Мамбрес почувствовал, что в его уме пробуждаются какие то смутные воспоминания, но никак еще не мог себе выяснить их. Он внимательно посмотрел на старуху в сером плаще.

— Почтенная дама, — сказал он ей, — если я не ошибаюсь, то мне кажется, что мы с вами уже встречались.

— А я так не ошибаюсь, — отвечала старуха, — я видела вас назад тому семьсот лет во время моего путешествия из Сирии в Египет, спустя несколько месяцев после разрушения Трои, когда в Тире царствовал Хирам, а древнем Египтом правил Нефель Керес.

— Ах, сударыня, — воскликнул старик, — вы стало быть знаменитая Аендорская волшебница. *

— А вы, милостивый государь, — отвечала, обнимая его волшебница, — вы значит великий египетский Мамбрес.

— О, нечаянная встреча! Достопамятный день! Неизбежная судьба! — сказал Мамбрес, — значит всемирное провидение предопределило нам встретиться с вами посреди этой равнины, на берегах Нила, близ великолепного города

Таниса. Неужели это вы, сударыня, столь прославленная на берегах вашего маленького Иордана и лучше всех в мире умеющая вызывать тени усопших?

— Неужели это вы, милостивый государь, такая знаменитость по части превращения жезлов в змей, дня в ночь и рек в кровь?

— Да, сударыня; но с летами я утратил часть моих познаний и моего могущества. Например, я не знаю, откуда у вас этот прекрасный белый бык, и что это за звери, которые стерегут его с вами?

Старуха возвела глаза к небу, собралась с мыслями и ответила ему следующим образом:

— Мой милый Мамбрес, мы с вами собратья по ремеслу, но мне строго запрещено рассказывать о том, что это за бык. Зато я могу доставить вам сведения насчет этих животных. Вы их легко узнаете по признакам, которые их характеризуют. Змей этот тот самый, который склонил Еву скушать яблоко и угостить им мужа; ослица эта на глухой дороге разговаривала с вашим современником Валаамом. Рыба эта, которая держит свою голову постоянно над водою, несколько лет тому назад проглотила Иону. Собака эта сопровождала ангела Рафаила и Товию во время их путешествия в Рагезы Мидийские, во времена великого Салманасара. * Козел этот искупляет грехи целого народа; ворон и голубь те самые, которые находились в Ноевом ковчеге, во время великого события и всемирной гибели, о которой никто еще на земле не имеет понятия. Теперь вам все известно. Но о быке я ничего не могу сказать вам.

Мамбрес почтительно выслушал все это и потом сказал ей:

— О, знаменитая волшебница! Бог открывает, что он хочет и кому хочет. Все эти звери, которым вместе с вами поручено стеречь белого быка, известны только вашей великодушной и прекрасной нации, которая сама по себе почти никому неизвестна. Чудеса, которые мы с вами совершали, возбудят когданибудь сомнение и негодование ложных мудрецов. К счастью, они найдут веру в истинных мудрецах, которые будут повиноваться пророкам в одной небольшой части света, а этого то только нам и надо.

Когда он произносил эти слова, царевна дернула его за рукав и спросила:

— Мамбрес, разве вы мне не купите этого быка?

Но маг, погруженный в глубокую задумчивость, ничего не ответил ей, и Амасида горько заплакала.

Затем она обратилась к старухе и сказала:

— Милая моя, заклинаю вас всем, что вам дорого в этом мире, вашим отцом, матерью, кормилицей, которые, вероятно, еще живы, продать мне не только вашего быка, но и голубя, который, как мне кажется, очень привязан к нему. Других ваших зверей мне не нужно, но я способна захворать, если вы не продадите мне этого прекрасного белого быка, который будет единственной отрадой в моей жизни.

Старуха почтительно поцеловала край ее газового платья и сказала:

— Царевна, я не могу продать вам этого быка; это может подтвердить ваш знаменитый маг. Все, что я могу сделать в угоду вам, так это приводить его каждый день пастись близ вашего дворца. Вы можете ласкать его, кормить его сухарями и заставлять прыгать, сколько вам будет угодно. Но все таки он должен находиться постоянно на глазах у всех этих зверей, которые меня сопровождают, и которым поручено его стеречь. Если он не вздумает убежать, то они не причинят ему никакого вреда, но если он попробует опять разорвать свою цепь, что он сделал, как только увидел вас, то горе ему. Я не отвечаю за его жизнь. Эта огромная рыба непременно проглотит его и будет держать более трех дней в своем чреве; и эта змея, которая, быть может, кажется вам очень кроткой и любезной, тоже способна нанести ему смертельную рану.

Белый бык, который прекрасно слышал все, что говорила старуха, — он не мог только говорить, — с покорным видом принял все эти предложения.

Он лег к ее ногам, тихонько промычал и нежно посмотрел на Амасиду, как будто говоря ей: «Приходите иногда ко мне на травку».

Тогда змей сказал ей:

— Царевна, я вам советую слепо исполнять все то, что сказала вам старая девица из Аендора. Ослица также сказала несколько слов в подтверждение мнения змеи. Амасида была огорчена тем, что змей и ослица так хорошо говорят, а бык, у которого столь благородные и нежные чувства, не может выразить их.

— Увы, — прошептала она, — это точь в точь, как при дворе; там каждый день видишь, что красавицы молчат, а говорят только уроды.

— Этот змей совсем не урод, — сказал ей Мамбрес, — почем вы знаете: он, может быть, очень знатная особа.

Уже смеркалось, когда царевна должна была воротиться во дворец, дав себе обещание притти в этот самый час завтра. Придворные дамы были изумлены и ничего не понимали из того, что они видели и слышали. Мамбрес рассуждал. Царевна, вспомнив, что змей назвал старуху б а р ы ш н е й, предположила, что она — девственница, и почувствовала некоторую грусть, что она сама находится в таком же положении; грусть, достойную уважения, которую она столь же тщательно скрывала, как имя своего возлюбленного.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Каким образом прекрасная Амасида секретничала со змеем.

Прекрасная Амасида просила своих дам сохранить в тайне все, что они видели. Они обещали ей это и, действительно, в продолжение целого дня хранили тайну. Всякий поймет, что Амасида дурно спала в эту ночь. Необъяснимое очарование беспрестанно напоминало ей о прекрасном быке. Как только ей удалось остаться наедине с мудрым Мамбресом, она тотчас сказала ему:

— О, мудрец! Это животное вскружило мне голову,

— Моя голова тоже занята им, — ответил ей Мамбрес. — Я ясно вижу, что этот бык гораздо выше своей породы. Я вижу, что здесь скрывается какая то великая тайна, но боюсь, чтобы не случилось какогонибудь несчастья. Ваш отец Амасис жесток и подозрителен; это дело требует от вас величайшей осторожности.

— Ах! — сказала царица, — я слишком любопытна, чтобы быть осторожной; это единственная страсть, которая может существовать в моем сердце наряду с пылкой страстью к моему погибшему возлюбленному. Неужели мне нельзя узнать, что это за белый бык, возбуждающий во мне такое непонятное беспокойство?

— Сударыня, — ответил ей Мамбрес, — я уже признался вам, что знание мое уменьшается по мере того, как я стараюсь, но или я жестоко ошибаюсь, или же змею известно то, что вы так сильно хотите узнать. Он очень умен; он умеет ясно выражаться, и уже издавна привык вмешиваться в дамские дела.

— Ах! — сказала Амасида, — без сомнения это тот прекрасный египетский змей, который засунув хвост в рот, изображает вечность, который освещает мир, открывая глаза, и затмевает его — закрывая их.

— Нет, сударыня.

— Значит это змей Эскулапа? *

— Еще того менее.

— Может быть это Юпитер, принявший образ змея?

— Никак нет.

— Ах, так это ваш жезл, который вы некогда превратили в змея?

— Нет, сударыня, но все эти змеи родня между собою. Этот змей имеет прекрасную репутацию у себя на родине; он слывет там за самого умного змея, какого когда либо видели. Обратитесь к нему. Однако, я вас предупреждаю, что это весьма опасная затея. Если бы я был на вашем месте, то оставил бы их всех: быка, ослицу, змея, рыбу, собаку, козла, ворона и голубя, но вы увлечены страстью, и я могу только бояться за вас и жалеть вас.

Царевна упросила его доставить ей случай побеседовать наедине со змеем. Добрый Мамбрес согласился и погруженный попрежнему в размышления отправился к волшебнице. Он так вкрадчиво изъяснил ей желание царевны, что та согласилась.

Она сказала ему, что Амасида вольна ей приказывать, что змей хорошо знает свет, что он очень вежлив с дамами, ищет случаев угождать им и охотно явится на свидание.

Старый маг возвратился к царевне сообщить эту добрую весть; но он еще боялся какого-то несчастья и не переставал предостерегать ее:

— Ваше высочество, вы можете побеседовать со змеем, когда вам будет угодно, но помните, что ему надо льстить, ибо все животные самолюбивы, а тем более он. Говорят даже, что некогда, за свою страшную гордость он был изгнан из одного очень хорошего места.

— Я никогда не слыхала об этом, — ответила царевна.

— Охотно допускаю это, — сказал старик. Тогда он рассказал ей обо всех слухах, которые носились про этого знаменитого змея.

— Но, сударыня, как бы ни были странны его приключения, все-таки вы можете выпытать у него его тайну только посредством лести. В соседней нам стране про него рассказывают, что он некогда сыграл гнусную шутку с женщиной; стало быть, справедливо, чтобы женщина в свою очередь обманула его.

— Я сделаю все, что могу, — ответила царевна.

Итак она отправилась со своими придворными дамами и с добрым магом-евнухом. В это время старуха пасла своего белого быка довольно далеко. Мамбрес оставил Амасиду одну, а сам отправился поболтать с волшебницей. Статс-дама беседовала с ослицей, а компаньонки забавлялись с козлом, собакой, вороном и голубем. Большая рыба, которой все боялись, по приказанию старухи погрузилась в Нил. Змей тотчас же отправился навстречу к Амасиде в рошу, где и произошел следующий разговор:

З м е й. Вы не поверите, сударыня, как я горжусь честью, которою ваше высочество удостоили меня.

Ц а р е в н а. Милостивый государь, ваша слава, благородство вашего лица и блеск ваших глаз легко убедили меня искать этого свидания. Я слышала в обществе (я не знаю, правда ли это), что вы были великим вельможей в Эмпиреях.

З м е й. Правда, сударыня, что я занимал там довольно почетную должность. Утверждали, что я ничто иное, как попавший в опалу фаворит; слух этот распространился прежде всего в Индии. Браманы первые выдумали длинную исто-

рию моих приключений. Я не сомневаюсь, что северные поэты когда-нибудь сделают из них какую-нибудь странную эпическую поэму, ибо в сущности из них ничего другого сделать нельзя, но я еще не настолько унижен, чтобы не иметь на этой планете весьма значительных вотчин; я могу даже сказать, что почти вся земля принадлежит мне.

Ц а р е в н а. Я верю этому, сударь, ибо, говорят, будто вы имеете способность убеждать всякого, в чем вы хотите; а нравиться — и значит царствовать.

З м е й. Беседуя с вами, сударыня, я чувствую, что вы имеете надо мною ту же власть, которую мне приписывают над многими другими душами.

Ц а р е в н а. Я думаю, что вы великий сердцеед. Утверждают, что вы покорили многих женщин, и что первая, с которой вы начали, была наша общая мать, чье имя я позабыла.

З м е й. Меня, право, оклеветали. Она удостоила меня своим доверием, и я дал ей превосходный совет. По моему мнению, она и муж ее должны были досыта наесться плодами древа познания. Я думал угодить этим всемогущему. Дерево столь необходимое для человеческого рода, как мне кажется, было посажено вовсе не для того, чтобы не приносить никакой пользы. Разве творец хотел, чтобы ему служили невежды и глупцы? Разве не для того дан ум, чтобы просвещаться и совершенствоваться? Разве можно, не зная добра и зла, творить одно и избегать другого? Право, меня следовало бы поблагодарить.

Ц а р е в н а. Между тем говорят, что вам от этого пришлось плохо. Вероятно, с того времени столько министров были наказаны за то, что давали хорошие советы, и столько истинных мудрецов и великих людей были преследуемы за то, что проповедывали полезные человечеству истины.

З м е й. Никто, кроме моих врагов, сударыня, не мог передать вам этих сказок. Они постоянно кричат, будто я в опале при дворе. Напротив, я пользуюсь там величайшим доверием, что доказывается уже тем, что, по их собственному признанию, у меня спрашивали совета, когда дело шло о том, как бы испытать Иова, и что я, опять-таки, был призван, когда задумали обмануть некоего царька, по имени Ахава,¹ и на меня одного было возложено это поручение.

Ц а р е в н а. Ах, сударь, я не верю, чтобы вы созданы были лишь для обманов. Но так как вы до сих пор состоите в министерстве, то позвольте мне просить у вас одной милости: я надеюсь, что такой любезный вельможа не откажет моей просьбе.

З м е й. Сударыня, ваши просьбы — для меня закон. Приказывайте.

Ц а р е в н а. Умоляю вас, скажите, что это за прекрасный белый бык, внушивший мне какое-то непонятное чувство, которое трогает и пу-

¹ III книга Царств, XXII, 21 и 22. Бог сказал, что он обманет царя израильского Ахава, чтобы тот пошел в Рамот Галаадский и погиб там. Один дух приблизился, предстал перед богом и сказал ему: «Я обману его». А бог сказал ему: «Ты? Да, ты его обманешь и превозможешь его. Иди и сделай так».

(Примеч. Вольтера).

гает меня. Мне сказали, что вы будете настолько милостивы и дадите мне эти сведения.

З м е й. Сударыня, любопытство — необходимое свойство человеческого рода, в особенности же его прекрасной половины; без него люди коснели бы в самом постыдном невсжестве. Я всегда, по возможности, удовлетворял любопытству женщин. Меня обвиняют, будто я угождал им с целью сделать неприятность всемогущему. Но, клянусь, — единственное мое намерение — это оказать вам услугу, хотя старуха и должна была предупредить вас, что открытие этой тайны для вас не совсем безопасно.

Ц а р е в н а. Ах, именно это и подстрекает еще более мое любопытство.

З м е й. То же самое бывало со всеми очаровательными женщинами, которым я оказывал услуги.

Ц а р е в н а. Если вы сострадательны, если все существа должны оказывать друг другу помощь и, если вы жалеете несчастную, то не отказывайте мне.

З м е й. Вы раздираете мое сердце; придется сделать по вашему; не перебивайте только меня.

Ц а р е в н а. Обещаю вам это.

З м е й. Жил был молодой царь — красавец и молодец; он был влюблен и его любили...

Ц а р е в н а. Молодой царь! Красавец и молодец! Кто его любил? Как его звали? Сколько ему было лет? Что с ним случилось? Где он? Где его царство? Как его зовут?

З м е й. Ну вот, вы и перебили меня, а я едва успел начать. Берегитесь, если вы столь мало владеете собой, то вы погибли.

Царевна. Ах, извините, сударь, я впредь не буду так опрометчива, только ради бога продолжайте.

Змей. Этот великий царь, любезнейший и храбрейший из людей и победоносный во всех войнах, часто видел сны и, когда забывал их, то требовал от своих магов, чтобы те вспомнили и рассказали ему, и вешал их, когда им это не удавалось, что, впрочем, весьма справедливо.

Но вот уже семь лет, как он видел один прекрасный сон, который он позабыл при своем пробуждении; один молодой, но весьма ученый еврей объяснял ему этот сон, после чего любезный царь внезапно превратился в быка; потому что...

Царевна. Ах, это мой дорогой Наву...

Она не могла окончить и упала без чувств. Мамбрес, следивший за ними издали, видел, как она упала, и подумал сначала, что она уже умерла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Как хотели принести в жертву быка и произнести заклинание над царевной

Плача, подбежал к ней Мамбрес. Змей был растроган; он не мог плакать, но он жалобно шипел и восклицал: «Она умерла!» Ослица тоже повторяла: «Она умерла!» Ворон тоже вторил им; все прочие животные казались опечаленными, за исключением Иониной рыбы, которая всегда была безжалостна. Прибежавшие статс-дамы и фрейлины рвали на себе волосы. Белый бык, который пасся поблизости, услышав их вопли, побежал в рощу, волоча за собой старуху

и оглашая мычанием окрестность. Тщетно все дамы обливали умирающую Амасиду духами из роз, левкоя, мирты, бензоe, меккского бальзама, корицы, инбиря, гвоздики, мускатного ореха и амбры; она не подавала ни малейшего признака жизни; но как только почувствовала близ себя быка, то очнулась, еще свежее, прекраснее и оживленнее, чем когда-либо. Она целовала это прекрасное животное, которое печально пришло головой к ее алебастровой груди. Она называла его своим повелителем, своим царем, своим сердцеедом, своей жизнью. Она обвивала своими прекрасными руками его белую, как снег шею; легкая солома не так сильно льнет к янтарию, виноградная лоза к вязу и плющ к дубу. Слышен был нежный шопот ее вздохов; глаза ее то блестели нежным пламенем, то отуманивались драгоценными слезами, которые заставляет проливать любовь. Можно себе представить, в каком удивлении были статс-дамы и фрейлины Амасиды.

Возвратившись во дворец, они рассказали об этом странном приключении своим любовникам, каждая со своими собственными добавлениями, которые увеличивали необычайность этого приключения и способствовали разнообразию рассказов.

Когда узнал об этом Амасис, царь Таниса, то его царским сердцем овладел справедливый гнев. Таков был гнев Миноса, когда он узнал, что его дочь Пасифая расточала нежные ласки отцу Минотавра. Так содрогнулась Юнона, когда увидела своего мужа Юпитера, ласкающего прекрасную телку Ио, дочь реки Инаха. Амасис

приказал запереть Амасиду в ее покоях и поставить у дверей стражу из черных евнухов, а затем, собрал свой тайный совет.

Великий маг Мамбрес попрежнему председательствовал в этом совете, но уже не пользовался прежним влиянием. Все министры решили, что белый бык колдун и оборотень, тогда как в сущности он сам был заколдован; но при дворе постоянно ошибаются в подобных щекотливых вопросах.

По большинству голосов решили произнести заклинание над царевной и принести в жертву быка со старухой.

Мудрый Мамбрес не хотел перечить мнению царя и совета. Но так как ему принадлежало право произносить заклинания, то он мог отложить их под благовидным предлогом. Бог Апис только что опочил в Мемфисе,—известно, что божественный бык умирает, как и всякий другой. В Египте было запрещено заклинать кого бы то ни было, пока не отыщется другой бык, который бы заменил покойного.

Итак, совет решил подождать избрания в Мемфисе другого быка. Добрый старец Мамбрес чувствовал, какой опасности подвергалась его прекрасная царевна; он знал, кто был ее возлюбленным. Слово «Наву», которое вырвалось у нее, открыло всю тайну взорам мудреца.

Мемфисская династия ¹ принадлежала тогда вавилонянам; они сохраняли ее, как остаток

¹ Династия собственно значит в л а с т ь. Итак можно употребить это слово, несмотря на насмешки Ларше. Династия происходит от финикийского слова д у н а р т и Ларше—невежда, незнающий ни финикийского языка, ни сирийского, ни языка коптов. (*Примеч. Вольтера*).

своих прежних побед, которые они одержали в царствование самого великого царя в мире, заклятым врагом которого был Амасис. Мамбресу нужна была вся его мудрость, чтобы совладать со всеми препятствиями. Если бы Амасис узнал, кто был возлюбленным его дочери, он предал бы ее смерти, как он в том поклялся. Великий, молодой и красивый царь, любимый царевной, свергнул с престола ее отца, который только около семи лет назад возвратил себе Танисское царство, т. е. с тех пор, как исчез неизвестно куда обожаемый монарх, победитель и кумир всех народов, нежный и великодушный возлюбленный прекрасной Амасиды. Но если бы принесли в жертву быка, то прекрасная Амасида непременно умерла бы с отчаяния.

Что мог предпринять Мамбрес в столь трудных обстоятельствах? Выйдя из совета, он тотчас же пошел навестить свою питомицу и сказал ей:

— Прекрасное дитя мое, я буду служить вам; но повторяю еще раз; если вы когда-нибудь произнесете имя вашего возлюбленного, то вам перережут горло.

— Ах! Что мне до моего горла, — сказала прекрасная Амасида, — если мне нельзя будет обнимать шею Навухо... Мой отец злой человек. Он не только отказал в моей руке прекрасному государю, которого я обожаю, но, кроме того, объявил ему войну и, когда был побежден моим возлюбленным, то нашел тайный способ превратить его в быка. Какая страшная злоба! Право, если бы отец не был моим отцом, то я не знаю, что бы я с ним сделала.

— Это не ваш отец сыграл с ним эту жестокую шутку, — сказал мудрый Мамбрес, — а палестинец, один из наших старинных врагов, житель небольшой страны, одной из тех, которые покорил ваш могущественный возлюбленный, чтобы установить в них порядок. Эти превращения не должны вас удивлять; вы знаете, что в старину я проделывал фокусы и почище этих; они вовсе не были редкостью в наше время, хотя теперь им дивятся ученые. Истинная история, которую мы с вами проходили, повествует нам, что царь Аркадии Ликаон был превращен в волка. Прекрасная Калисто была превращена в медведицу; Ио, дочь Инаха, и наша уважаемая Исида — в коров; Дафна — в лавр; Сиринкс — во флейту.* Разве не превратилась бедная Юдифь, жена Лота, лучшего и добрейшего из отцов, в большую, очень красивую и весьма пикантную соляную статую, которая сохранила все признаки своего пола и правильно имеет месячные очищения,¹ как свидетельствуют о том великие люди, которые ее видели. В моей молодости я был свидетелем этого превращения. Я видел пять могущественных городов, превратившихся вдруг в прекрасное озеро в самой сухой и самой бесплодной стране. Во время моей молодости на каждом шагу случались превращения. Наконец, если примеры могут облегчить вашу печаль, то припомните, сударыня, что Венера превратила Керастов* в быков.

¹ Об этом говорит Тертуллиан в своей поэме «Содом». Также св. Приней, книга IV.

(Примеч. Вольтера).

— Я знаю это, — сказала несчастная царевна, — но разве примеры утешают? Если бы мой возлюбленный умер, то неужели меня утешало бы то, что все люди смертны?

— Ваша печаль может прекратиться, — сказал мудрец, — и так как ваш нежный возлюбленный превратился в быка, то отчего бы ему не превратиться снова в человека. Что касается меня, то мне следовало бы превратиться в тигра или крокодила, если только не употреблю всей оставшейся еще у меня власти, дабы помочь царевне, достойной обожания всего мира, моей прекрасной Амасиде, которую я выростил на своих глазах и которой злая судьба посылает такие жестокие испытания.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Как мудро поступил мудрый Мамбрес

Божественный Мамбрес, преподав царевне все необходимые утешения и не утешив ее ни сколько, тотчас побежал к старухе:

— Дорогая подруга, — сказал он ей, — ваше ремесло прекрасно, но оно очень опасно; вы рискуете быть повешенной, а бык ваш может быть сожжен, утоплен или съеден. Я не знаю, что сделают с вашими другими зверями; хотя я и пророк, но я очень мало знаю; спрячьте только хорошенько змея и рыбу; пусть первая не высовывает голову из воды, а второй не покидает своей норы. Я помещу быка в одной из моих деревенских конюшен; вы можете находиться при нем, ибо вы говорите, что вам запрещено оставлять его. Козел отпущения, при

случае, может стать искупителем всех наших грехов, которые мы взвалим на него и отправим вместе с ним в пустыню; он привык к этому обряду, который не причиняет ему никакого вреда, а известно, что стоит ему прогуляться, и грехов как не бывало. Я только прошу вас немедленно одолжить мне проворную борзую собаку Товии, ослицу Валаама, которая бежит лучше дромадера, а также ворона и голубя из ковчега, которые тоже обладают необычайно быстрым полетом. Я хочу послать их всех в Мемфис по одному весьма важному делу.

Старуха ответила магу:

— Милостивый государь, вы можете распорядиться, как вам угодно, собакой Товии, ослицей Валаама, вороном и голубем из ковчега и козлом отпущения, но бык не может ночевать в конюшне. Сказано, что он, будет, привязанный к стальной цепи и увлажяемый росой, щипать зеленую траву и что доля его «будет с дикими зверями». Мне его поручили, и я должна повиноваться. Что подумают обо мне Даниил, Езекииль и Иеремия, если я поручу моего быка кому-нибудь чужому? Я вижу, что вы знаете тайну этого диковинного животного; мне нечего упрекать себя, что я открыла вам ее. Я уведу его из этой нечистой страны к озеру Сирбон, далеко от жестокого царя танисского. Рыба и змей будут защищать меня; я никого не боюсь, когда служу моему господину.

Мудрый Мамбрес ответил ей:

— Милая моя, да будет воля божия. Только бы я мог отыскать снова белого быка, а мне все равно, будет ли он у озера Сирбона, озера Ме-

рида или Содомского озера; я хочу сделать ему голько добро и вам также. Но зачем упомянули вы о Данииле,¹ Езекииле и Иеремии?

— Ах, сударь, вы не хуже меня знаете, какое участие принимали они в этом важном деле; но мне нет времени разглагольствовать; я вовсе не желаю быть повешенной и не хочу также чтобы утопили, сожгли или съели моего быка. Я уйду с моей рыбой и змеем через Каноп к озеру Сирбон. Прощайте.

Бык задумчиво следовал за ней, выразив сперва своему благодетелю Мамбресу должную благодарность.

Мудрый Мамбрес жестоко беспокоился. Он хорошо видел, что Амасис, царь Таниса, в отчаянии от безумной страсти своей дочери к этому животному и думая, что она околдована, велит преследовать повсюду несчастного быка, которого или сожгут, как колдуна, на площади Таниса, или бросят Иониной рыбе, или зажарят и подадут на стол. Но он хотел во что бы то ни стало избавить царевну от этой неприятности. Он написал письмо великому Мемфисскому первосвященнику, своему другу, священными буквами, на египетской бумаге, которая тогда еще не вошла в употребление.

Вот что он писал ему:

«Свет мира, наместник Исиды, Озириса и Гора, глава обрезапцев, вы, чей престол стоит по справедливости выше всех других престолов, — я слышал, что ваш бог, бык Апис, умер. У меня есть другой к вашим услугам. Поспешите с вашими жрецами признать его, покло-

¹ Даниил, V.

ниться ему и отвести его в стойла вашего храма. Да сохранит вас свято и достойно Изида, Озирис и Гор, и вас, господа священники Мемфиса, да сохранят свято.

Ваш искренний друг *Мамбрес*».

Он снял на всякий случай четыре копии с этого письма и положил их в футляр из крепчайшего черного дерева, затем призвал к себе четырех гонцов, которых он избрал для этой цели, и сказал ослице:

— Я знаю, как верно служили вы Валааму, моему собрату, послужите также и мне. Вы перегоните любого великана; так отправляйтесь же, милая, отдайте письмо в собственные руки и возвращайтесь скорее назад.

Ослица отвечала ему:

— Как я служила Валааму, так буду служить и вам, сударь; пойду и возвращусь.

Мудрец положил ей в рот футляр из черного дерева и она пустилась, как стрела.

Затем он подозвал к себе собаку Товии и сказал ей:

— Верная собака, ты на бегу проворнее Ахилла быстроногого, я знаю, что ты сделала для Товии, сына Товита, когда ты и ангел Рафаил провожали его из Ниневии в Рагез Мидийский и из Рагеза в Ниневию и, когда он нес своему отцу десять талантов, которые одолжил раб Товит рабу Гаваилу, ибо эти рабы были очень богаты. Снеси по адресу это письмо, которое стоит много дороже десяти талантов.¹

¹ Двадцать тысяч экю французскими деньгами по нынешнему курсу. III Царств, XVIII.

(Примеч. Вольтера)

Собака отвечала ему:

— Милостивый государь, если я прежде служила гонцом Рафаилу, то равным образом могу быть и вашим комиссионером.

Мамбрес сунул ей в зубы письмо и затем обратился к голубю, который отвечал ему:

— Сударь, если я принес ветвь в ковчег, то равным образом принесу и ответ вам.

Он взял письмо в свой клюв. Минуту спустя все они исчезли из виду.

Потом Мамбрес сказал ворону:

— Я знаю, что вы питали великого пророка Илью, когда он скрывался близ Каритского потока, столь знаменитого по всей земле. Вы приносили ему каждый день хороший хлеб и жирных пулярдок, а я прошу вас только снести это письмо в Мемфис.

Ворон отвечал ему следующее:

— Правда, я каждый день приносил обед великому пророку Илье, которого видел впоследствии поднимающимся на воздух на огненной колеснице, влекомой четырьмя огненными конями, хотя это было и не совсем в порядке вещей, но я всегда брал себе половину обеда. Я охотно снесу ваше письмо, если вы согласитесь два раза в день до сыта кормить меня и если вы мне заплатите вперед наличными деньгами за мою работу.

Разгневанный Мамбрес сказал этой птице:

— Обжора и негодяй! Я не удивляюсь тому, что Аполлон сделал тебя из белого, как лебедь, черным как крот, когда на равнинах Фессалии ты предал прекрасную Коронису, мать Эскулапа. * Но скажи ты мне, ел ли ты каждый день

мясо и пулярдок в продолжение десяти месяцев, проведенных тобою в ковчеге?

— Мы там очень недурно питались, сударь, — ответил ворон. — Все пернатые моей породы получали там два раза в день жаркое. Коршуны, ястребы, орлы, сарычи, голубятники, филины, кобчики, соколы, совы и бесчисленное множество хищных птиц питаются одним мясом. Еще лучше кормили там львов, леопардов, тигров, барсов, бобров, гиен, волков, медведей, лисиц, куниц и всех плотоядных четвероногих. В ковчеге находились восемь знатных и единственных оставшихся на земле особ, на которых лежали заботы о нашем столе и гардеробе; то был Ной с его супругой, которым еще не было и шестисот лет, и их три сына с женами. Приятно было видеть, с каким тщанием и опрятностью наши восемь слуг подавали кушанья более нежели чем четырем тысячам гостей, обладавших величайшим аппетитом. Я уж не говорю о десяти или двенадцати тысячах других животных, начиная от слона и жирафа и кончая шелковичными червями и мухами, которые требовали еще больших забот. Меня удивляет только, что наш поставщик Ной неизвестен тем народам, которые от него происходят, хотя, в сущности, мне до этого нет дела. Мне уже случалось присутствовать на подобном празднике у царя Ксисутра.¹ Такие вещи

¹ Бороз, халдейский писатель, действительно рассказывает, что такой случай был при царе Ксисутре, но он был еще чудеснее, ибо его ковчег был в пять стадий в длину и две стади в ширину. Между учеными поднялся большой спор о том, кто из них древнее, дарь Ксисурт или Ной.

(Примеч. Вольтера)

случаются от времени до времени для поучения воронов. Короче говоря, я хочу хорошо поесть и получить изрядную сумму деньгами.

Мудрый Мамбрес остерегся дать свое письмо такой требовательной и болтливой птице. Они расстались весьма недовольные друг другом.

Между тем надо было выяснить, что будет с прекрасным быком, и не терять из виду старуху и змея. Мамбрес приказал верным и умным слугам следовать за ними, а сам уселся в свои носилки и, не переставая размышлять, отправился вдоль по берегу Нила.

— Как это согласить, — говорил он про себя, — что змей, будучи властелином почти всей земли, как он хвастается и как признают многие ученые, сам, между тем, повинует старухе? Каким образом призывают его иногда там, наверху, между тем, как он пресмыкается на земле? За чем, благодаря своим собственным достоинствам, постоянно вселяется он в людей, а столь многие мудрецы изгоняют его из них, как они утверждают, — одними словами? Наконец, каким образом маленький народец, живущий по соседству с нами, считает его губителем рода человеческого, между тем, как последний ничего не знает об этом? Я очень стар, я учился всю жизнь, но я вижу здесь только одни противоречия, которых никак нельзя согласить. Я не мог бы объяснить теперь ни того, что со мною случалось, ни тех великих вещей, которые я некогда творил, ни тех великих вещей, которые некогда видел. Рассмотрев все хорошенько, я начинаю предполагать, что этот мир живет одними противоречиями. Regum con-

cordia discors,¹ как говорил некогда на своем языке мой учитель Зороастр.

Между тем, как он был погружен в эту метафизику, очень темную, как и всякая метафизика, к берегу подплыла небольшая лодка с гребцами, распевавшими разгульную песню. Из нее вышли три степенные особы, едва прикрытые грязными и рваными лохмотьями, но сохранившие, несмотря на эту ливрею нищеты, чрезвычайно величественный и важный вид. Это были Даниил, Иезекииль и Иеремия.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Как встретил Мамбрес трех пророков и как он угостил их хорошим обедом

Эти три великих мужа, лица которых были озарены светом пророчества, признали мудрого Мамбреса за одного из своих братьев по некоторым оставшимся еще у него лучам этого света и пали ниц пред его носилками. Мамбрес тоже признал в них пророков, но скорее по одежде, нежели по огненным лучам, которые исходили от их величественных голов. Он догадался, что они пришли за сведениями о белом быке; и со своей обычной осторожностью вышел из своего экипажа и вежливо, но с достоинством сделал несколько шагов к ним навстречу.

Подняв их, он велел разбить палатки и приготовить обед, в котором пророки, очевидно, нуждались.

¹ Гораций, I, послание XI, стих 19: «Согласие в ведах вызывает несогласие среди людей».

Он велел пригласить также и старуху, которая опередила его всего на какие-нибудь пятьсот шагов. Она приняла его приглашение и воротилась, ведя за собою на цепи белого быка.

Подали два супа, один раковый, другой алярьень; в качестве холодных закусок фигурировали паштет из карповых языков, печень налимов и щук, дыплята, начиненные фисташками, молодые голубки с трюфелями и оливками, две индейки с отваром из раков, груздей и сморчков; на жаркое были поданы молодые фазаны, молодые куропатки, рябчики, перепелки и овсянки с четырьмя салатами. В середине обеда подавали рагу, приготовленное по последней моде; десерт поражал своим великолепием, пышностью и замысловатостью.

Впрочем, осторожный Мамбрес позаботился о том, чтобы за этим обедом не подали ни кусочка вареной говядины, ни филей, ни бычачьего языка, ни коровьего вымени, опасаясь, как бы злополучный монарх, издали наблюдая за обедом, не подумал, что его хотят оскорбить.

Этот великий и несчастный государь щипал траву по близости палатки. Никогда еще не чувствовал он так жестоко рокового переворота, лишившего его престола на целые семь лет. «Увы, — говорил он сам себе, — этот Даниил, который обратил меня в быка, и эта колдунья-прорицательница, которая меня стережет, угощаются теперь превосходнейшим обедом, а я, властитель Азии, принужден жевать сено и пить воду».

Много было выпито енгадийского, тадморского и ширазского вина. Наконец, когда про-

роки и прорицательница были уже немного навеселе, беседа сделалась откровеннее, нежели при начале обеда.

— Признаюсь, — сказал Даниил, — что мне не случилось так хорошо угощаться, когда я был во рву львином.

— Как, сударь, вы сидели во львином рву; и вас не сожрали львы?

— Милостивый государь, — отвечал Даниил, — вы должны знать, что львы не едят пророков.

— Что касается меня, — сказал Иеремия, — то я всю мою жизнь умирал с голоду; сегодня мне в первый раз удалось хорошенько пообедать. Если бы мне пришлось снова родиться и если бы мне позволили самому выбирать себе профессию, то признаюсь, я во сто раз охотнее пожелал бы быть вавилонским генерал-контролером или епископом, чем иерусалимским пророком.

Иезекииль сказал:

— Однажды мне приказано было в продолжении целых трех сот девяноста дней спать на левом боку и питаться все это время хлебом из ячменя, проса журавлиного, гороха, бобов и пшеницы, покрытым... я не смею сказать чем. Все, что я мог выпросить, это чтобы мне позволили покрывать его вместо того только коровьим калом. Признаюсь, угощение господина Мамбреса приятнее. Однако ремесло пророка все-таки не дурно, ибо столько людей берется за него.

— Кстати, — сказал Мамбрес, — объясните мне, что разумеете вы под вашей Оголой и под

вашей Оголивой, которые так уважали коней и ослов?

— Ах, — ответил Иезекииль, — это только цветы риторики.

После этих откровенных излияний Мамбрес заговорил о деле. Он спросил у трех странников, зачем они пришли во владения царя Таниссского. Ему ответил Даниил; он сообщил, что в вавилонском царстве с того времени, как исчез Навуходоносор, начались страшные беспорядки, что по обыкновению двор поднял гонение против всех пророков, что им в течение их жизни приходилось то видеть царей у своих ног, то получать от них удары кнутом; что, наконец, они были вынуждены удалиться в Египет, дабы избежать побиения камнями. Иезекииль и Иеремия также очень долго изъяснялись на прекрасном, но едва понятном языке. Что касается волшебницы, то она неустанно следила за своим быком. Рыба Ионы плавала в Ниле против палатки, а змей ревился на травке.

После кофе пошли прогуляться по берегу Нила. Тут бык заметил трех пророков, своих врагов, и со страшным мычаньем набросился на них и стал бить их своими рогами. А так как у пророков, одни кости да кожа, то он проколол бы их насквозь и умертвил бы их. Но всемогущий, который все видит и все охраняет, тотчас же превратил их в сорок и они продолжали трещать, как ни в чем не бывало. То же самое случилось впоследствии с Пиеридами.* До такой степени басня подделывается под историю.

Новое обстоятельство навело на новые размышления мудрого Мамбреса. «Вот, — говорил он — три великих пророка, превращенные в сорок; это учит нас не говорить лишнего и сохранять постоянно приличное благоразумие». Он заключил из этого, что мудрость лучше красноречия, и по своей привычке углубился в размышления, как вдруг его поразило величественное и ужасное зрелище.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Прибытие царя Танисского. Его дочь и бык будут принесены в жертву

С юга на север неслись облака пыли, слышался звук барабанов, труб, флейт, гуслей, цитр, самвигов и приближались многочисленные эскадроны и батальоны, впереди которых скакал на лошади, покрытой красным чепраком, затканным золотом, царь танисский Амасис, между тем как вестники провозглашали:

— Пусть возьмут белого быка, свяжут и бросят его в Нил на съедение Иониной рыбе, ибо наш царь, справедливый повелитель, хочет отомстить белому быку, околдовавшему его дочь».

Добрый старец Мамбрес размышлял теперь более чем когда либо. Он хорошо понял, что злобный ворон пересказал все царю, и что царица находится в смертельной опасности. Он сказал змею:

— Мой дорогой друг, отправьтесь поскорей утешить прекрасную Амасиду, мою воспитанницу, передайте ей, чтобы она ничего не боялась, да расскажите ей при этом какую-нибудь

сказку, дабы успокоить ее, ибо сказки всегда забавляют девушек и только при помощи сказок можно преуспеть в большом свете.

Затем он преклонился перед Амасисом, царем Таниса, и сказал ему:

— О, царь, царствуйте вечно! Белый бык должен быть принесен в жертву, ибо ваше величество всегда правы; но всемогущий сказал: «Этот бык не должен быть съеден рыбою Ионы ранее, чем Мемфис найдет другого быка на место умершего бога». Тогда вы отомстите за себя, а над дочерью вашей будет произнесено заклинание, потому что она одержима бесом. Вы слишком благочестивы, чтобы послушаться приказаний всемогущего.

Амасис, царь Таниса, сперва глубоко задумался, потом промолвил:

— Бык Апис умер; бог да примет его душу. Как скоро думаете вы найти другого быка, чтобы господствовать над плодородным Египтом?

— Ваше величество, — сказал Мамбрес, — я прошу у вас только восемь дней.

Царь, который был очень набожен, ответил ему:

— Хорошо, я и сам проведу здесь эти восемь дней, после чего я принесу в жертву соблазна: теля моей дочери.

И он приказал раскинуть палатки, явиться поварам, музыкантам и остался на восемь дней в этом месте, как об этом сказано у Манефона.*

Старуха пришла в отчаяние, видя, что быку, которого она стерегла, остается только восемь

дней жизни. По ее приказанию царю каждую ночь являлись видения, чтобы отвратить его от жестокого замысла; но царь при пробуждении забывал о призраках, которых он видел ночью, подобно тому, как Навуходonosор забывал свои сны.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Какие сказки рассказывал змей царевне, чтобы ее утешить

Между тем змей рассказывал прекрасной Амасиде разные истории, чтобы усладить ее печаль. Он ей рассказывал, как исцелился некогда целый народ от укушения небольших змей, тем только, что взирал на их изображение, вздернутое на палку. Он рассказывал ей о победах одного героя, который составлял прекрасную противоположность с Амфионом, * зодчим Фив Беотийских. Этот Амфион звуками скрипки заставлял двигаться гранитные камни. Ему достаточно было одного ригодена и одного менуэта, чтобы выстроить город. Между тем как его соперник разрушал города звуками пастушеской свирели; кроме того он повесил тридцать одного могущественного царя, которые царствовали в области в четыре мили длиною и столько же шириной; он приказал падать с неба огромным камням на бегущий перед ним отряд врагов и истребив их таким образом, среди белого дня, остановил солнце и луну, чтобы истребить их еще раз между Гаваоном и Адиалоном на Бефоронской дороге, по примеру Бахуса, который остановил солнце и луну во время своего путешествия в Индию.

Благоразумие, которым должны отличаться все змеи, не позволило ему рассказать прекрасной Амасиде о могущественном незаконнорожденном Иеффае, * который зарезал свою дочь только потому, что выиграл битву: он боялся привести прекрасную царевну в отчаяние; но он сообщил ей о похождениях великого Самсона, который избил ослиною челюстью многие тысячи филистимлян, связывал хвостами по тысяче лисиц и, несмотря на то, попал все-таки в сети одной девицы, которая уступала прекрасной Амадиде и в красоте, и в любви, и в верности.

Он рассказал ей про несчастные любовные похождения Сихема с миленькой шестилетней Диной * и про более счастливые похождения Вооза с Руфью, * Иуды с его невесткой Фамарью, * Лота с его двумя дочерьми, которые никак не хотели, чтобы род человеческий пресекался, Авраама и Иакова с их служанками, * Рузима с его матерью, Давида с Вирсавией, * великого царя Соломона с его наложницами, словом сказать — не упустил ничего, что только могло развеселить прекрасную царевну.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О том, как змей не мог утешить царевну.

— Все эти рассказы мне наскучили, — начала прекрасная Амасида, которая одарена была умом и вкусом. — Их только может рассказывать ирландцам этот сумасшедший Абадия, * или вельхам этот краснобай д'Отвилль. * Сказки, которые рассказывались пращуру пра-

щура мой бабушки, не могут быть хороши для меня, воспитанной мудрым Мамбресом, читавшей рассуждение «О человеческом разуме» египетского философа по имени Локка и «Эфесскую матрону».* По моему всякая сказка должна иметь некоторое правдоподобие и не походить на какой-то бред. В ней не должно встречаться ни пошлостей, ни нелепостей. К тому же под покровом вымысла она должна представлять опытному глазу какую-нибудь тонкую истину, незаметную для дюжинных людей. Мне наскучили солнце и луна, которыми может распоряжаться по своему произволу какая-нибудь старуха, мне надоели эти танцующие горы, эти переменяющие свое течение реки, эти оживающие трупы; особенно противна бывает мне эта чепуха, когда она написана надутым и непонятым слогом. Если вы понимаете, какое нужно развлечение девушке, которая боится, что возлюбленного ее проглотит огромная рыба, а самой ей родной отец перережет горло, то постарайтесь развлекать меня по моему вкусу.

— Вы возлагаете на меня весьма трудную обязанность, — ответил змей. — Когда-то я мог бы доставить вам несколько приятных минут, но с некоторых пор я потерял и живость воображения и память. Увы, где то время, когда я забавлял девушек. Но попробуем, однако, не могу ли я вспомнить какую-нибудь нравственную историйку, чтобы угодить вам.

— Двадцать пять тысяч лет тому назад в сто-
вратных Фивах царствовал царь Гнаоф и ца-
рица Патра. Царь Гнаоф был прекрасен собой,

а царица Патра еще лучше; но детей у них все-таки не было. Царь Гнаоф предложил награду тому, кто придумает лучший способ для продолжения царского рода. Медицинский факультет и хирургическая академия представили прекрасные трактаты об этом столь важном вопросе; но ни одно из предложенных средств не имело успеха. Послали царицу на воды; она служила молебны каждые девять дней; она жертвовала много денег в храм Юпитера-Аммона, по имени которого назван аммонияк; но все было бесполезно. Наконец к царю явился один молодой двадцатилетний священник и сказал ему: «Ваше величество, я знаю очень могущественное заклинание, которое произведет то, чего так сильно желает ваше величество. Мне только надо наедине побеседовать с вашей супругой; и если она не сделается плодovitой, то я согласен, чтобы меня повесили». «Я принимаю ваше предложение», сказал царь Гнаоф. Царицу и священника оставили не более, как на четверть часа наедине. Царица забеременела, а царь хотел повесить священника.

— Ах, полноте, — сказала царица, — я вижу, к чему это ведет: это слишком обыкновенная история; я вам скажу даже, что она оскорбляет мою скромность. Расскажите мне лучше какую-нибудь вполне правдивую, доказанную и нравственную историю, которой я никогда не слыхала и которая способна окончательно образовать мой ум и сердце, как говорит египетский профессор Линро.*

— Вот одна из числа самых достоверных, сударыня, — сказал прекрасный змей.

«Жили были три пророка, все они были одинаково честолюбивы и недовольны своим ремеслом. Они страшно желали сделаться царями, потому что от пророка до монарха всего только один шаг, а человек постоянно стремится пройти все ступени к счастью. Впрочем, их вкусы и удовольствия были различны. Первый прекрасно проповедывал своей меньшей братии, которая ему рукоплескала; второй сходил с ума от музыки; а третий страстно любил женщин. Однажды они сидели за столом и беседовали о приятностях королевского звания, как вдруг явился им ангел Итуриил.

« — Всемогуший посылает меня к вам, — сказал им ангел, — чтобы вознаградить вас за вашу добродетель. Вы не только будете царями, но постоянно будете удовлетворять вашим господствующим страстям. Вас, первый пророк, я делаю египетским царем, и вы будете постоянно заседать в нашем совете, который будет рукоплескать вашему красноречию и вашей мудрости; вам, второй пророк, достанется царство персидское, и вы постоянно будете слушать божественную музыку; а вас, третий пророк, я делаю царем индийским и даю вам прекрасную любовницу, которая никогда вам не изменит.

«Тот, который получил в удел Египет, тотчас же собрал свой тайный совет, который состоял всего только из двух сот мудрецов. Он произнес перед нами длиннейшую речь, как того требовал этикет, ему громко рукоплескали, и монарх с искренним удовольствием услышал похвалы себе, которые не исказались никакою лестью.

«За тайным советом следовал совет иностранных дел. Он был гораздо многочисленнее, и новая речь царя удостоилась еще больших похвал. То же было и с другими советами. Пророк, сделавшийся царем Египта, ни на минуту не отдыхал от своих удовольствий и славы. Вся земля узнала о его красноречии.

«Пророк, сделавшийся царем персидским, прежде всего велел учредить итальянскую оперу, в хорах которой участвовали полторы тысячи евнухов. Голоса их умиляли его до мозга костей. Эту оперу сменила другая, вторую — третья, и так далее без конца.

«Индийский царь заперся со своею любовницею и всецело предался сладострастью. Он считал верхом блаженства то, что ему надо было ласкать ее, и от души сожалел своих двух собратьев, из которых один должен был постоянно заседать в совете, а другой — слушать разные оперы.

«Через несколько дней каждый из них увидел в окне нескольких дровосеков, прямо из питейного дома отправлявшихся в соседний лес рубить дрова. Каждый из них вел под руку свою нежную подругу, которой он при случае мог поменяться. Наши цари просили Итурила походатайствовать за них перед всемогущим, чтобы тот сделал их дровосеками».

— Я не знаю, — перебила его нежная Амасида, — исполнил ли их просьбу всемогущий, и, по правде сказать, мало этим интересуюсь; но я знаю только, что я бы уж ни у кого ничего не просила, если бы меня заперли наедине с моим возлюбленным, дорогим Навуходоносором.

Дворцовые своды огласились этим великим именем. Сначала Амасида произнесла только *На*, потом *Наву*, после *Навухо*. Но наконец страсть превозмогла, и она произнесла целиком рсковое имя, несмотря на клятву, данную царю, ее отцу. Все придворные дамы повторили за нею *Навуходоносор*, а злой ворон поспешил уведомить об этом царя. Лицо таниссского царя Амасиса помрачнело, и сердце его наполнилось смятением. Таким-то образом змей, бывший самым благоразумным и самым проникательным из животных, всегда причинял зло женщинам, думая, что он делает им добро.

Разгневанный Амасис тотчас же послал за своею дочерью Амасидою двенадцать альгвазилов, которые всегда готовы исполнять все бесчеловечные приказания царей и которые оправдываются тем, что «за это нам платят».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О том, как хотели зарезать царевну и как ее не зарезали

Когда трепещущая царевна явилась в стан царя, своего родителя, он сказал ей:

— Дочь моя, вы знаете, что всех царевен, непокорных своим отцам, присуждают к смерти, иначе не было бы в государстве хорошего правления. Я запретил вам произносить имя вашего возлюбленного и моего непримиримого врага *Навуходоносора*, который назад семь лет свергнул меня с престола и исчез потом с лица земли. Вы избрали вместо него белого быка и кричали во всеуслышание «*Навуходоносор*».

Следовательно, по всей справедливости я должен перерезать вам горло.

Царевна отвечала ему:

— Отец мой, да будет ваша воля, но дайте мне время оплакать мою девственность.

— Это справедливо, — сказал царь Амасис, — этот закон установлен у всех просвещенных и благоразумных царей. Я даю вам целый день на оплакивание вашей девственности, ибо вы говорите, что вы еще девственница. Завтра, т. е. на осьмой день моего пребывания в этом лагере, я прикажу рыбе проглотить белого быка, а в девять часов утра перережу вам горло.

Прекрасная Амасида пошла со своими придворными дамами к Нилу оплакивать все, что сохранилось от ее девственности, а мудрый Мамбрес размышлял подле нее и считал часы и минуты.

— Что же, милый Мамбрес, — сказала она ему, — по преданию вы превращали воды Нила в кровь, а между тем не можете изменить сердце Амасиса, моего отца, царя танисского. Неужели вы позволите ему перерезать мне горло завтра в девять часов утра?

— Это будет зависеть от проворства моих гонцов, — отвечал погруженный в размышления Мамбрес.

На следующий день, едва тени обелисков и пирамид отметили на земле девятый час, как белого быка связали, чтобы бросить Иониной рыбе, а царю принесли его большую саблю. «Увы! — подумал в глубине своего сердца Навуходоносор, — я царь, а между тем почти уже

семь лет как обращен в быка, и едва только удалось мне отыскать мою возлюбленную, как меня отдают на съедение рыбе».

Никогда Мамбресу не приходилось так много размышлять. Он был еще углублен в свои печальные мысли, как вдруг увидел вдали то, чего ожидал. Приближалась многочисленная толпа. Сто мемфисских сенаторов несли на золотых, украшенных драгоценными камнями носилках три соединенные вместе изображения Осириса, Исиды и Гора; перед ними шли сто девиц, игравших на священных систрах. Четыре тысячи бритых и увенчанных цветами священников ехали верхом на бегемотах. Дальше с таким же великолепием следовали фиванская овца, собака Бубастиса, кошка Фебеи, арсиноийский крокодил, мендесский козел и все низшие боги Египта, которые пришли поклониться великому быку, богу Апису, столь же могущественному, как Исида, Осирис и Гор, взятые вместе.

Посреди всех этих полубогов, сорок священников несли огромную корзину, наполненную священными луковицами, которые хотя и не были богами, но очень походили на них.

С двух сторон этой вереницы богов, сопровождаемой многочисленным народом, шли сорок тысяч воинов со шлемами на головах, с широкими саблями у левого бедра, с колчанами на плечах и луками в руках.

Священники пели хором приятную мелодию, которая возвышала душу и трогала сердце:

**Умер великий бык,
Но воскреснет в сей радостный миг!**

И при каждой паузе раздавались звуки ситров, кастаньет, бубнов, гуслей, волюнок, арф и самвиков

ГЛАВА ОДИННАЦАТАЯ

О том, как царица вышла за быка замуж

Царь Таниса, Амасис, пораженный этим зрелищем, не перерезал горла своей дочери и вложил снова свою широкую саблю в ножны. Мамбрес сказал ему:

— Великий царь. Порядок вещей изменился; необходимо, чтобы ваше величество подали пример. О, царь! Развяжите поскорее сами тело быка и первые поклонитесь ему.

Амасис повинился и пал ниц вместе со всем своим народом. Первосвященник мемфисский поднес новому быку первую горсть сена. Прекрасная Амасида привязала к его прекрасным рогам венки из роз, анемонов, лютиков, тюльпанов, гвоздики и гиацинтов. Она осмелилась даже поцеловать его, но с глубоким уважением. Священники осыпали пальмами и цветами дорогу, по которой повели его в Мемфис, а мудрый Мамбрес, не переставая размышлять, тихонько говорил своему другу змею:

— Даниил превратил этого человека в быка, я же превратил его в бога.

В таком же порядке все возвратились в Мемфис. Танисский царь в крайнем смущении следовал за процессией. Мамбрес с радостным и благочестивым видом шел подле него. Удивленная старуха поспешила за ними; ее сопровождали змея, собака, ослица, ворон, голубь и ко-

зел отпущения. Большая рыба опять высунула из Нила свою голову. Даниил, Иезекииль и Иеремиа, превращенные в сорок, замыкали шествие.

Когда достигли границ царства, которые находились не в далеком расстоянии, царь Амасис простился с быком Аписом и сказал своей дочери:

— Дочь моя, воротимся в наше государство, чтобы я мог там перерезать вам горло, ибо я решил это в своем царском сердце в наказание за то, что вы произнесли имя моего непримиримого врага Навуходносора, который семь лет тому назад свергнул меня с престола. Когда отец поклялся зарезать свою дочь, он должен исполнить свое обещание, иначе он будет низвергнут навеки в ад, а я не хочу из-за вас погубить себя.

Прекрасная царица отвечала царю Амасису следующее:

— Мой дорогой отец, вы можете зарезать кого вам угодно, но только не меня. Я теперь во владениях Исида, Осириса Гора и Аписа; я никогда не покину моего белого быка и буду целовать его всю дорогу, пока не увижу его обоготворения в великих стойлах святого города Мемфиса: слабость эта простительна девушке из честного рода.

Едва произнесла она эти слова, как бык Апис воскликнул:

— Моя дорогая Амасида, я буду любить тебя всю жизнь.

В первый раз в продолжении тех сорока тысяч лет, как поклоняются в Египте быку Апису, услышали, что он говорит. Змей и яслица вос-

кликнули: «Семь лет прошли», и три сороки повторили: «Семь лет прошли». Все священники подняли руки к небу. Тотчас же исчезли у бога Аписа его задние ноги, его две передние ноги превратились в две человеческие ноги; две прекрасные полные, мускулистые белые руки отделились от его плеч; вместо бычачьей морды появилось прекрасное лицо героя, он снова сделался прекраснейшим человеком на земле и сказал:

— Я предпочитаю быть возлюбленным Амасиды, нежели богом. Я Навуходносор, царь царей.

Это новое превращение удивило всех, кроме размышляющего Мамбреса; но никого не удивило то, что Навуходносор тотчас же, в присутствии всего собрания, женился на прекрасной Амасиде.

Он оставил Таниское царство за своим тестем и устроил прекрасные помешения для ослицы, змея, собаки, голубя и даже для ворона, трех сорок и большой рыбы, показав этим всему миру, что он умеет прощать, так же как и покорять. Старуха получила крупную пенсию. Козел отпущения был отправлен на один день в пустыню, дабы искупить все грехи, после чего ему дали в награду двенадцать коз. Мудрый Мамбрес отправился размышлять в свой дворец. Навуходносор, поцеловав его, стал мирно управлять мемфисским, дамасским и балбекским царствами, Тиром, Сирией, Малой Азией, Скифией, странами Ширазской, Тубалской, Мадайтской, областями Гога, Магога, Яваною, Согдианою, Бактрианою, Индией и островами.

Народы этой обширной монархии ежедневно восклицали: «Да здравствует великий Навуходоносор, царь царей, который перестал быть быком!» С тех пор в Вавилоне установился новый обычай: каждый раз, когда монарх, жестоко обманутый своими сатрапами, казначеями, магами или женами, сознавал, наконец, свои заблуждения и исправлял свое дурное поведение, то весь народ у ворот его дворца восклицал: «Да здравствует наш великий царь, который перестал быть быком!»

ПРИМЕЧАНИЯ

МЕМУАРЫ ДЛЯ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ Г-НА ВОЛЬТЕРА

Стр. 7. Мемуары Вольтера, без всякого сомнения, могли бы явиться интереснейшей из всех его книг. К сожалению, он оставил лишь незаконченный и стилистически необработанный отрывок. Он начал набрасывать свои воспоминания вскоре после того, как, рассорившись со своим покровителем королем Фридрихом II и не имея возможности вернуться во Францию, он вынужден был поселиться в окрестностях Женевы. Вскоре другие литературные работы отвлекли его внимание. Несколько лет спустя он воспользовался частично своими заметками, оставив (в третьем лице) «исторический комментарий к творениям автора «Генриады» — краткую официальную биографию, в которой тщательно обойдены все щекотливые вопросы.

Стр. 9. Габриэль Эмилия, маркиза дю Шатлэ (1706—1749), женщина, наиболее близкая к Вольтеру, была замужем за королевским офицером, который глядел на открытую связь своей супруги с поэтом с беззаботностью, отлично характеризующей семейные нравы XVIII столетия.

Анна Лефевр, по мужу Дасье (1654—1720), жена французского филолога Андре Дасье, отлично изучившая древние языки и издавшая тексты многих латинских и греческих авторов.

Стр. 10. Самуил Кениг (1702—1757), немецкий математик, ученик Вольфа и ревностный последователь Лейбница. Вольтер, благоволивший к Кенигу, тем не менее, осмелел его, изобразив его под именем Панглоса в романе «Кандид».

Пьер Луи Моро де Мопертюи (1698—1759), французский астроном и геодезист, бывший драгунский офицер, один из первых французских приверженцев и пропагандистов учения Ньютона; сделался известен тем,

что руководил экспедицией в Лапландию для измерения меридиана. Был близким другом Вольтера и г-жи дю Шатлэ, но поссорился с раздражительным поэтом во время совместного проживания в Берлине.

Семья Бернулли дала ряд крупнейших ученых. В тексте упоминается Иоанн Бернулли (1667—1748), бывший профессором в Базеле, автор замечательных работ по интегральному и дифференциальному исчислению.

Стр. 12. Ян де Витт (р. 1625), голландский государственный деятель, вождь республиканской партии и враг Оранского дома; 20-го августа 1672 г. был растерзан толпою, которую возмутили сторонники штатгальтера Вильгельма III.

Стр. 19. Барон Христиан Вольф (1679—1754), немецкий философ, ученик Лейбница, за уклонение от протестантской ортодоксии подвергся гонению со стороны короля Фридриха Вильгельма I, но после вступления на престол Фридриха II вошел в милость и был назначен вице-канцлером университета в Галле; он был учителем Ломоносова.

Стр. 22. Франсуа де Башомон (1624—1702), французский стихотворец, прославившийся главным образом своими эпиграммами.

Клод Эммануэль Люлье де Шапелль (1626—1686), поэт-дилетант, много враждовавший в обществе знаменитых писателей своего времени, типичный представитель парижской литературной богемы XVII столетия, герой множества анекдотов.

В 1656 г. Башомон и Шапелль сообща описали в стихах и в прозе свое путешествие на юг Франции. Это шутивное произведение имело большой успех и вызвало множество подражаний. К числу последних относится и «Путешествие в Берлин», написанное самим Вольтером.

Стр. 27. Андрэ-Эркуль де Флери (1651—1743) воспитатель Людовика XV, с 1726 года и до смерти первый министр. Флери был осторожным и бережливым политиком, устранил ряд административных злоупотреблений и старался избегать войн, хотя это ему не всегда удавалось.

Мария Терезия (1717—1780), эрцгерцогиня австрийская, королева Венгрии и Чехии, дочь германского императора Карла VI. Так как со смертью этого но-

следнего должно было пресечься мужское потомство в линии австрийских Габсбургов, то император особым актом, получившим название Прагматической санкции, постарался обеспечить свои наследственные владения за дочерью и ее мужем. Все великие державы, в том числе Франция и Пруссия, выступили поручителями при подписании этого трактата, что не помешало им тотчас же после смерти императора начать так называемую войну за австрийское наследство. Война закончилась Аахенским миром, в результате которого Мария Терезия потеряла Силезию, перешедшую во владение Фридриха II. Позднее императрица в союзе с Россией и Францией пыталась отвоёвать эту провинцию. Война, получившая название Семилетней, длилась с 1756 по 1763 год, но закончилась торжеством Пруссии.

Стр. 31. П е р и п а т е т и к и — последователи философии Аристотеля. Физика Аристотеля, несмотря на ее совершенную устарелость и на многочисленные нелепости, держалась во французских университетах до половины XVII столетия и была вытеснена оттуда лишь после долгой борьбы последователями Ренэ Декарта.

ского направления, член конгрегации ораторианцев. Его Пасхазий Кенель (1634—1719), богослов яansenist-сочинения были в 1713 г. осуждены папской буллой *Unigenitus*.

Стр. 32. Луи Франсуа Арман дю Плесси герцог де Ришелье (1695—1788), типичнейший представитель французской придворной знати XVIII столетия, герой бесчисленных походов и темных интриг, которые не раз приводили его в Бастилию, но не помешали сделать блестящую военную карьеру. Был близким другом Вольтера.

П р а г м а т и ч е с к а я с а н к ц и я — см. примечание к стр. 27.

Стр. 40. Эпикур, греческий философ IV века до нашей эры, создатель одной из замечательнейших метафизических и моральных систем древности. Вольтер в данном случае незаслуженно принижает Эпикура, изображая его проповедником морали наслаждения.

Стр. 42. Эпаминонд знаменитый фиванский полководец, вожь ополчений Аркадского союза в войне против Спарты.

Стр. 43. Жан-Батист де Во́йе, маркиз д'Аржа́нс (1704—1771) писатель скептического направления, автор многочисленных популярных трудов, в которых разоблачал религиозные суеверия. Таковы «Китайские письма», «Каббалистические письма», «Еврейские письма», «Философия здравого смысла» и т. д.

Стр. 45. Людо́вик XII (царств. 1498—1515), сын герцога Карла Орлеанского, был мужем принцессы Жанны, дочери короля Людовика XI. За участие в междоусобной войне три года провел в заключении в Бурже. Наследовав престол после смерти брата Жанны короля Карла VIII, очень милостиво отнесся к своим врагам и не старался отомстить кому-либо из них.

Стр. 48. Пьетро Метастазіо (1698—1782), автор множества либретто для итальянских опер, подвизавшийся главным образом в Вене, в тамошнем придворном оперном театре.

Стр. 52. Жанна Антуанетта Пуассон, по мужу д'Этиоль маркиза де Помпадур (1721—1764), была главной фавориткой женолюбивого Людовика XV, которому сама поставляла новых любовниц. Маркиза не лишена была некоторого образования и охотно покровительствовала поэтам, художникам и ученым. Так как она была очень незнатного происхождения, то навлекла на себя непримиримую ненависть большинства придворной знати.

Стр. 53. Станислав Лещинский, родовитый польский пан, воевода Познанский, в 1704 г. был избран королем Польши, но не мог справиться со своим конкурентом Августом II, опиравшимся на поддержку России. Потерпев поражение, удалился за границу и жил во Франции, где его дочь Мария вышла замуж за Людовика XV. В 1733 г. Станислав сделал попытку вернуть себе польскую корону при помощи французов, но был осажден в Данциге русским фельдмаршалом Минихом и сдался на капитуляцию. Остаток жизни провел во Франции, где номинально носил титул владетельного герцога Лотарингского.

Стр. 55. Исповедные свидетельства были изобретены парижским архиепископом де Бомоном для борьбы с янсенистами. Лиц, которым приходское духо-

венство отказывало в подобных свидетельствах, не позволено было предавать христианскому погребению.

Маркиза дю Шатлэ скончалась 10 сентября 1749 г. от последствий родов. Отцом ребенка был не Вольтер, а его счастливый соперник молодой маркиз де Сен-Ламбер.

Стр. 56. Астольф и Альцина, действующие лица в поэме Ариоста «Неистовый Орланд».

Стр. 58. Жюльен де Ла Метри (1709—1751), один из выдающихся представителей материалистической философии XVIII в., оцененный по достоинству только в наше время. Особенно замечательны его книги «Естественная история души» и «Человек-машина».

Стр. 59. Дионисий Младший, тиран города Сиракуз, принял правление в 367 г. до нашей эры. По его приглашению философ Платон явился из Афин в Сиракузы, но скоро навлек на себя гнев тирана и, по преданию, был продан им в рабство.

Стр. 60. Лорд Тирконелль, ирландец родом, изгнанный из отечества за свою преданность низверженной династии Стюартов, состоял на французской дипломатической службе.

Книга, вызвавшая такие жестокие насмешки и действительно содержавшая немало странных утверждений, была издана под заглавием «Письма г-на де Мопертью». Вольтер написал против нее памфлет «Диатриба доктора Акакии», один из самых замечательных образчиков сатирической полемики. Он сам прочитал это свое произведение Фридриху. Король от души смеялся, но, дорожа доброй славой своей Академии, просил воздержаться от напечатания. Вольтер согласился и тут же бросил рукопись в огонь. Однако, несколько недель спустя, расширенное и дополненное издание появилось в Лейпциге. Фридрих не мог простить своему любимцу этого коварства. «Диатриба» была сожжена рукою палача, и Вольтер счел более благоразумным покинуть Пруссию.

Стр. 68. Пьер Герен де Тенсен (1680—1758) по требованию кардинала Дюбуа играл роль в комедии, которой сопровождалось обращение Джона Лоу в католицизм. Будучи затем епископом Эмбренским, он председательствовал на поместном соборе, осудившем Жана

Соанена, епископа Сенезского, наиболее упорного из пятнадцати французских прелатов, отказавшихся принять папскую буллу *Unigenitus*.

Стр. 69. Джон Лоу, шотландский финансист, в 1716 г. с разрешения Филиппа Орлеанского основал в Париже Ассигнационный банк и учредил компанию для торговли с Америкой. Вначале дела банка процветали, курс акций стремительно поднимался. В 1719 г. Лоу был назначен генерал-контролером финансов. Но вскоре затем наступил крах. Выяснилось, что банком было выпущено три миллиарда билетов при 49 миллионах покрытия золотом и на 289 миллионов векселями, большую часть безденежными. Лоу был вынужден бежать из Франции в Венецию, где и умер в 1729 г.

Стр. 70. Вольтер назвал это поместье Делис, т. е. Наслаждение; не смешивать с другим именем, более известным, а именно Ферней (откуда прозвание — Фернейский старец), лежавшем на французской территории.

Стр. 73. Франсуа-Иохим-Пьер де Берни (1715—1794), салонный поэт и дипломат, с 1755 по 1758 год был министром иностранных дел, позднее занял пост французского посла, при папском престоле. Во время революции усиленно содействовал разрыву Рима с Францией.

Стр. 76. Каудинское ущелье — два узкие горные прохода около города Каудиума на границе Римской Кампании. Во время Самнитской войны в 321 г. до нашей эры римское войско было окружено здесь Самнитянами и вынуждено сдаться на унижительных условиях. Впоследствии имя Каудинского ущелья сделалось нарицательным для всякой позорной капитуляции.

Стр. 77. Гильом аббат де Шолье (1636—1720), салонный и эротический поэт, покровитель молодого Вольтера.

Иксион, царь лапитов, дерзнувший волочить за Герой, супругой Зевса. В наказание за это низвергнут в ад, где прикован к вечно вращающемуся огненному колесу. Не смешивать с иксионом — диковинным животным, о котором говорится в диалоге «Обед у графа де Буленвилье».

Герцог Кумберландский, командовавший от имени английского короля в северной Германии, заключил 8 сентября 1757 г. конвенцию в Клостер-Цевене, но-

ложившую конец сопротивлению Ганновера. Но король Георг II отказался утвердить эту конвенцию, и война продолжалась.

Стр. 78. В сражениях: при Кресси (1346 г.), Пуатье (1356 г.) и Азинкуре (1415 г.) французы были на голову разбиты англичанами во время Столетней войны.

Стр. 82. Густав II Адольф (1594—1632), король шведский, знаменитый полководец, одержавший ряд громких побед над австрийцами во время Тридцатилетней войны. Убит в сражении под Люценом.

РАЗГОВОР КАПЛУНА И ПУЛЯРДЫ

Стр. 87. Людовик Добродушный царствовал во Франции с 814 по 845 г.

Стр. 88. Порфирий (232—305), языческий философ неоплатоник, ученик Плотина, автор большого полемического сочинения против христианства, которое уцелело лишь в отрывках.

Рене Декарт (1596—1650), выдающийся французский философ, физик и математик, давший свое имя Картезианской философии; утверждал, что животные представляют собой простые машины, неспособные что-либо чувствовать.

Стр. 89. «Все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную, даю вам все; только плаги с душою ее, кровью ее не ешьте». Книга Бытия, IX. 34

ОБЕД У ГРАФА ДЕ БУЛЕНВИЛЬЕ

Стр. 95. Содержание диалога принадлежит исключительно Вольтеру, но лица, выведенные в нем, действительно существовали, хотя уже давно покоились в могиле, когда писатель издал свое сочинение. Граф Анри де Буленвилье (1658—1722) известен как автор многочисленных трудов по истории средневековой Франции. Он был усердным защитником дворянских привилегий, интересовался магией и астрологией, но при этом довольно критически относился к учениям католицизма. Николай Фрерэ (1688—1749)—историк, географ и ученый-ориенталист, один из творцов сравнительной филологии, автор ценных работ по вопросам античной хронологии и исте-

рии религии. Наконец, аббат Кур, играющий в диалоге такую смешную роль, был в двадцатых годах секретарем архиепископа парижского.

Стр. 99. Эпиктет философ стоик, живший в Риме в конце I и начала II века нашей эры; не оставил никаких сочинений, но некоторые из его бесед, записанные Аррианом, и частично сохранились до нашего времени.

Марк Аврелий Антонин, римский император (царств. 161—180), последователь стоической философии, автор написанного по-гречески трактата «К самому себе».

Стр. 101. Вольтер ставит французский чин генерального откупщика государственных налогов вместо евангельского выражения мытарь.

Франсуа Равальяк, католический фанатик, убивший 10 мая 1610 г. короля Генриха IV, в котором он видел врага веры и церкви. По приговору Парижского парламента Равальяк был казнен с ужасными пытками.

Сципион — имя нескольких римских полководцев и государственных деятелей. В данном случае, очевидно, подразумевается Публий Корнелий Сципион Старший (235—183 г.г. до н. э.), победитель Аннибала, просвещенный вельможа, старавшийся перенести в Рим греческую науку и искусство.

Стр. 102. Арий, александрийский священник, учивший, о неравенстве сына божия с богом отцом, в 318 г. был осужден Александрийским собором и лишен сана, что не помешало ему приобрести много последователей. Как особая секта Арианство окончательно исчезает только в VII столетии.

Ульпий Траян, император Римский (царств. 98—117), считался образцом мудрого и деятельного государя.

Стр. 104. Снятие сала с цыпленка. После принудительного массового крещения испанских и португальских евреев, инквизиция бдительно следила за тем, чтобы новообращенные не придерживались иудейских обрядов. Снятие жира с цыпленка, по мнению инквизиторов, было одним из таких обрядов.

Стр. 105. Генрих VIII (1491—1547) наследовал корону вследствие смерти своего старшего брата Артура и женился на его вдове Екатерине Арагонской. Император Карл V, родственник Екатерины, по династическим соображениям способствовал этому браку.

Стр. 107. Юбилейный год. Согласно древнееврейскому законодательству, изложенному в книге Левит, XXV, 8—55, каждое пятидесятое лето должно быть освещено, как «год оставления или юбилея». В этот год должно было совершаться восстановление почему-либо утраченных прав каждого еврея на участие в недвижимой родовой собственности. Граф предлагает установить такой же обычай во Франции, с целью отобрать у католической церкви пожертвованные ей земельные владения и возратить их наследникам, т. е. представителям разоряющегося дворянского сословия.

Св. Христофор. Здесь имеется в виду испанская каменная статуя св. Христофора, стоявшая перед входом в соборный храм богородицы Парижской.

Стр. 109. «Как кушал за завтраком пророк Иезекииль»... — Здесь имеются в виду следующие слова из книги пророка Иезекииля: «И ешь, как ячменные лепешки, и пеки их при глазах их на человеческом кале. И сказал господь: Так сыны израилены будут есть нечистый хлеб свой среди тех народов, к которым я изгоню их. — Тогда сказал я: О господи боже! Душа моя никогда не осквернялась, и мертвечины, и растерзанного зверем я не ел от юности моей доныне; и никакое нечистое мясо не входило в уста мои. — И сказал он мне: вот, я позволяю тебе, вместо человеческого кала коровий помет и на нем приготовляй хлеб твой» (Книга пророка Иезекииля, IV, 12—15).

Огола и Оголива. — «Были две женщины, дочери одной матери. Имена им: большей Огола, а сестре ее Оголива. И были они моими и рождали сыновей и дочерей; и именовались Огола Самариею и Оголива Иерусалимом. И стала Огола блудить от меня и пристрастилась к своим любовникам к ассириянам, к соседям своим... Сестра ее Оголива видела это и еще развращеннее была в любви своей, и блужение ее превзошло блужение сестры ее. И пришли к ней сыны Вавилона на любовное ложе и осквернили ее блудодейством своим, и она осквернила себя ими; и отвратилась от них душа ее. И она умножала блудодеяния свои, вспоминая дни молодости своей, когда блудила в земле Египетской. И пристрастилась к любовникам своим, у которых

плоть ослиная и похоть, как у жеребцов». (Там же, XXIII, 2—26).

Стр. 110. Тит Лукреций Кар, римский поэт I в. до н. э., автор большого дидактического стихотворения «О природе вещей». Гераклит Темный, один из величайших философов Греции до эпохи Сократа, считается основоположником философской диалектики.

Стр. 112. Иосиф Флавий, еврейский государственный деятель и писатель I в. н. э., составил по гречески историю войны иудеев против Римлян и обширный трактат «Древности иудейские». В обоих сочинениях Иосиф старается выставить в наиболее благоприятном виде своих единоплеменников и указывает на сильное влияние еврейской религии на греческое просвещение.

Стр. 114. Блез Паскаль (1632—1652), французский писатель, философ и гениальный математик, примыкал к иясенистскому течению, автор знаменитых «Провинциальных писем» и большого незаконченного сочинения в защиту истин христианской религии. Отрывки этого сочинения были изданы под заглавием «Мысли».

Стр. 115. Симон Волхв, современник апостолов, основатель секты, просуществовавшей до III в. Христианская церковь считает его родоначальником всех ересей, когда-либо существовавших. Жизнеописание его изукрашено чудесными легендами.

Стр. 116. Король Дагобер (ум. в 638 г.) франкский король из династии Меровингов. История не знает о нем почти ничего, кроме имени, что впрочем не помешало ему стать главным действующим лицом многочисленных народных преданий.

Стр. 117. В 1702 г. во время войны за Испанское наследство в полудикой и малодоступной области Севенских гор произошло кровавое восстание протестантов против французского правительства. Мятежники держались в горных долинах в течение нескольких лет, пока не были истреблены почти до последнего.

Дьякон Франсуа Парис (ум. в 1727 г.), принадлежавший к иясенистскому толку, считался великим праведником. На его могиле в монастыре св. Медарда в Париже разыгрывались сцены мистического экстаза, во время которых верующие падали на землю в конвульсиях.

Стр. 118. Ирод Великий, сын Идумейского князя Антипатра, в 40 г. до нашей эры подчинил себе всю Иудею, где царствовал при поддержке римлян свыше сорока лет. Сын его Ирод Антиппа получил только четвертую часть отцовских владений, а именно Перею и Галлилею. Отсюда название Четвертовластника.

Стр. 119. Никейский Собор. Первый вселенский собор, созванный императором Константином в Никее в 325 г., осудил ересь Ария и выработал основы православно-католического учения о святой троице. Спор между православными и арианами вертелся вокруг единосущия (по-гречески омоусия) и подобосущия (гомойусия). Эти два слова в греческой транскрипции различаются только знаками придыхания и буквою и (иота), что не мешало им быть знаменами в двух непримиримо враждебных религиозных партиях. См. примечание к стр. 102.

«Церковная история франков» составлена на латинском языке Григорием Турским около 590 г. В этой книге рассказывается о том, как католическая церковь подчинила своему влиянию новообращенных варваров.

Стр. 122. Джон Локк (1652—1704), виднейший представитель английской эмпирической философии. Его главные сочинения «Опыт о человеческом разуме», «Письма о веротерпимости» и «Трактат о правительстве» были настольными книгами Вольтера.

Стр. 124. Гассан, старший сын Али бен-Талеба и Фатьмы, дочери Мохамеда, был халифом с 661 по 669 г. Его память, равно как и память его отца и брата Гуссейна, свято чтутся мусульманами шиитского толка.

Стр. 126. Цезарь Борджиа (1474—1506), побочный сын папы Александра VI, пятнадцати лет от роду получил сан кардинала, но вскоре сложил с себя духовное звание, так как мечтал сделаться светским правителем объединенной Италии. К этой цели он стремился самыми злодейскими и преступными средствами, устраняя своих противников при помощи наемных убийц или яда.

Стр. 127. Семь соединенных провинций—Голландия.

Стр. 128. Св. Фома Аквинский (1225—1274), авторитетнейший из средневековых схоластиков. Его главное сочинение «Сумма философии или об истине католической веры против язычников» представляет собою сводку всей богословской премудрости средневековья и поныне изучается в католических семинариях.

Стр. 130. Мария Маделена маркиза де Бренвилье, знаменитая отравительница, отправившая на тот свет своего отца, двух братьев и двух сестер с целью присвоить себе их состояние; казнена в 1676 г.

Людовик XI (царств. 1461—1483), шестой французский король из дома Валуа, известен своим коварством, жестокостью и ханжеством. Был, однако, весьма искусным политиком, и способствовал объединению Франции, при чем опирался на городскую буржуазию в борьбе с феодалами.

ПИСЬМА АМАБЕДА

Стр. 135. Эта небольшая остроумная повесть написана в виде подражания «Персидским письмам» Монтескье. Нужно иметь в виду, что главной целью Вольтера было осмеяние и посрамление католической религии. Его сведения о нравах, быте и философии индусов были довольно смутны, и сообщаемые им по этому предмету сведения не имеют строго исторического характера.

Стр. 135. Книги — трактаты, излагающие учение китайского философа Лао-Цзы, жившего в VI в. до нашей эры.

Стр. 136. Шаста, вернее Шастра, по санскритски правило или трактат, вообще всякая книга с общепризнанным авторитетом божественным или человеческим.

Зороастр, легендарный основатель древне-персидской религии, живший по приблизительному подсчету в X столетии нашей эры.

Таут, иначе Тот, древне-египетский бог луны, считался изобретателем иероглифов, покровителем ученых, богом библиотек и автором всех священных египетских книг.

Стр. 138. Альфонсо Альбукерк (1452—1515), второй по счету Португальский вице-король Восточной

Индии, завладел силою оружия или хитростью городом Гоа с прилегающей областью, Малаккой, Малабаром, Цейлоном, Зондским архипелагом и островом Ормузом в Персидском заливе.

Стр. 140. «Рассуждение о всемирной истории» Боссюета, епископа Мо, издано в 1681 г., как учебная книга для наследников французского престола. Здесь проводится мысль о том, что израильтяне и иудеи имели решающее влияние на весь ход греко-римской образованности.

Стр. 161. Католические епископы носят на руках фиолетовые перчатки.

Стр. 166. Фатутто означает «Тот, кто все делает» и Фамольто — «Тот, кто много делает».

Стр. 169. Огола и Оголива. См. примечание к стр. 109.

Стр. 179. Остров Мальта местопребывание рыцарского и монашеского ордена, члены которого давали клятву никогда не прекращать войны с неверными.

Стр. 180. Старый Город — Чивитта-Веккиа, служащая гаванью для Рима.

Стр. 191. Начиная с XV столетия императорами Священной Римской Империи избирались почти исключительно государи из династии Габсбургов, наследственные властители Австрии, имевшие свою столицу в городе Вене на Дунае.

Стр. 192. Далай-лама глава буддийской церкви и духовный государь Тибета. Власть Далай-лама представляет многочисленные аналогии с папской властью той эпохи, когда папы были независимыми властителями Римской области.

Стр. 194. «Мандрагора» грубоватая, но остроумная комедия Николо Маккиавелли; на русский язык переведена А. Н. Островским.

Стр. 200. Людовик Ариосто (1474 — 1533); итальянский эпический поэт, автор ирои-комической поэмы «Неистовый Орландо». Вольтер приводит в тексте следующие стихи из этой поэмы: «Не знают, что такое любовь, не знают, что такое милосердие; и отсюда происходит то, что братья монахи бывают такими жадными и такими жестокими негодьями».

БЕЛЫЙ БЫК.

Стр. 207. Гарпократ египетский бог, олицетворявший восходящее солнце. Он изображался с косою на голове и с пальцами во рту — знак младенчества. Греки, не понимавшие значение этого жеста, считали Гарпократа богом молчания.

Стр. 208. Пасифая дочь бога солнца Гелиоса, супруга царя Миноса, отдавалась быку, от которого родила Миноавра, чудовище с бычьей головой и человеческим телом.

В древне-греческой легенде Европа, дочь финикийского царя Агенора, была похищена Зевсом (у римлян Юпитером), принявшим облик быка.

Стр. 210. По рассказу библейской книги Царств, в городе Аздоре, лежащем в Палестине между горами Фавором и Галвум, жила колдунья, умеющая вызывать мертвых. Израильский царь Саул, вынужденный вступить в битву с филистимлянами, обратился к ней с просьбой вызвать тень пророка Самуила, что она и исполнила.

Стр. 211. В библейской «Книге Товита» повествуется о том, как Товит, набожный израильтянин из колена Немфалимова, попал пленником в Ниневию, где успел снискать благосклонность царя. На старости лет он ослеп, впал в нищету и послал своего сына Товию получить долг от своего родственника Гаваила, проживавшего в Рагах Мидийских. В этом путешествии, которое сопровождалось многими чудесными приключениями, спутниками Товии были ангел Рафаил, принявший человеческий образ, и необычайно умная собака.

Стр. 215. Эскулап греческий бог, покровитель врачей и врачебного искусства, изображается со змеей у ног.

Стр. 225. Все перечисляемые Мамбресом чудесные превращения описаны в поэме «Метаморфозы», принадлежащей перу Овидия Назона, латинского стихотворения Августа века.

Керасты жители острова Крита, которых богиня любви Венера-Афродита превратила в быков.

Стр. 230. Нимфа Коронисса, возлюбленная Аполлона и мать Эскулапа, изменила своему божествен-

ному любовнику ради простого смертного. Ворон донес на нее. Аполлон поразил Корониссу стрелой, а ворону, бывшему прежде белым, как снег, повелел быть черным.

Стр. 236. П и е р и д ы дочери македонского царя Пиеера, вступившие в состязание с музами. Аполлон обратил их за это в сорок.

Стр. 238. М а н е ф о н, египетский жрец, живший в III в. до н. э., написал по гречески историю Египта, бывшую для греков и римлян главным источником сведений об этой стране. До наших дней история Манефона сохранилась только в извлечениях.

Стр. 239. А м ф и о н, сын Зевса и Антиопы, получил в дар от Аполлона золотую лиру, на звон которой камни сами прибежали и ложились в должном порядке, образуя стены. Мамбрес противопоставляет Амфиона еврейскому полководцу Иисусу Навину, который трубными звуками разрушил город Иерихон.

Стр. 240. И е ф ф а й один из «судей» израильских. Был сыном блудницы из Галаада и занимался разбоями, пока война с аммонитянами не выдвинула его на место племенного вождя. Готовясь вступить в сражение, Иеффай дал обет принести в жертву богу первое живое существо, которое он встретит на возвратном пути домой. Оказалось, что на встречу ему вышла его единственная дочь, которую Иеффай вынужден был заколоть на алтаре.

Д и н а, дочь Иакова и Лии, была похищена Сихемом, сыном Еммора, царя Евейского, который уже после похищения просил у Иакова согласия на брак. Отец согласился с тем условием, что все подданные Еммора совершат над собою обряд обрезания. Евеяне подчинились этому требованию, но когда они были еще больны после операции, братья Дины Симеон и Левий врасплох напали на их город и умертвили всех жителей.

В о о з, богатый пожилой израильтянин, взял в жены свою молоденькую поденщицу Руфь. От этого брака произошел по прямой линии Иисей, отец царя Давида.

Ф а м а р ь, сноха патриарха Иуды, овдовела, не имея детей. Она обманула своего свекра, выдав себя за придорожную блудницу, и от него родила законного (по древне-еврейским понятиям) сына.

После разрушения Содома, праведный Лот с двумя дочерьми, скрывался в безлюдных горах. Девушки, не желавшие остаться навсегда бездетными, напоили своего отца и спали с ним поочередно. В этом предании сохранился отзвук обычаев, существующих и поныне у некоторых диких племен.

Царь Давид влюбился в Вирсавию, жену одного из своих приближенных Урия. Он послал Урия на войну и велел поставить его в опасное место, где того и убили. Царь впоследствии женился на Вирсавии. От этого брака произошел на свет Соломон.

Яков Аббади (1638—1773) — протестантский богослов, автор трактатов «Об истине христианской религии» и «О божественности Иисуса Христа», которые одинаково сочувственно были встречены католиками и протестантами. Аббади был священником французской реформатской церкви в Лондоне, но за памфлеты, написанные им в защиту английской «достославной» революции 1689 г., ему дали выгодную церковную синекуру в Ирландии.

Аббат д'Отвиль автор сочинения «Истина христианской веры, доказанная фактами», изданного в 1772 г.

Стр. 241. «Эфесская матрона» сказка Апулея, обработанная Лафонтэном. В ней содержится сатира на женское непостоянство.

Стр. 242. Линро анаграмма имени Ролен, французского историка и педагога, автора многотомного сочинения по римской истории.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Мемуары для жизнеописания г-на де Вольтера, им самим писанные	9
Разговор Каплуна и Пулярды	85
Обед у графа де Буленвилье	95
Письма Амабеда, переведенные аббатом Там- поне	135
Белый бык	205
Примечания	255

ВОЛЬТЕР

ВОЛЬТЕР

T. 2

ACADEMIA

1921

ACADEMIA

ROBERT

II

WASHTON